РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ ДЕВЯНОСТО ВТОРОЙ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ).

Пед. ин-т им. [illegible]
Журнальный фонд
57547

1904.

АВГУСТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія В. В. Комарова, Невскій пр., 136.
1904.

ПО ПАМИРУ.

Путевыя записки Б. В. Станкевича.

Предисловіе. Краткій очеркъ Памира.

Всестороннее изслѣдованіе Памира и Тибета пойдетъ нынѣ, благодаря средне-азіатскому рельсовому пути, ускореннымъ ходомъ. Въ настоящее время, когда васъ въ какія-нибудь 3—4 сутокъ переносятъ съ полнымъ комфортомъ съ береговъ Каспія въ Андижанъ, страшно подумать о той потерѣ времени, какую причинялъ въ свое время, еще очень недавнее, знаменитый „большакъ“ съ Оренбурга на Ташкентъ. Да и не одно только время могъ убивать большакъ. А энергія путника? Правда, энергіи Пржевальскихъ, Сѣверцовыхъ, Семеновыхъ не сокрушить ничѣмъ. Но много ли можно насчитать таковыхъ? Теперь на изученіе дебрей Средней Азіи могутъ отваживаться люди и не столь сильные духомъ, но зато въ числѣ несравненно большемъ. Пусть работа каждаго отдѣльнаго изслѣдователя будетъ теперь въ среднемъ не столь блестяща, какъ работа названныхъ богатырей духа, но общая масса вкладовъ въ сокровищницу знаній будетъ расти теперь, можетъ статься, даже быстрѣе — благодаря большему числу работниковъ. Въ этомъ—великое культурное значеніе средне-азіатскаго рельсоваго пути.

Я не буду останавливаться на впечатлѣніяхъ быстраго переѣзда по желѣзной дорогѣ отъ Каспія до предгорьевъ Алая. Впечатлѣній, правда, получается много: эта желѣзная дорога пересѣкаетъ область поразительныхъ контрастовъ, область, гдѣ суровыя пустыни съ ихъ песчаными волнами чередуются съ плодороднѣйшими оазисами. Но все это описывалось много разъ и весьма обстоятельно; все это запечатлѣно въ памяти широкихъ круговъ общества многочисленными картинами. Въ результатѣ оказывается, что для зауряднаго наблюдателя, тѣмъ болѣе для наблюдателя мимолетнаго, всѣ эти темы исчерпаны и закрыты.

Не буду я останавливаться и на описаніи Ош, этого во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго уѣзднаго города Фер-

ганской области: послѣ талантливыхъ корреспонденцій Л. И. Б., помѣщенныхъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ осенью 1900 г., эта тема также закрыта.

Если я рѣшаюсь выпустить въ свѣтъ мои записки, то это только потому, что онѣ посвящены почти исключительно моимъ памирскимъ впечатлѣніемъ, а о Памирѣ *пока еще* можно сказать немало новаго.

Подъ именемъ „Памиръ“ принято понимать область истоковъ Аму-Дарьи. Эта область имѣетъ сѣверной своей границей могучій горный хребетъ Заалайскій, изъ котораго высовываются такіе снѣжные исполины, какъ Пикъ Кауфмана въ 7010 метровъ [1]) высоты, и Кизылъ-Агынъ, достигающій 6620 метровъ. Южная граница Памира—хребетъ Гиндукушъ съ вершинами вродѣ Лунхо (7000 метровъ). Съ запада Памиръ ограниченъ тѣмъ колѣномъ рѣки Пянджа—это одна изъ главныхъ артерій Аму-Дарьи,—которое тянется въ общемъ съ юга на сѣверъ, приблизительно по меридіану 41°10′, считая долготу отъ нашей Пулковской обсерваторіи. Восточная граница Памира—высокая гряда, служащая водораздѣломъ для бассейновъ Аму-Дарьи и китайскаго Тарима. Одинъ изъ выдающихся столбовъ этой въ общемъ отлогой водораздѣльной гряды высится на 7630 метровъ надъ уровнемъ океана. Это — Музъ-Тагъ-Ата, что значитъ „отецъ снѣговыхъ горъ“.

Въ учебникахъ географіи Памиръ именуется *плоскогорьемъ*. Названіе это врядъ ли точно. Правда, въ восточной части Памира, ближе къ помянутому выше водораздѣлу между рѣками русскаго Туркестана съ одной стороны и китайскаго съ другой, долины большихъ рѣкъ относительно широки и представляютъ изъ себя продолговатыя плоскогорья. Таковы долины Музъ-Кола, Акъ-Су, Аличура. Также и озера въ этой части Памира не сдавлены горными хребтами, а обрамлены слегка покатыми окраинами, иногда въ нѣсколько верстъ ширины, которыя затѣмъ уже переходятъ въ болѣе или менѣе крутые горные склоны. Таковы плоскогорьица, имѣющія посреди себя озера: Кара-Куль, Рангъ-Куль, Зоръ-Куль. Но сумма площадей всѣхъ плоскогорій, какъ рѣчныхъ — продолговатыхъ, такъ и озерныхъ—округленныхъ, хотя она и значительна *абсолютно*, все-же очень невелика по сравненію съ площадью, занятой колоссальными горными системами, окружающими озера и обрамляющими рѣки. Эти горныя системы состоятъ изъ причудливо расположенныхъ хребтовъ, отличающихся большой высотой вершинъ—въ 7000 метровъ и болѣе—и крутизной склоновъ. Хребты эти въ большинствѣ случаевъ непроходимы, несмотря на значительную высоту „снѣговой линіи“ на Памирѣ. Въ виду этого даже восточный Памиръ смѣло было бы назвать плоскогорьемъ *какъ цѣлое*. Область швейцарскихъ Альповъ не называютъ вѣдь плоскогорьемъ; а между тѣмъ и здѣсь не всѣ рѣки и озера сдавлены въ тѣсныхъ ущельяхъ:

---

1) Для приближенной переоцѣнки подобныхъ данныхъ на болѣе привычныя русскому читателю версты слѣдуетъ лишь помнить, что 1000 метровъ—безъ малаго верста.

многія рѣки Швейцаріи имѣютъ, напротивъ того, очень широкія долины. Инженеръ полковникъ Б. Я. Мощинскій, занимавшійся разработкой путей на восточномъ Памирѣ и постройкой такъ называемыхъ рабатовъ [1]), выражается по этому вопросу такъ: „семь лѣтъ я чуть ли не сплошь живу на Памирѣ, а *плоскогорья* что-то не видалъ". Мои личныя впечатлѣнія заставляютъ меня присоединиться къ такому заключенію. Но если даже восточный Памиръ, *какъ цѣлое*, трудно признать за плоскогорье, то что же сказать про западную его часть? Въ западномъ Памирѣ—сюда относятся области Дарвазъ, Рошанъ, Шугнанъ и большая часть Вахана—даже большія рѣки сильно сдавлены тѣснинами; русла ихъ сильно наклонены къ горизонту; малыя рѣчки представляютъ почти сплошные каскады, низвергающіе воду иногда съ огромной высоты; горные хребты отличаются большой крутизной склоновъ; не только сами эти хребты, но зачастую даже ложбины большихъ рѣкъ непроходимы. Высота отдѣльныхъ вершинъ этихъ хребтовъ не менѣе значительна, чѣмъ въ восточномъ Памирѣ. Такъ Пикъ Царя Миротворца въ Ваханѣ поднимается на 7000 метровъ; рядомъ съ нимъ Пикъ Царицы Маріи высится ни 6100 метровъ; почти столь же высоко держатъ свои убѣленныя главы Пики Ванновскаго и Обручева въ Рошанѣ. Но на ряду съ этимъ, долины западнаго Памира гораздо углубленнѣе долинъ Памира восточнаго: вѣдь всѣ *большія* рѣки, орошающія Памиръ, имѣютъ главнымъ, магистральнымъ своимъ направленіемъ западное—отъ великаго русско-китайскаго водораздѣла къ общему ложу Аму-Дарьи, которую онѣ образуютъ своимъ сліяніемъ. Особенно внушительно *нагроможденіе* горныхъ массъ въ Рошанѣ и Дарвазѣ. Рѣка Мургабъ—памирскій Мургабъ, который не должно смѣшивать съ одноименной водной артеріей Закаспійскаго края — течетъ по восточному Памиру, напримѣръ близъ Памирскаго поста, сравнительно медленно; въ Рошанѣ тотъ же Мургабъ обращается въ бѣшеную рѣку, катящую обломки утесовъ; эта бѣшеная рѣка, мѣстами прегражденная порогами, на участкѣ отъ впаденія въ нее Танымаса до сліянія ея съ Пянджемъ носитъ названіе Бартанга. Не менѣе, чѣмъ Бартангъ, бурны Гунтъ въ Шугнанѣ, Шахъ-Дарья въ Ваханѣ.

Итакъ, обширная территорія Памира по устройству поверхности можетъ быть раздѣлена на двѣ части. Первая часть, именно восточная, характеризуется сравнительно широкими рѣчными долинами и сравнительно просторными ендовами, дающими пріютъ озерамъ. Вторая часть, западная, отличается тѣснымъ нагроможденіемъ горныхъ массивовъ; между горъ прорываютъ себѣ узкія щели рѣки, катящія свои воды съ бѣшеной скоростью. Западный Памиръ — область очень крутыхъ профилей и рѣзкихъ контрастовъ: здѣшніе увѣнчанные снѣгомъ великаны, столь же высокіе, какъ и вершины восточнаго Памира, обрываются своими нерѣдко отвѣсными каменными

---

1) Каменныя или глинобитныя сооруженія вродѣ крѣпостныхъ казематовъ. Они служатъ мѣстомъ ночлега воинскихъ командъ при походахъ изъ Оша на Постъ Памирскій.

боками въ рѣчныя ложбины, значительно болѣе углубленныя, чѣмъ долины восточнаго Памира.

Плоскогорьица восточнаго Памира покрыты въ смежности съ озерами и рѣками такъ называемыми лёссомъ, на которомъ нерѣдко встрѣчаются солончаки. Послѣднихъ особенно много вокругъ озера Кара-Куля, вода котораго слегка горько-соленая. Лёссъ—очень плодородная почва. Только благодаря этому плодородію лёсса восточный Памиръ, долины и ендовы котораго очень высоки надъ уровнемъ моря, не абсолютно пустыненъ. Трава, годная для лошадей, хотя и жесткая, встрѣчается иногда на восточно-памирскомъ лёссѣ до высоты въ 4200 метровъ: это—въ мѣстахъ, гдѣ сочится вода, текущая со снѣговъ. Правда, что сезонъ травы на такихъ высотахъ очень коротокъ: трава появляется здѣсь лишь въ концѣ іюня—началѣ іюля. Терескенъ—низкорослая колючка, годная впрочемъ лишь на топливо,—попадается на восточномъ Памирѣ до высоты въ 4500 метровъ! Въ мѣстахъ, гдѣ воды застаиваются, какъ напримѣръ, по долинѣ рѣки Аличура или по долинѣ *верхняго* Мургаба, образуется нѣчто въ родѣ болотъ съ кочками. Тутъ трава бываетъ обыкновенно въ изобиліи, даже при значительномъ возвышеніи такихъ мѣстъ надъ уровнемъ моря—до 4000 метровъ и болѣе. Значительно большая однакоже часть восточнаго Памира представляетъ изъ себя унылую, однообразную пустыню, покрытую пескомъ и галькой, а выше—снѣгомъ. Деревьевъ на восточномъ Памирѣ нѣтъ совсѣмъ. Надъ ендовами, дно которыхъ усыпано то галькой, то тончайшимъ пескомъ, и только близъ водъ покрыто лессомъ, высятся болѣе или менѣе крутые склоны горъ, состоящихъ по большой части изъ песчаниковъ. Еще выше залегаетъ вѣчный снѣгъ. Высота „снѣговой линіи“ для восточнаго Памира очень значительна: отъ 4800 до 5000 метровъ надъ моремъ. Столь значительная высота нижней границы вѣчнаго снѣга обусловлена не столько близостью Памира къ тропическому поясу, сколько чрезвычайной сухостью его климата и незначительнымъ количествомъ атмосферическихъ осадковъ. Тѣ могучіе воздушные токи, которые посылаетъ лѣтомъ на материкъ Азіи Индійскій океанъ, оставляютъ почти цѣликомъ несомый ими запасъ водяного пара—въ видѣ дождя или снѣга—на южныхъ скатахъ Гималая и Гиндукуша. Эти воздушные потоки достигаютъ Памира исключительно въ видѣ „суховѣевъ“—вѣтровъ, похожихъ на „Föhnwind“ сѣверной Швейцаріи и южной Германіи.

Западный Памиръ обладаетъ климатомъ замѣтно болѣе влажнымъ, чѣмъ восточный. Потому и высота „снѣговой линіи“ на западномъ Памирѣ нѣсколько меньше. Сюда, въ западную часть великаго среднеазіатскаго нагорья, еще прорываются чрезъ сравнительно невысокій афганскій Ишкашимъ [1]) влажные юго-западные вѣтры, дующіе *вдоль* Гиндукуша, который загибаетъ въ Ишкашимѣ на югъ. Есть и другая причина большей влажности климата западнаго Памира по сравненію

[1]) «Ишкашимъ»—названіе области. Часть этой области находится въ сферѣ вліянія Россіи.

съ Памиромъ восточнымъ—причина чисто мѣстная: черезъ западный Памиръ протекаютъ къ ложу Аму Дарьи всѣ тѣ воды, которыя образуются отъ таянія снѣговъ на восточномъ Памирѣ. Въ рѣчныхъ долинахъ западнаго Памира, благодаря ихъ сравнительно небольшой высотѣ надъ моремъ, находятся мѣстами оазисы, въ которыхъ растутъ деревья и вызрѣваютъ злаки. Оазисы это находятся почти исключительно при устьяхъ боковыхъ потоковъ, низвергающихся въ большія рѣки—Пянджъ, Бартангъ, Гунтъ, Шахъ Дарью. Оазисы еще болѣе оживляютъ природу западнаго Памира, разнобразную уже въ силу однихъ только геологическихъ условій.

Условимся считать границей между восточнымъ и западнымъ Памиромъ линію, идущую такъ: отъ Пика Кауфмана въ хребтѣ Заалайскомъ къ истокамъ рѣки Кокуй Бель; далѣе къ горѣ Тура, близъ Мургаба подъ $38^0 10'$ широты $43^0 8'$ долготы отъ Пулкова; затѣмъ къ восточной конечности озера Яшиль Куля; отсюда къ урочищу Мазаръ Тепе на рѣкѣ, носящей названіе „Памиръ“; урочищу, лежащему подъ $37^0 27'$ широты и $42^0 59'$ доготы; наконецъ, по меридіану 43^0—къ Гиндукушу.

Такое разграниченіе оправдывается условіями строенія поверхности: въ самомъ дѣлѣ, къ западу отъ вышеупомянутой разграничительной линіи русла рѣкъ становятся значительно круче; ущелья сильно съуживаются; профили горныхъ массивовъ становятся гораздо круче.

Если мы примемъ вышеуказанное разграниченіе между Памиромъ *восточнымъ* и Памиромъ *западнымъ*, то окажется, что въ чертѣ *перваго* высоты надъ уровнемъ моря заключаются между нижнимъ предѣломъ въ 3500 метровъ — долина Мургаба, долина Ваханъ Дарьи—и верхнимъ предѣломъ въ 7630 метровъ; въ чертѣ *западнаго* Памира высоты надъ моремъ колеблются между 2000 метровъ—въ долинѣ Пянджа близъ Калай Вамара—и 7000 метровъ.

Предлагаемое мною раздѣленіе Памира въ физическомъ отношеніи удобно еще и потому, что оно *приблизительно* согласуется съ естественнымъ раздѣленіемъ этой области въ отношеніи этнографическомъ.

Восточная часть Памира, область болѣе отлогихъ профилей, область по преимуществу пустынная, населена кочевниками—каракиргизами. На всей обширной площади восточнаго Памира ихъ всего только отъ 10000 до 12000 душъ.

Западный Памиръ населенъ таджиками. Это — иранское племя, представители котораго наружностью очень похожи на европейцевъ. Языкъ таджиковъ, распадающійся на нѣсколько нарѣчій, имѣетъ много корней, тождественныхъ съ корнями европейскихъ языковъ. Памирскіе таджики ведутъ жизнь полуосѣдлую, полукочевую: зиму проводятъ въ „кишлакахъ“—поселкахъ, состоящихъ изъ жалкихъ глинобитныхъ мазанокъ и расположенныхъ въ оазисахъ рѣчныхъ ущелій; лѣтомъ скитаются со своими стадами по едва доступнымъ горнымъ дебрямъ. Для надзора за кишлакомъ оставляются въ немъ на лѣто два, три сторожа; нерѣдко однакоже кишлакъ

оставляется и совсѣмъ безъ всякаго призора. Сказанное впрочемъ относится главнымъ образомъ къ глухимъ дебрямъ Рошана и Шугнана: въ Ваханѣ, гдѣ сообщеніе между кишлаками не столь стѣснено топографическими условіями, гдѣ оазисы болѣе обширны, и гдѣ таджики зажиточнѣе своихъ рошанскихъ собратьевъ,—кишлаки бываютъ обитаемы и лѣтомъ.

Восточный Памиръ считался съ давнихъ временъ принадлежащимъ къ владѣніямъ коканскихъ хановъ. Господство послѣднихъ было однакоже чисто фиктивнымъ: на восточномъ Памирѣ постоянно хозяйничали китайцы; продолжали китайцы такой образъ дѣйствій и нѣкоторое время послѣ присоединенія коканскаго ханства къ Россіи. Извѣстные памирскіе походы Іонова положили конецъ этому неправомѣрному порядку вещей.

Западный Памиръ раздѣлялся въ прежнее время на три ханства: Рошанъ, Шугнанъ и Ваханъ. Рошанъ былъ подъ владычествомъ—болѣе впрочемъ номинальнымъ—бухарскаго эмира. Въ Шугнанѣ и Ваханѣ хозяйничали афганцы, хотя болѣе правъ имѣла на эти области Бухара. Походы Іонова и экспедиція генеральнаго штаба капитана Ванновскаго содѣйствовали возстановленію правъ вассальной намъ Бухары. Окончательно вопросъ рѣшенъ дипломатическимъ путемъ, на основаніи работъ русско-англійской разграничительной комиссіи, функціонировавшей въ концѣ 1894-го и въ началѣ 1895-го года. Соглашеніе по этому вопросу между Россіей и Великобританіей состоялось 27-го февраля (11-го марта) 1895 года. Съ этого момента между Россіей и Афганистаномъ съ одной стороны и Афганистаномъ и Великобританіей съ другой стороны существуютъ на Памирѣ строго опредѣленныя границы.

Начиная отъ бухарскаго поселка Акъ Кума, границей между Афганистаномъ и вассальной намъ Бухарой служитъ Аму Дарья и Пянджъ [1]). Эта *бухарско-афганская* граница тянется до впаденія въ Пянджъ (справа) рѣки Памира, истока изъ горнаго озера Зоръ Куля. Отъ устья „Памира“ граница идетъ по лѣвому берегу этой рѣки и по южному берегу озера Зоръ Куля. Это уже *собственно русско-афганская* граница: бухарскій Памиръ простирается по Пянджу только до устья рѣки „Памира“; восточная часть Памира состоитъ подъ непосредственнымъ управленіемъ военнаго губернатора Ферганской области [2]), а именно въ вѣдѣніи „Памирскаго отряда“. Отъ восточной оконечности Зоръ Куля *русско-афганская* граница идетъ по условной линіи, точно опредѣленной русско-англійскимъ соглашеніемъ 1895 года. Линія эта проходитъ черезъ огромные снѣжные пики: Согласія, князя Лобанова-Ростовскаго, мариза Сольсбери, лорда Эльджина, генерала Повало-Швыйковскаго. Промежуточные пункты этой линіи отмѣчены на мѣстѣ двѣнадцатью столбами. Линія упирается въ *русско-китайскую* границу близъ перевала Бейка.

[1]) Такъ именуется Аму-Дарья выше устья праваго притока ея—Вахша.

[2]) Ферганская область образована изъ завоеваннаго Россіей Коканскаго ханства.

Съ другой стороны границей между *Афганистаномъ и Великобританіей* на Памирѣ признанъ гребень хребта Гиндукуша.

Такимъ образомъ *Россія нигдѣ на Памирѣ не соприкасается съ Великобританіей непосредственно*: между обѣими державами заклиненъ афганскій „буферъ“ въ видѣ удлиненной съ запада на востокъ полосы, которая ограничена съ юга гребнемъ Гиндукуша, а съ сѣвера рѣками Пянджемъ и Памиромъ, озеромъ Зоръ Кулемъ и условной линіей отъ Зоръ Куля къ Беику. Эта полоса имѣетъ между меридіанами 41° 30′ и 42° 20′ ширину всего лишь въ 20 верстъ. Къ востоку отъ меридіана 42° 20′ афганскій „буферъ“ значительно расширяется. Надо замѣтить, что *узкая* часть „буфера“ *зато наиболѣе трудно проходима*: перевалы Гиндукуша здѣсь очень высоки, отъ 5100 метровъ (Ричъ) до 6900 метровъ (Качинъ) надъ уровнемъ моря.

На основаніи соглашенія 1895-го года *афганцы не имѣютъ права строить укрѣпленій въ предѣлахъ помянутой полосы; Англія не имѣетъ права включать эту полосу въ свои владѣнія; но эта полоса признана состоящей въ сферѣ вліянія Великобританіи.*

Границы между Россіей и Китаемъ на Памирѣ точно не установлены.

Намъ, русскимъ людямъ, приходится, сказать во правдѣ, посѣтовать на уступчивость нашихъ представителей въ русско-англійской разграничительной комиссіи, работавшей въ концѣ 1894 и началѣ 1895 гг. Послѣ смѣлыхъ рекогносцировокъ Іонова, естественно было намъ, русскимъ, надѣяться на то, что сфера нашего вліянія будетъ простираться до самаго Гиндукуша. Между тѣмъ, мы сдѣлали своей южной границей рѣки Пянджъ и Памиръ и озеро Зоръ Куль. Мы разрѣшили заклинить между собой и Британской Индіей афганскій „буферъ“. Мы отдали Афганистану—въ составъ этого самого буфера — могучій горный хребетъ, лежащій между рѣкой Памиромъ и озеромъ Зоръ Куль съ одной стороны и Ваханъ Дервей (верхнимъ теченіемъ Пянджа) съ другой стороны, горный хребетъ, получившій наименованіе хребта Императора Николая II. Южный склонъ этого хребта, подъ которымъ течетъ Ваханъ Дарья, представляетъ плодородный оазисъ, довольно густо населенный симпатичнымъ племенемъ, представляющимъ переходный типъ отъ таджиковъ къ индусамъ. Отдавши Афганистану этотъ оазисъ, мы оставили за собой только дикую горную пустыню, каковую представляетъ изъ себя ложбина Зоръ Куля и долина рѣки Памира.....

Глава I.

Отъ Оша до Гульчи.

25 мая 1900 г. на разсвѣтѣ мой караванъ выступилъ изъ Оша въ Гульчу. Дорога до Гульчи прекрасно раздѣлана; вдоль нея тянется телеграфная проволока.

Я ѣхалъ впереди на рѣзвомъ киргизскомъ маштакѣ, который характерно заламывалъ назадъ голову и нетерпѣливо вытанцовывалъ, когда я его ставилъ на шагъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ сзади слѣдовалъ на своемъ косматомъ рыжемъ башкирцѣ казакъ Куромшинъ, въ полномъ походномъ снаряженіи. Куромшинъ — типичнѣйшій представитель оренбуржца; но у него традиціонный вихоръ особенно внушителенъ и бросается въ глаза издалека. Куромшинъ принадлежитъ къ 1-й сотнѣ 6-го полка, командиръ коего, доблестный полковникъ Э., не упускаетъ случая внушать своимъ лихимъ джигитамъ, что „казакъ и видомъ своимъ долженъ быть страшенъ“. Куромшинъ—родомъ изъ татаръ. Это можно рѣшить сразу, при первомъ взглядѣ на его умную физіономію, а тѣмъ болѣе при первыхъ порывахъ его быстраго и энергичнаго говора, хотя и съ довольно правильнымъ складомъ русской рѣчи. Всѣ киргизы, какъ степные, такъ и горные, прекрасно могутъ объясняться съ оренбургскими татарами. Недаромъ, по преданію, оренбургскіе татары, киргизы и башкиры произошли отъ трехъ родныхъ братьевъ — легендарныхъ азіатскихъ „батырей“. Потому-то Куромшинъ могъ служить мнѣ толковымъ переводчикомъ при встрѣчахъ моихъ съ алайскими и памирскими каракиргизами. Даже съ таджиками объяснялся онъ удовлетворительно, благодаря тому, что рѣдкій таджикъ не владѣетъ, хотя немного, киргизской рѣчью.

Мы съ Куромшинымъ ѣхали преимущественно рысью, чтобы успѣть приготовить на мѣстѣ ночлега сколь возможно скорѣе бараній супъ для всего персонала каравана. Караванъ тащился за нами шагомъ. Онъ состоялъ изъ вьючныхъ лошадей алайской породы, животныхъ удивительно нетребовательныхъ въ отношеніи корма, выносливыхъ въ отношеніи рѣзкостей погоды, не знающихъ устали и ловкихъ при влѣзаніи на кручи. Содержимое вьюковъ отличалось большимъ разнообразіемъ. Наибольшее вниманіе людей, сопровождавшихъ караванъ, привлекали къ себѣ три „ягтана“,—такъ называются въ Туркестанѣ кожаные вьючные чемоданы,—которые содержали точные физическіе инструменты. Тутъ были: магнитный теодолитъ, актинометры новѣйшихъ системъ, термометры, анероидъ и т. д. Эти три ягтана были навьючены на самыхъ сильныхъ и добронравныхъ лошадей; съ нихъ не спускали глазъ погонщики сарты, а особенно двое казаковъ той же 1-й сотни 6-го оренбургскаго полка, Константинъ Воронежевъ и Василій Желтоуховъ. Первый изъ нихъ, въ чинѣ приказнаго [1]), былъ назна-

[1]) Этотъ казачій чинъ соотвѣтствуетъ ефрейтору.

ченъ мною начальникомъ каравана. Приказный Воронежевъ—заядлый раскольникъ и очень „себѣ на умѣ“; при всемъ томъ грамотѣй, смышленый, даже талантливый. Въ какихъ-нибудь нѣсколько дней, во время работъ моихъ въ Ошѣ, научилъ я Воронежева искусству прислуживать мнѣ при производствѣ магнитныхъ, актинометрическихъ и метеорологическихъ наблюденій. Эти, по его выраженію, „умственныя“ занятія чрезвычайно его заинтересовали: они льстили его самолюбію. Онъ къ нимъ прямо пристрастился, съ первыхъ же дней. На магнитный теодолитъ смотрѣлъ онъ почти съ благоговѣніемъ. Подобно тому, какъ Куромшинъ, сроднившійся со мной за время нашего кочеванья, готовъ былъ бы за меня броситься „въ огонь и воду“, то же самое не задумался бы сдѣлать Воронежевъ для спасенія магнитнаго теодолита, притомъ не просто только потому, что самый этотъ теодолитъ — *казенный*. Заботливость, которой во время перехода окружаетъ Воронежевъ вьюки съ точными инструментами, не подлежитъ описанію. Остальные вьюки содержатъ съѣстные припасы — муку, крупу, сухари, консервы изъ зелени, чай, сахаръ; фуражъ для лошадей — въ видѣ ячменя; медикаменты и перевязочныя средства; запасы патроновъ; котлы, таганы и желѣзные чайники; всевозможные инструменты, начиная отъ топоровъ и лопатъ и кончая мелкими подпилками, плоскогубцами и иголками; запасы веревокъ и проволоки; части палатки и т. д. Не мало нужно всякихъ припасовъ, когда пускаешься въ долгій путь по странѣ почти пустынной, а тѣмъ болѣе, когда путешествіе осложнено производствомъ тонкихъ физическихъ наблюденій и измѣреній.

Купцы сарты, ведущіе торговлю съ Кашгаромъ, вьючатъ на каждую лошадь по шести пудовъ. Я остерегся отъ подражанія этому примѣру и допустилъ вьюки лишь по четыре пуда на лошадь. Послѣдующее показало, что такая предосторожность была далеко не лишней: кашгарская дорога несравненно торнѣе тѣхъ путей, которыми пришлось пробираться мнѣ.

Подъ командой Воронежева состоитъ добродушный, но немного лѣнивый, казакъ Желтоуховъ и два „каракеша“, т. е. погонщика вьючныхъ лошадей, по національности сарта. Старшій изъ каракешей, по имени Годобай,—рослый мужчина атлетическаго сложенія, съ бронзовыми отъ загара лицомъ и шеей. Его ваточный халатъ, безсмѣнно одинъ и тотъ же въ ночной морозъ на высокомъ горномъ перевалѣ и въ полуденный солнопекъ въ долинѣ, оставляетъ открытой верхнюю часть груди и горло, обремененное огромнымъ мясистымъ кадыкомъ. Ноги Годобая обуты въ неуклюжіе туземные сапоги, называемые „мукки“. Съ своимъ подручнымъ, другимъ сартомъ, онъ обращается деспотически. Этотъ его помощникъ—дѣтина столь же богатырски сложенный, какъ и самъ Годобай. Когда послѣдній въ хорошемъ расположеніи духа, онъ удостоиваетъ помощника разговоромъ на сартовскомъ языкѣ; тотъ отвѣчаетъ почтительно, немногословно. Будучи въ сердцахъ, Годобай осыпаетъ подручнаго самой отборной русской руганью, которой исчерпываются почти всѣ его познанія по части

русской рѣчи. Иной разъ Годобай и поколотилъ бы помощника, если бы его не осадилъ окрикъ Воронежева. Годобай—каракешъ профессіональный. Много разъ бывалъ онъ въ Кашгаріи, а также и на Памирѣ.

Отъ самаго Оша, который высится надъ уровнемъ моря на 1.030 метровъ, Гульчинскій „большакъ“ все время поднимается вверхъ, впрочемъ очень отлого. Сначала путь прорѣзаетъ плодородныя поля, прекрасно орошенныя многочисленными арыками. Арыки отведены отъ верхняго теченія Акъ Буры, бѣшенаго и многоводнаго потока, который мчится съ Алайскаго хребта и протекаетъ затѣмъ черезъ самый городъ Ошъ. По обѣ стороны дороги—частые кишлаки, населенные сартами. Самый большой изъ нихъ, Мады, расположенъ на самой дорогѣ, въ 12 верстахъ отъ Оша. Здѣсь проводитъ зимы старушка Датха, бывшая повелительница алайскихъ каракиргизовъ, изъявившая покорность Бѣлому Царю вскорѣ послѣ покоренія Кокана и рыцарски обласканная Скобелевымъ. Лѣтомъ Датха кочуетъ по предгорьямъ Алая. Ея придворные приготовляютъ дивный кумысъ, котораго мнѣ довелось испробовать.

Только что мы миновали Мады, какъ полилъ дождь, зарядившій до вечера и временами ожесточавшійся до степени ливня. Такой упорный и интенсивный дождь—рѣдкость въ этихъ мѣстахъ. Проливень заставилъ меня отказаться отъ намѣренія сдѣлать въ первый же день переходъ до самой Гульчи, и я рѣшилъ заночевать въ кишлачкѣ Лянгарѣ, отстоящемъ отъ Оша только на 34 версты. Лянгаръ расположенъ на лѣвомъ берегу рѣчки Талдыкъ. Покинувъ Ошъ еще на разсвѣтѣ, я былъ въ Лянгарѣ около 9 часовъ утра. Мы остановились не въ самомъ кишлакѣ Лянгарѣ, населенномъ сартами, а въ стоящей на отлетѣ отъ кишлака избѣ русскаго поселенца, крестьянина воронежской губерніи, служившаго раньше жандармомъ въ Петербургѣ. Здѣсь проживаетъ онъ вдвоемъ съ своей бабой, также воронежской уроженкой. Отъ времени до времени останавливаются у нихъ проѣзжающіе въ Гульчу русскіе. Про эту симпатичную парочку я слышалъ еще въ Ошѣ и теперь отыскалъ ихъ жилище нарочно. Поставивъ нашихъ коней подъ навѣсъ и вытеревши ихъ соломой, Куромшинъ купилъ въ кишлакѣ барана и принялся за варку супа на кухнѣ нашихъ хозяевъ. Караванъ подошелъ къ полудню. Казаки вычистили наши винтовки, смоченныя дождемъ, а около 2 часовъ пополудни мы уже хлебали бараній супъ. Лошади, послѣ того какъ онѣ отстоялись, были стреножены и пущены на подножный кормъ. Завалившись спать очень рано, мы проснулись до свѣта. Верховымъ конямъ навѣсили торбы съ небольшими порціями ячменя, а сами принялись за чай съ остатками вареной баранины и чернымъ хлѣбомъ, запасеннымъ въ Ошѣ. Понятно, за чаепитіемъ не разсиживались. Быстро собрали казаки нашу походную утварь и уложили ее въ туземные саквояжи—„капы“ и „куржумы“. Быстро скатали они въ трубки большіе войлоки—„кошмы“, на которыхъ мы спали. Затѣмъ приступили къ навьючиванью караванныхъ лошадей. Ошскіе каракеши никогда не разсѣдлываютъ вьючныхъ лошадей: онѣ

пасутся на подножномъ осѣдланными и проводятъ подъ сѣдлами всю свою незавидную жизнь. Снять сѣдло съ такой лошади было бы иной разъ не безопасно для жизни несчастнаго животнаго: это значило бы развередить и обнажить сплошную вонючую рану, покрывающую его спину. Вьючное сѣдло, употребляемое въ Ферганѣ и называемое по туземному „пано“, имѣетъ огромные размѣры: оно доходитъ чуть не до хвоста лошади и закрываетъ почти вполнѣ ея бока; придерживается очень широкой подпругой изъ тесьмы, нагрудникомъ и короткими пахвями. Лошадь, пасущаяся въ такомъ панцырѣ, производила на меня всегда впечатлѣніе улитки, которая тащитъ свою раковину.

Поймавши на пастбищѣ лошадей, Годобай и его помощникъ подводятъ ихъ къ вьюкамъ, подтягиваютъ подпруги и начинаютъ вьючить. Прежде всего вьючатъ ягтаны съ точными инструментами и скатанныя въ трубки кошмы, между которыми, на центральной горизонтальной площадкѣ „пано“, долженъ покоиться въ своей шкатулкѣ большой хронометръ „Dent № 1630“. Во время этой операціи Воронежевъ самъ не свой: дѣятельно помогаетъ каракешамъ, покрикиваетъ на Желтоухова, удостовѣряется въ прочности подпругъ и вьючныхъ аркановъ, внушительно ругается за недостаточное, по его мнѣнію, уваженіе каракешей къ завѣтнымъ предметамъ. Но какъ только эта работа закончена, и приступаютъ къ вьюченію какихъ-нибудь мѣшковъ съ фуражемъ, Воронежевъ перестаетъ волноваться, принимаетъ солидный начальническій видъ, засовываетъ руки въ карманы чекменя и только изрядка процѣживаетъ сквозь зубы: „джюда якшй“, т. е. „вьючь хорошенько!“

Выступая изъ Лянгара, я покинулъ раздѣланную дорогу, переѣхалъ въ бродъ мелкую рѣчку Талдыкъ и направился къ Гульчѣ болѣе короткимъ, хотя и болѣе труднымъ путемъ—мимо озера Капланъ Куля. Дождь, прекратившійся было во время нашей ночевки, опять полилъ съ большой силой, какъ только мы отошли на 3—4 версты отъ Лянгара.

Мы слѣдовали тропой по склону оврага, пріютившему шумливый потокъ, впадающій въ рѣчку Талдыкъ противъ Лянгара. Склоны горъ были покрыты чудной травой; мѣстами попадались роскошные ковры цвѣтовъ. Многочисленныя стада барановъ, принадлежащія киргизамъ Ошскаго уѣзда, откармливаются на этихъ тучныхъ пастбищахъ. Деревьевъ нѣтъ здѣсь совсѣмъ. Наша тропа становилась все круче и каменистѣе. Вотъ, наконецъ, и высшая точка перевальчика Така, возвышающагося на 2250 метровъ надъ моремъ и ведущаго черезъ разсѣлину скалистаго, лишеннаго растительности, гребня. Отсюда дивный видъ на ендову, въ которой лежитъ Капланъ Куль. Берега озера поросли камышами; здѣсь, по словамъ встрѣченнаго нами словоохотливаго киргиза, въ былыя времена любили залегать тигры. Близъ озера расположено киргизское кладбище и небольшая, сложенная изъ камней, молельня. Мы спустились по крутой тропинкѣ съ перевальчика, прошли удлиненную ендову, пріютившую озеро, и поднялись на второй перевальчикъ—Шальбели. Съ высшей его точки,

поднятой надъ уровнемъ моря на 2110 метровъ, открывается величественный видъ на обширное плато, на которомъ лежитъ Гульча. Крутой спускъ съ Шальбели причинилъ намъ съ Куромшинымъ много непріятностей: подъ дѣйствіемъ проливня, не унимавшагося въ теченіе 2—3 часовъ, глинистый скатъ перевала сталъ невыносимо скользкимъ, и наши кони безчисленное число разъ падали. Къ счастью, мы не претерпѣли при этомъ сколько-нибудь значительныхъ ушибовъ; зато отдѣлали же глиной наши промокшія насквозь отъ дождя одежды!

Но вотъ мы и внизу, на усыпанномъ галькой плато, на лѣвомъ берегу рѣчки Гульчинки. Обыкновенно она бываетъ очень мелка въ этомъ мѣстѣ, нѣсколько ниже „укрѣпленія“ Гульчи. Гульчинка течетъ здѣсь многими рукавами по довольно ровному, устланному галькой, ложу, ширина котораго доходитъ до полуверсты. На островахъ между рукавами рѣки растутъ кое-гдѣ ивы и другія деревья.

26 мая, послѣ ливня, бывшаго какъ въ этотъ день, такъ и наканунѣ, Гульчинка бушевала. Она разлилась во всю ширь своего ложа; деревья на островахъ торчали теперь прямо изъ воды. Намъ съ Куромшинымъ предстояло переправиться черезъ этотъ быстрый потокъ полуверстной ширины. Признаюсь, самочувствіе мое было не важно..... Надо было, однакоже, на что-нибудь рѣшиться. Дождь лилъ „какъ изъ ведра“, и мы начинали зябнуть; съ другой стороны хоть до ночи тутъ стой, помощи не будетъ: на берегахъ рѣки ни души, жители кишлака Гульчи, отдѣленнаго отъ насъ рѣкой, забились отъ проливня въ свои мазанки.... Потолковали, подумали и составили планъ переправы. Моя бурка и шинель Куромшина были скатаны и привязаны впереди сѣделъ. Мы забрали вверхъ по берегу шаговъ на 150 выше ближайшей группы торчавшихъ изъ воды деревьевъ. Нѣсколько сильныхъ ударовъ ногаекъ, и наши заупрямившіеся было кони вогнаны въ потокъ... „Айда, айда!“ подбодряетъ Куромшинъ своего рыжаго. Къ счастью, плыть лошадямъ не пришлось; правда, нѣкоторыя болѣе углубленныя мѣста онѣ проходили почти на дыбахъ. Теченіе сильно ихъ влекло, и мы едва попали къ ближайшей памѣченной цѣли—къ первой группѣ деревьевъ. Здѣсь глубина оказалась совсѣмъ небольшая — до стремянъ. Отсюда я погналъ своего коня вверхъ по руслу и, сдѣлавъ такъ сотню шаговъ, снова повернулъ его поперекъ—съ разсчетомъ попасть къ слѣдующей группѣ деревьевъ. На послѣднемъ переѣздѣ, въ какихъ-нибудь 40—50 шагахъ отъ праваго берега, мой маштакъ разомъ ухнулъ съ головой въ глубокую колдобину. Бросившись долой съ сѣдла, я началъ изо всѣхъ силъ бороться съ теченіемъ, что было отчаянно трудно въ одеждѣ и сапогахъ. Къ счастью, меня быстро снесло теченіемъ на неглубокое мѣсто, гдѣ мнѣ удалось стать на ноги. Сюда же выплылъ и мой конь, котораго я поспѣшилъ поймать за поводъ. Куромшинъ, слѣдовавшій сзади, видя, что меня влечетъ теченіемъ книзу, погналъ своего коня ко мнѣ наперерѣзъ и, благодаря счастливой случайности, миновалъ края той ямы,

въ которую сорвалась моя лошадь. Я сѣлъ на коня, и мы добрались благополучно до берега. Вылили изъ сапоговъ воду и пустились галопомъ къ кишлаку. Привязавши коней подъ навѣсомъ двора Гульчинскаго „волостного“ Маттъ Гаппара, мы отправились на кухню этого туземнаго магната и раздѣлись передъ топившимся очагомъ, накинувши себѣ на плечи я—мокрую бурку, а Куромшинъ—шинель. Маттъ Гаппаръ послалъ на встрѣчу моему каравану—къ мѣсту переправы черезъ Гульчинку—нѣсколько верховыхъ съ арканами и арбу съ огромными колесами. На этой арбѣ перевезли черезъ рѣку въ нѣсколько оборотовъ мой багажъ, снятый съ вьючныхъ лошадей. Верховые ѣхали по сторонамъ арбы и придерживали ее арканами и палками. Благодаря этимъ мѣрамъ и знанію туземцами рѣчного русла, мои инструменты и прочій багажъ были переправлены благополучно. Правда, вода заливала платформу арбы, но кожаные ягтаны пропустили сквозь швы лишь незначительныя количества воды; благодаря слоямъ прессованной соломы, вода, попавшая внутрь ягтановъ, не достигла до ящиковъ съ точными инструментами. Оказался мокрымъ нижній слой бѣлья въ одномъ изъ ягтановъ. Но въ другихъ ягтанахъ нашлось достаточное количество сухихъ русскихъ рубахъ, кубовыхъ штановъ и шерстяныхъ носковъ. Немедленно облачились во все это я самъ и мои казаки, принявшіеся затѣмъ за сушку мокрой одежды.

Рѣчка Гульчинка, которую обыкновенно „курица въ бродъ переходитъ“, отъ времени до времени устраиваетъ всетаки проказы вродѣ описанной и пользуется въ этомъ отношеніи дурной репутаціей. И въ Ошѣ, и на Посту Памирскомъ я слышалъ не одну жалобу на эту коварную рѣку.

Подполковникъ В. Н. З. выкупался однажды въ Гульчинкѣ „почище“ моего и потерялъ при этомъ „куржумъ“ съ цѣнными вещами.

Однажды въ той же Гульчинкѣ залился верблюдъ, нагруженный 8—10 пудами сахара, назначавшагося для гарнизона Поста Памирскаго. Пока удалось выловить трупъ верблюда, весь сахаръ успѣлъ обратиться въ никуда не годную кашу.

Поручикъ М. А. Н., чуть-чуть не захлебнувшійся самъ при переправѣ черезъ Гульчинку, подмочилъ пачки кредитныхъ билетовъ, которые онъ везъ въ куржумѣ на Постъ Памирскій, и которыя назначались въ жалованіе за нѣсколько мѣсяцевъ чинамъ Памирскаго отряда. Поручику пришлось тутъ же, благо погода была солнечная, разобрать намокшія пачки и разложить кредитки рядами по береговой галькѣ, придавивши каждую камешкомъ достаточнаго вѣса. Изъ эшелона, который велъ поручикъ, были выбраны унтеръ-офицеръ, урядникъ и еще 2—3 нижнихъ чина, которые образовали караулъ надъ сушившимися на солнышкѣ кредитками.

Переодѣвшись въ сухое бѣлье и погрѣвшись чайкомъ, мы принялись, въ ожиданіи супа изъ половины барана, зарѣзаннаго наканунѣ въ Лянгарѣ, за приведеніе въ порядокъ подмоченнаго багажа. Тутъ мнѣ пришлось „подтянуть“ слегка

Желтоухова, который, пригрѣвшись на кухнѣ Маттъ Гаппара, заснулъ было сномъ праведника, не вычистивъ своей винтовки.

Пообѣдавъ бараньимъ супомъ и отвѣдавъ поставленнаго Маттъ Гаппаромъ „дастархана“, я сдѣлалъ визитъ достопочтенному эсаулу И. И. Угличинину, командиру оренбургской сотни, составляющей гарнизонъ Гульчинскаго „укрѣпленія“. Это „укрѣпленіе“, отстоящее отъ кишлака на 100—150 саженъ, напоминаетъ кавказскія „укрѣпленія“ былого времени.

Глава II.

Алай.

Переночевавши въ домѣ Маттъ Гаппара, мы двинулись на разсвѣтѣ 27 мая въ дальнѣйшій путь.

Гульча—послѣдній, сравнительно, культурный пунктъ на пути изъ Оша къ Посту Памирскому. До Гульчи доведенъ телеграфъ. Лѣтомъ 1899 г. пріѣзжалъ на Алай и на Памиръ инженеръ, ради выясненія вопроса, чего можетъ стоить доведеніе телеграфа до Поста Памирскаго, который отстоитъ отъ Гульчи на 310 верстъ. Смѣта этой стоимости вышла настолько внушительная, что отъ продолженія телеграфной линіи за Гульчу отказались на неопредѣленное время.

Высота Гульчи надъ уровнемъ моря равна 1480 метрамъ. Дорога изъ Гульчи въ Кашгаръ и на Памиръ идетъ вверхъ по долинѣ Гульчинки. Долина эта мѣстами обращается въ ущелье и изобилуетъ красивыми видами. Въ нѣсколькихъ переузинахъ, черезъ рѣку перекинуты военными инженерами мосты, и дорога то и дѣло перебрасывается съ одного берега на другой.

Гульчинка бѣжитъ съ Алайскаго хребта, представляющаго одно изъ развѣтвленій великаго Тянь-Шаня. Выше Гульчи русло ея вообще довольно круто и теченіе стремительно, особенно въ тѣснинахъ. Мѣстами долина расширяется и рѣка течетъ въ лессовыхъ берегахъ. Нерѣдко эти лессовые берега представляютъ характерные вертикальные обрывы, продыравленные, какъ рѣшето, безчисленными норками стрижей. Растительности здѣсь уже немного: кое-гдѣ надъ рѣкой, особенно при устьяхъ боковыхъ горныхъ потоковъ, встрѣчаются небольшія группы лиственныхъ деревьевъ; выше, по склонамъ горъ, виднѣется только хвоя, такъ называемая „арча“, напоминающая общимъ видомъ скорѣе можжевельникъ, чѣмъ елку; но это во всякомъ случаѣ можжевельникъ исполинскій, съ толстымъ у корня, хотя и быстро „сходящимъ на нѣтъ“, стволомъ. Травы здѣсь немного.

Верстахъ въ 20 отъ Гульчи, долина рѣки представляетъ значительное расширеніе и имѣетъ характеръ плодороднаго оазиса. Тутъ пріютилась одинокая сакля переселенца сарта, занимающагося скотоводствомъ и въ небольшихъ размѣрахъ

хлѣбопашествомъ. Промышляетъ онъ еще и тѣмъ, что предлагаетъ чай путешественникамъ, идущимъ съ караванами въ Кашгаръ или на Памиръ. Мы съ Куромшинымъ попили у него чайку. Куромшинъ объяснилъ сарту, что за нами идетъ караванъ, сопровождаемый двумя казаками и двумя каракешами, и что я приказываю остановить караванъ и попоить чаемъ этихъ четверыхъ людей. Уѣзжая, я уплатилъ сарту какъ за наше чаепитіе, такъ и за обѣщанное имъ угощеніе людей, сопровождающихъ мой караванъ. На ночлегѣ въ Суфи-Курганѣ я узналъ, однакоже, отъ Воронежева, что плутоватый сартъ слова своего не сдержалъ.

Урочище Суфи-Курганъ отстоитъ отъ Гульчи на 40 верстъ. Высота его надъ моремъ безъ малаго 2000 метровъ. Около Суфи-Кургана въ Гульчинку впадаетъ справа рѣчка Терекъ-Су. Слѣдуя вверхъ по ея ущелью, вы попадаете на перевалъ Терекъ-даванъ [1]). Это—кратчайшій путь въ Кашгаръ, для тяжелыхъ карабановъ, впрочемъ, недоступный. Караваны, слѣдующіе изъ Оша въ Кашгаръ, дѣлаютъ обыкновенно огромный обходъ, направляясь черезъ перевалъ Талдыкъ, черезъ который пролегаетъ путь и на Постъ Памирскій. Тутъ дорога раздѣлана военными инженерами и гораздо удобопроходимѣе.

Въ Суфи Курганѣ построенъ обширный рабатъ для пріюта воинскихъ эшелоновъ, идущихъ на Постъ Памирскій или въ Иркештанъ—нашъ сторожевой постъ на кашгарской границѣ. На дворѣ рабата разставлены двѣ казенныя юрты. Одинъ изъ угловъ рабата представляетъ изъ себя хату, занятую „смотрителемъ“ рабата, отставнымъ солдатикомъ, уроженцемъ одной изъ внутреннихъ русскихъ губерній. Живетъ онъ здѣсь съ женой и ребятишками. При немъ состоятъ, въ качествѣ подручныхъ, нѣсколько киргизовъ. Эта изба съ русской семьей—послѣднее осѣдлое поселеніе, которое можно встрѣтить на пути отъ Оша къ Посту Памирскому. Слѣдующіе рабаты не имѣютъ „смотрителей“ и даже постоянныхъ сторожей изъ киргизовъ. Пріѣзжая въ памирскій рабатъ, вы находите ворота его открытыми и, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, не встрѣчаете въ немъ живой души. Развѣ случайно съѣдетесь въ рабатѣ съ „почтовымъ джигитомъ“ киргизомъ. Еще рѣже, конечно, можно наткнуться въ рабатѣ на ночующій воинскій эшелонъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, было во время моего путешествія по Памиру.

Офицерская комната Суфи-Курганскаго рабата показалась мнѣ сырой, и я предпочелъ устроиться на ночлегъ въ одной изъ юртъ. Другую юрту заняли мои казаки. Хотя мы отлично могли бы сварить себѣ чай по походному, я съ восторгомъ принялъ предложеніе „смотрителя“ подать мнѣ самоваръ. Хотя самоваръ и оказался нелуженымъ съ незапамятныхъ временъ, пріятно было и „земляка“ поощрить, да и чаю попить именно изъ самовара: намъ предстояло впереди долго обходиться безъ этого столь симпатичнаго русскому человѣку прибора.

[1]) Киргизское слово «даванъ», собственно говоря,—нарицательное. Оно означаетъ «перевалъ».

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ меня, прибылъ въ Суфи-Курганъ поручикъ М., въ сопровожденіи „отряднаго джигита“ изъ осетинъ. Поручикъ выслужилъ свой срокъ „памирскаго сидѣнья“ и теперь спѣшилъ, лучше сказать, рвался, въ болѣе культурную обстановку. Онъ дѣлалъ поразительно большіе переходы, чтобы ускорить счастливый моментъ прибытія въ Ошъ, и почти загналъ своего чуднаго бадакшанскаго [1]) скакуна. Увидавъ меня, свѣжаго пришельца изъ Европейской Россіи, поручикъ разлился неудержимымъ потокомъ вопросовъ и разсказовъ. Это былъ какой-то припадокъ жизнерадостности, припадокъ говоренія. О чемъ только не разсказалъ мой новый знакомый въ самое короткое время! Въ самый разгаръ увлекательныхъ разсказовъ милѣйшаго поручика, въ юрту вошелъ Куромшинъ и подалъ намъ съ М. по желѣзной кружкѣ бараньяго супа и общую на обоихъ желѣзную тарелку съ „боурсаками“. Боурсаки—это очень популярное въ Средней Азіи печенье изъ муки на бараньемъ салѣ, въ формѣ маленькихъ лепешечекъ и катышковъ. Куромшинъ былъ великій мастеръ печь боурсаки: была бы мука да баранье сало, а ужъ онъ ухитрится испечь ихъ „за первый сортъ“, при самой трудной походной обстановкѣ.

— Поручикъ, вашъ супъ стынетъ!—прервалъ я интересный разсказъ М. про землетрясеніе, бывшее во время его „сидѣнья“ на посту Лянгаръ-Гиштскомъ, подъ Гиндукушемъ.

Поѣвши, отправились полюбоваться на великолѣпнаго бадакшанскаго скакуна, котораго съ большимъ трудомъ и рискомъ поручикъ добылъ себѣ изъ-за афганскаго кордона... Отношенія между Россіей и Афганистаномъ, раньше дружелюбныя, рѣзко обострились съ 1899 года. Чѣмъ это объясняется,—подкупомъ ли правительства больного тогда Абдурахмана англичанами, съ цѣлью отвлечь вниманіе Россіи отъ южно-африканскихъ событій, или еще чѣмъ другимъ, — объ этомъ намъ, не посвященнымъ въ закулисныя тайны міровой политики, предоставляется только гадать. Фактъ только тотъ, что съ конца 1899 года афганскія власти запретили подданнымъ Афганистана, подъ страхомъ смертной казни, продажу за Пянджъ, чинамъ памирскаго отряда, лошадей, фуража и какихъ бы то ни было съѣстныхъ припасовъ.

По пути къ навѣсу, подъ которымъ было привязано благородное животное, мы съ М. заглянули въ юрту, занятую казаками. Тамъ шелъ оживленный разговоръ. Быстрое, звонкое „щебетанье“ осетина, впавшаго также въ жизнерадостность, прерывалось бойкими, задорными замѣчаніями Воронежева и Куромшина; по временамъ раздавался звонкій смѣхъ казаковъ. Только великанъ Годобай съ своимъ помощникомъ и трое киргизовъ, состоящихъ при рабатѣ, сидѣли на кошмѣ, молча и съ видомъ священнодѣйствія запихивали за щеки вареную баранину. Надо было видѣть эти лоснившіяся отъ удовольствія и бараньяго сала киргизскія рожи! Въ Суфи-Кур-

[1]) Бадакшанъ—афганская область, прилегающая къ Памиру съ запада.

ганѣ былъ съѣденъ нами цѣлый большой баранъ. Конечно, главная заслуга въ этомъ подвигѣ принадлежала каракешамъ и киргизамъ. „Намъ супротивъ *орды* не съѣсть“, — говорятъ казаки,—„имъ это отъ ихняго Аллаха дадено“.

— Постойте маленько, дайте мнѣ завести и сравнить хронометры,—остановилъ я новый потокъ рѣчи М., когда мы вернулись въ нашу юрту. А разсказывалъ онъ про некрасивые поступки нѣкоторыхъ иностранныхъ путешественниковъ по Памиру, злоупотребившихъ любезностью русскихъ властей. Едва давши мнѣ занести въ записную книжку результаты сравненія хронометровъ, поручикъ посыпалъ разсказами съ неудержимой силой. Въ юрту вошелъ мой заботливый Куромшинъ; разостлавши по землѣ мой полушубокъ, онъ покрылъ его простыней; въ изголовьѣ этой походной постели онъ положилъ мою сѣдельную подушку,—я пользовался въ путешествіи казачьимъ сѣдломъ,—засунутую въ наволочку. Джигитъ осетинъ сдѣлалъ то же самое для М. Утомленные переходами этого дня, мы заснули богатырскимъ сномъ, подъ говоръ поручика, говоръ, темпъ котораго, вначалѣ быстрый, становился все медленнѣе и медленнѣе...

На другой день, 28 мая, мы проснулись около 7 часовъ утра. Къ 8 часамъ лошади моего каравана были уже навьючены. Простившись, М. и я сѣли на коней и поѣхали въ противоположныя стороны.

Моя дорога замѣтно поднималась вверхъ по ущелью рѣки Гульчинки. Выше Суфи Кургана рѣка эта носитъ уже другое названіе, а именно Талдыкъ Су [1]). Ея истоки не далеки отъ перевала Талдыкъ.

Растительность становилась все скуднѣе. Мы въѣзжали въ поясъ особой мѣстной хвои—„арчи“. Здѣсь же начинается область сурковъ. Безчисленныя норы этихъ грызуновъ буквально усѣиваютъ склоны Алайскаго хребта. Особенно много ихъ на верхнихъ ярусахъ, начиная отъ высоты въ 2500 метровъ и до самой почти границы вѣчнаго снѣга. По утрамъ сурки вылѣзаютъ изъ норъ и наполняютъ воздухъ характернымъ посвистываніемъ. Замѣтивъ приближающагося человѣка, сурокъ спѣшитъ вскачь къ ближайшему отверстію норы. Достигнувъ отверстія, онъ становится у самаго края его на заднія лапки и присматривается. Если человѣкъ уже близко, сурокъ издаетъ пронзительный свистъ—какъ бы поддразнивая васъ—и стремглавъ бросается въ нору, словно сквозь землю проваливается. Норы очень глубоки. Верхнее колѣно корридора представляетъ отвѣсный колодезь глубиною иногда до двухъ аршинъ; далѣе слѣдуетъ колѣно, образующее съ вертикалью болѣе или менѣе значительный уголъ. Сурка, сидящаго надъ норой, добыть очень трудно: если пуля или картечина не причинитъ ему мгновенной смерти, онъ обязательно скроется за поворотомъ верхняго колѣна норы; а убить его наповалъ, при его поразительной живучести, не легко. Иногда даже и наповалъ сраженный пулей сурокъ, свалившись въ

[1]) «Су» значитъ по-киргизски вода.

нору, исчезаетъ за первымъ поворотомъ корридора и не достается охотнику, если послѣдній не вооружится терпѣніемъ настолько, чтобы предпринять трудную раскопку норы. По суркамъ истрачено зря немало зарядовъ путешественниками по Алаю и Памиру. Стрѣльба въ сурковъ изъ винтовокъ на пари—любимое развлеченіе офицеровъ, сопровождающихъ воинскіе эшелоны, при медленномъ и однообразномъ слѣдованіи ихъ изъ Оша на Памиръ или обратно. Много зарядовъ потратилъ на сурковъ и я; а добылъ при помощи ружья всего только одного, за все мое путешествіе. Правда, взялъ я кромѣ застрѣленнаго мною сурка еще двухъ, но это уже съ помощью афганской борзой.

Долина рѣки Талдыкъ Су то суживалась, то расширялась. Въ эту пору года долина бываетъ почти совершенно пустынна. На протяженіи 35 верстъ отъ Суфи Кургана я не встрѣтилъ ни души. Только уже подъѣзжая къ мѣстности, которая на картахъ названа урочищемъ Уть-тюбе, мы съ Куромшинымъ замѣтили верхового киргиза, гнавшаго вверхъ по долинѣ боковой рѣчки стадо барановъ. Мы поскакали за нимъ галопомъ и нашли пріютившійся въ этой долинѣ киргизскій станъ, или „аиль“, какъ говорятъ сами киргизы, станъ, состоявшій изъ четырехъ юртъ. Не родственно ли киргизское слово „аиль“ съ кавказскимъ словомъ „аулъ“? Вотъ вопросъ, который поставилъ бы я лингвистамъ.

Киргизы найденнаго нами „аиля“ называли ту боковую рѣчку—притокъ Талдыкъ Су справа,—надъ которой пріютился аиль, именемъ Арчатъ булакъ [1]). Мы попили у киргизовъ кумысу; я сторговалъ у нихъ трехъ барановъ. Затѣмъ мы продолжали нашъ путь вверхъ по долинѣ Талдыкъ Су. Здѣсь эта долина значительно расширяется. Военные топографы дали этой части долины имя „Ольгина Луга“. Огромная площадь „Ольгина Луга“ представляетъ большой ресурсъ для киргизскихъ стадъ: лѣтомъ лугъ покрывается прекрасной травой; уже въ день моего пріѣзда, 28 мая, трава была здѣсь очень порядочная. Ночлегъ подъ 29 число я назначилъ на юго-западной оконечности „Ольгина Луга“—тамъ, гдѣ этотъ лугъ подходитъ къ крутому горному амфитеатру, выпускающему изъ себя рѣчку Талдыкъ Су. Это мѣсто называется урочищемъ Акъ Басага. Здѣсь, противъ устья лѣваго притока Талдыкъ Су, который именуется Джилга Чартъ, постоянно стоятъ двѣ казенныя юрты, назначенныя для ночлега воинскихъ командъ, слѣдующихъ по Иркештанской или Памирской дорогѣ.

Переходъ мой отъ Суфи Кургана былъ около 45 верстъ: онъ былъ удлиненъ моимъ заѣздомъ въ ущелье Арчатъ булака. Растянувшись на буркѣ подъ одной изъ Акъ-басаганскихъ юртъ, я вздремнулъ. Тѣмъ временемъ мой несравненный Куромшинъ скаталъ на своемъ рыжемъ на ближайшій горный склонъ, нарубилъ вѣтвей арчи и привезъ къ юртамъ порядочную вязанку этого топлива. Разведя огонь и почерпнувъ изъ Талдыкъ Су воды желѣзнымъ чайникомъ, который Куромшинъ

---

1) „Булакъ“—слово нарицательное: оно означаетъ родникъ, ключъ.

возилъ притороченнымъ къ сѣдлу, онъ быстро вскипятилъ воду и заварилъ чай. Только что мы усѣлись пить чай, какъ къ юртамъ подъѣхалъ киргизъ изъ Арчатъ-булакскаго кочевья, гоня передъ собою трехъ сторгованныхъ мною барановъ. Одинъ изъ нихъ былъ немедленно зарѣзанъ. Куромшинъ положилъ кусокъ мяса въ небольшой котелокъ, который мы брали съ собой въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣлось въ виду на много опередить караванъ, и принялся за варку бараньяго „супчика", какъ онъ иногда выражался. Тѣмъ временемъ я угощалъ чаемъ стараго киргиза, пригнавшаго намъ барановъ. Киргизъ былъ видимо очень доволенъ; каждый разъ, когда я ему предлагалъ взять еще сахару, онъ складывалъ на груди руки и дѣлалъ „кулдуки", т. е. поклоны. Особенно велико было его удовольствіе, когда я, вспомнивъ про запасъ лимонной кислоты въ переметной сѣдельной сумкѣ, растворилъ въ чайникѣ нѣсколько кристалликовъ этого препарата. Само собой понятно, что старый киргизъ былъ моимъ гостемъ цѣлый день и принималъ очень дѣятельное участіе въ истребленіи вареной баранины за обѣдомъ и ужиномъ.

Около 3 часовъ пополудни подошелъ нашъ караванъ. Къ этому времени былъ готовъ и супъ въ маломъ котелкѣ. Моментально мы его истребили вмѣстѣ съ остатками боурсаковъ, испеченныхъ въ Суфи Курганѣ. Послѣ этого немного легкаго обѣда Куромшинъ, Годобай и нашъ гость киргизъ принялись, общими силами, за приготовленіе болѣе солидной порціи супа въ большомъ котлѣ, который слѣдовалъ съ караваномъ, и за печеніе боурсаковъ.

Меня ожидалъ между тѣмъ непріятный сюрпризъ. Воронежевъ пожаловался мнѣ на приступъ лихорадки, которая трепанула его во время перехода. При моихъ разспросахъ, Воронежеву пришлось сознаться въ томъ, что онъ болѣлъ лихорадкой почти всю эту весну; затѣмъ лихорадка какъ будто прекратилась, а тутъ явился случай попасть въ командировку на Памиръ. Такъ какъ командировка эта очень улыбалась Воронежеву, то онъ и заявилъ начальству, что чувствуетъ себя вполнѣ здоровымъ. Кромѣ того Воронежевъ сознался, что сегодняшній приступъ лихорадки былъ по счету уже второй за наше путешествіе: въ первый разъ его била лихорадка 26 мая, также около полудня, на переходѣ отъ Лянгара къ Гульчѣ подъ проливнемъ; но этотъ первый приступъ былъ не очень силенъ, и Воронежевъ, приписывая ознобъ дѣйствію дождя, не счелъ нужнымъ доложить мнѣ о своемъ недомоганіи тогда же, въ Гульчѣ. Было нѣкоторое вѣроятіе ожидать по этимъ даннымъ, что лихорадка окажется съ двухсуточнымъ періодомъ. Такъ оно и вышло на самомъ дѣлѣ. Я принялся лѣчить Воронежева хининомъ; я давалъ ему это снадобье по лихорадочнымъ днямъ, малыми дозами, но зато въ 4—5 пріемовъ, слѣдующихъ другъ за другомъ примѣрно черезъ полчаса; эти повторные малые пріемы хинина начинались, по возможности, за нѣсколько часовъ передъ ожидаемымъ пароксизмомъ. Къ серединѣ іюня пароксизмы стали ослабѣвать, а съ конца іюня Воронежева можно было уже считать совершенно здоровымъ.

Выздоровленіе Воронежева при трудной походной обстановкѣ я приписываю не столько моей медицинской импровизаціи, сколько *сухому климату* Памира. Мнѣ думается, что сѣвернымъ склонамъ Алая принадлежитъ будущность между прочимъ и въ томъ отношеніи, что современемъ на нихъ возникнутъ хорошіе климатическіе и кумысные курорты. Еще большаго, но зато, конечно, въ еще болѣе отдаленномъ будущемъ, можно ожидать въ этомъ отношеніи отъ самаго Памира.

Не успѣлъ я еще покончить съ импровизованной медицинской практикой, въ видѣ разспросовъ Воронежева, какъ на мою долю выпала и ветеринарная практика: „Ваше В—діе,—доложилъ мнѣ Желтоуховъ,—у моего коня сбита спина!“

Сдѣлали коню перевязку, для удержанія которой туго „подпоясали“ животное сѣдельнымъ катауромъ.

Покончивъ со всей этой возней, я вооружился двустволкой и отправился на склоны хребта, замыкающаго долину съ востока,—по направленію къ перевалу Шартъ-давану. На этихъ склонахъ ютятся довольно значительныя заросли арчи. Овраги еще были наполнены снѣгомъ. Мои разсчеты встрѣтить здѣсь „иликовъ“—малорослыхъ дикихъ козловъ Алая—однако же не оправдались. Утомленный лазаньемъ по кручамъ, весь мокрый отъ безпрестаннаго проваливанья въ таломъ снѣгу овраговъ, вернулся я къ юртамъ только съ наступленіемъ темноты. Въ моей юртѣ Куромшинъ зажегъ импровизированную, только что смастеренную имъ лампу. Это была просто-на-просто плошка съ бараньимъ саломъ, налитымъ въ порожнюю жестяную коробку отъ консервовъ изъ сушеной зелени, которую мы клали въ супъ.

— Смѣю доложить вашему в—дію,—объяснилъ Куромшинъ,—что свѣчи надо поберегать, а сала у насъ много: не пропадать же доброму.

Я не счелъ нужнымъ протестовать противъ такого „загонянія экономіи“ по той простой причинѣ, что плошка Куромшина давала болѣе свѣта, чѣмъ свѣча, и мнѣ было удобно при такомъ освѣщеніи заняться сравненіемъ моихъ хронометровъ.

Когда я покончилъ съ этимъ дѣломъ, Куромшинъ доложилъ мнѣ, что „супчикъ“ готовъ. Я велѣлъ принести мнѣ кружку супу, кусокъ вареной баранины и нѣсколько боурсаковъ. Послѣ того котелъ былъ снятъ съ огня и втащенъ въ другую юрту, въ которой расположились на ночлегъ казаки и киргизы. Люди окружили котелъ, и пошелъ пиръ горой. Оживленный русско-киргизскій говоръ, прерываемый взрывами смѣха казаковъ, продолжался, вѣроятно, долго послѣ того, какъ я заснулъ на кошмѣ, разостланной на землѣ подъ юртой.

Во все время путешествія я держалъ себя на томъ же самомъ продовольствіи, на какомъ были и казаки. Это дѣйствовало на казаковъ самымъ благопріятнымъ образомъ. Въ началѣ путешествія я приказывалъ подавать мнѣ мою порцію супа, почерпнутую изъ общаго котла, отдѣльно. Это я дѣлалъ не столько въ видахъ поддержанія дисциплины, сколько съ цѣлью не стѣснять казаковъ, пока они еще не успѣли ко мнѣ

привыкнуть. При походныхъ трудахъ когда же вѣдь и погуторить, да посмѣяться, какъ не за обѣдомъ? Подъ конецъ, когда казаки со мной буквально сроднились, особенно когда мы претерпѣвали сообща нѣкоторыя лишенія въ дебряхъ восточнаго Вахана, трапеза наша стала вполнѣ общей; сдѣлалось это само собой, и тогда оно уже не вредило ни дисциплинѣ съ одной стороны, ни веселому настроенію казаковъ съ другой стороны. Точно также и спали мы въ теченіе второй половины похода на одной кошмѣ, подъ открытымъ небомъ.

Ночь съ 28 на 29 мая въ Акъ Басагѣ была свѣжая, но безъ мороза—вѣроятно, благодаря значительной облачности.

Еще вечеромъ 28 числа, во время моихъ безуспѣшныхъ охотничьихъ поисковъ, были пригнаны въ Акъ-Басагу изъ Арчатъ-булакскаго „аиля“ четыре „кутаза“ [1]), которыхъ я взялъ въ наемъ для перевозки на Талдыкъ одной изъ двухъ казенныхъ акъ-басаганскихъ юртъ—на это я имѣлъ разрѣшеніе—и запаса дровъ изъ арчи. Передъ разсвѣтомъ 29 мая мы наскоро напились чаю, разобрали одну изъ юртъ и навьючили ея части на трехъ кутазовъ; четвертый, самый сильный, предназначался для подъема дровянаго запаса. Каракеши навьючили обычнымъ порядкомъ своихъ лошадей, присоединивъ къ вьюкамъ мясо только что зарѣзанныхъ двухъ барановъ, и мы потянулись къ подъему на перевалъ Талдыкъ. Желтоуховъ ѣхалъ на наемной киргизской лошади: его собственный конь, съ перевязкой на спинѣ, былъ оставленъ на Ольгиномъ Лугу на попеченіи арчатъ-булакскихъ киргизовъ.

Выше Акъ-Басаги долина Талдыкъ Су обращается въ узкое ущелье; русло рѣки становится крутымъ, и сама рѣка получаетъ здѣсь характеръ бурнаго горнаго потока. Дорога, разработанная военными инженерами, представляетъ все большій и большій уклонъ. Невдалекѣ отъ Акъ Басаги видите вы близъ дороги жалкую землянку, служащую убѣжищемъ отъ зимней вьюги такъ называемымъ „почтовымъ джигитамъ“, т. е. киргизамъ, возящимъ корреспонденцію изъ Оша въ памирскій отрядъ. Эта необитаемая землянка, изрѣдка посѣщаемая почтарями-киргизами, носитъ, однако же, громкое названіе „Акъ-Басаганской почтовой станціи“. Эта „станція“ замѣчательна тѣмъ, что она представляетъ „астрономичаскій пунктъ“ одной изъ экспедицій П. К. Залѣсскаго. Широта Акъ-Басаганскаго рабата 39° 47' 46"; его долгота отъ Пулкова 42° 53' 56"; высится онъ надъ уровнемъ океана на 2940 метровъ. На такой высотѣ арча встрѣчается здѣсь еще въ изобиліи: верхней ея границей можно считать въ данной мѣстности высоту въ 3400—3500 метровъ.

Отъ Акъ Басаги до высшаго пункта перевала Талдыкъ, если слѣдовать всѣмъ зигзагамъ дороги, около 15 верстъ; разность высотъ обоихъ мѣстъ около 700 метровъ.

Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ грязнѣе становилась дорога: это было время весенней распутицы для данной мѣстности. Грязь дѣлала подъемъ крайне тяжкимъ: лошади

[1]) «Кутазъ»—киргизское названіе *яка*.

испытывали припадки удушья; приходилось давать имъ частые отдыхи.

Особенно крутъ послѣдній участокъ подъема. Проложенные тутъ зигзаги дороги были почти совершенно сглажены потоками весеннихъ водъ; мѣстами зіяли глубокія рытвины, въ которыхъ клокотали мутные ручьи.

Зима 1899—1900 г.г. отличалась на Алаѣ и Памирѣ особой суровостью и, что особенно рѣдко бываетъ, большой многоснѣжностью. Весна 1900 г. наступала на этихъ нагорьяхъ съ значительнымъ опозданіемъ и была многоводна. Этимъ склоненъ я, между прочимъ, объяснить тѣ рѣдкіе, по здѣшнимъ мѣстамъ, весенніе ливни, отъ которыхъ мы страдали на переходахъ отъ Оша до Суфи Кургана. Въ серединѣ іюня, передъ проходомъ на Памиръ большого смѣннаго воинскаго эшелона, инженерному вѣдомству предстоялъ крупный ремонтъ тѣхъ участковъ дороги съ Оша на Постъ Памирскій, которые пролегаютъ черезъ перевалы... Немалымъ препятствіемъ къ производству такихъ работъ служитъ непреодолимая лѣнь киргизовъ. Имъ платятъ большія деньги, а они идутъ на всякую культурную работу болѣе чѣмъ неохотно, даже при большой бѣдности. Между тѣмъ недостаточный киргизъ охотно нанимается въ пастухи за самое скудное вознагражденіе. Киргизъ средней руки въ отношеніи зажиточности охотно и очень недорого продаетъ свои собственныя услуги и услуги своихъ вьючныхъ животныхъ—коней и кутазовъ—какъ путешественникамъ, кочующимъ по Памиру, такъ и воинскимъ отрядамъ, передвигающимся съ одного поста на другой: кочевать—это призваніе киргиза.

Нашъ подъемъ на Талдыкъ утромъ 29 мая былъ значительно затрудненъ и замедленъ отчаяннымъ состояніемъ дороги. Самыя верхнія колѣна послѣдняго, раздѣланнаго зигзагами, участка подъема оказались сплошь забитыми снѣгомъ. Это былъ одинъ колоссальный сугробъ, зловѣще свѣсившійся съ сѣдловины перевала на его склонъ, обращенный въ сторону Ольгина Луга... Намъ предстояло лѣзть по снѣжной кручѣ цѣликомъ. Развьючили лошадей и, послѣ долгихъ дружныхъ усилій, наработавшись вволю лопатами для прорубa въ обледенѣломъ сугробѣ кое-гдѣ ступенекъ и площадокъ, втащили вьюки наверхъ въ нѣсколько оборотовъ на рукахъ. Лошадямъ подсобили влѣзть при помощи аркановъ. Что касается до кутазовъ, то эти удивительныя животныя „брали“ снѣжную кручу съ наклономъ чуть ли не въ 50° какъ ни въ чемъ не бывало.

Мы очутились на сѣдловинѣ перевала въ 10 часовъ утра. Высота этой сѣдловины надъ уровнемъ моря около 3600 метровъ. Въ швейцарскихъ Альпахъ такія высоты принадлежатъ къ области вѣчнаго снѣга, притомъ къ частямъ этой области, значительно поднятымъ надъ „снѣговой линіей“. На Памирѣ и на Алаѣ снѣговая линія очень высока—отчасти вслѣдствіе южнаго положенія, а *главнымъ образомъ* вслѣдствіе сухости климата и скудости осадковъ. Что касается до Талдыка, то его сѣдловина очищается отъ зимняго снѣга въ большинствѣ

случаевъ къ концу мая: около средины іюня она покрывается жиденькой травкой.

Обычно путники, слѣдующіе съ караванами по горнымъ странамъ, подгоняютъ переходы такъ, чтобы проходить черезъ гребень того или другого перевала по утру, или хотя бы среди дня. Это для того, чтобы имѣть возможность расположиться на ночлегъ въ болѣе низкомъ мѣстѣ. Въ виду тѣхъ спеціальныхъ научныхъ цѣлей, которыя я преслѣдовалъ, для меня было важно останавливаться на болѣе или менѣе продолжительное время именно на большихъ высотахъ. Имѣя въ виду эти мои цѣли, я намѣтилъ себѣ просидѣть по трое сутокъ на каждомъ изъ высокихъ переваловъ—Талдыкъ, Кизылъ Артъ и Акъ Байталь, черезъ которые пролегаетъ дорога изъ Оша на Постъ Памирскій. Этотъ планъ мнѣ удалось выполнить въ точности. Само собой понятно, что, договариваясь съ Годобаемъ въ Ошѣ, я ставилъ ему въ необходимое условіе это далеко не обычное трехсуточное „сидѣнье“ на каждомъ изъ высокихъ переваловъ. Годобай согласился, но взялъ съ меня значительно дороже обычнаго.

Главный Алайскій хребетъ идетъ между меридіанами 42° и 42° 45′ приблизительно съ запада на востокъ. На меридіанѣ 42° 45′ онъ круто поворачиваетъ на сѣверовостокъ. Это колѣно главнаго хребта служитъ водораздѣломъ для бассейновъ рѣки Акъ Буры съ одной стороны и Талдыкъ Су—Гульчинки съ другой стороны. Противъ Суфи Кургана хребетъ начинаетъ понижаться и немного сѣвернѣе этого урочища расщепляется въ цѣлый вѣеръ второстепенныхъ хребтиковъ. Около меридіана 43° и подъ широтою 39° 45′ находимъ начало новаго высокаго хребта, который можно разсматривать, какъ продолженіе главнаго Алайскаго хребта. Это продолженіе идетъ сперва на сѣверовостокъ, господствуя надъ правымъ берегомъ Талдыкъ Су, а затѣмъ дѣлаетъ нѣсколько зигзаговъ и поворачиваетъ къ востоку, чтобы примкнуть въ концѣ концовъ къ величавой горной системѣ Тянь Шаня. Такимъ образомъ на высотѣ параллели 39° 45′ и между меридіанами 42° 45′ и 43° главный Алайскій хребетъ претерпѣваетъ разрывъ. Разрывъ этотъ однакоже не очень глубокій: западное и восточное звенья главнаго хребта связаны здѣсь между собой хребтомъ, по сравненію съ ними не столь высокимъ, хотя и представляющимъ значительныя высоты надъ моремъ. Талдыкъ, поднятый надъ моремъ на 3600 метровъ,—самая низкая изъ сѣдловинъ, имѣющихся на гребнѣ этого соединительнаго хребта. Талдыкъ лежитъ гораздо ближе къ западному, чѣмъ къ восточному звену главнаго хребта. Его широта 39° 46′; долгота 42° 50′ отъ Пулкова. Гребень соединительнаго хребта имѣетъ въ общемъ форму полукруга, обращеннаго выпуклостью на югъ. Талдыкъ расположенъ близъ западной оконечности полукруга. Верхняя часть ската, по которому проложены зигзаги дороги, спускающейся къ Акъ Басагѣ, обращена къ румбу ENE. По тому же направленію съ перевала открывается величественный видъ на восточное звено главнаго Алайскаго хребта.

Этотъ восточный участокъ Алая отличается чрезвычайной крутизной утесовъ, составляющихъ его верхній ярусъ. Большая крутизна склоновъ хребта препятствуетъ залеганію на немъ вѣчнаго снѣга сплошной массой. Снѣгъ наполняетъ только отдѣльныя складки склоновъ. Хребетъ представляется вслѣдствіе этого пестрымъ; онъ имѣетъ суровый, дикій видъ. Спускъ съ Талдыка въ сторону противоположную Акъ Басагѣ направленъ на югъ. Такова топографія Талдыка. На его сѣдловинѣ военными инженерами водруженъ деревяный столбъ съ чугунной доской, на которой увѣковѣчены имена лицъ, завѣдывавшихъ раздѣлкой дороги черезъ перевалъ.

Около этого столба моя команда установила юрту, которую, въ виду сильнаго вѣтра, пришлось укрѣпить нѣсколькими большими камнями. Въ юртѣ располагался на ночлегъ я самъ и трое моихъ казаковъ. Мы спали на землѣ, на кошмахъ. Годобай разставилъ для себя около юрты бывшую со мной палатку, въ которой и проводилъ ночи на кошмѣ, накрываясь овчиннымъ тулупомъ.

Такъ какъ на Талдыкѣ не было подножнаго корма, то я отправилъ, вскорѣ по водвореніи нашемъ на перевалѣ, всѣхъ нашихъ лошадей на трое сутокъ назадъ въ Акъ Басагу. Лошадей сопровождалъ каракешъ—помощникъ Годобая—и арчатъ-булакскіе киргизы, управлявшіе вьючными яками. Эти люди должны были расположиться въ оставшейся въ Акъ Басагѣ второй юртѣ и сторожить лошадей. Дабы не довѣрять каракешу кормленіе моего верхового коня, а равно и трехъ казачьихъ, *ячменемъ*, для ежедневнаго навѣшиванія этимъ четыремъ привиллегированнымъ животнымъ торбъ съ драгоцѣннымъ фуражнымъ продуктомъ была придумана особая организація. Каждый день, подъ вечеръ, одинъ изъ казаковъ, захвативъ съ собою четыре торбы съ надлежащими порціями ячменя, спускался съ Талдыка въ Акъ Басагу верхомъ на якѣ. Оставивъ яка аргатъ-булакскимъ киргизамъ, казакъ возвращался съ пустыми торбами назадъ на другомъ якѣ. Такимъ образомъ каждый изъ яковъ, такъ сказать, отбывалъ „дежурство“ на Талдыкѣ въ теченіе сутокъ. „Дежурный“ кутазъ оставался въ теченіе сутокъ безъ пищи; но для кутаза это—пустяки. Животное, привязанное волосянымъ арканомъ, продѣтымъ сквозь ноздри, къ помянутому выше столбу, выстаивало цѣлыя сутки безъ малѣйшихъ признаковъ нетерпѣнія, съ видомъ полнѣйшаго равнодушія къ холоду, голоду и всему окружающему.

Сами мы продовольствовались на Талдыкѣ бараниной, привезенной во вьюкахъ изъ Акъ Басаги. Зарытое въ снѣжный сугробъ, мясо сохранило полную свѣжесть въ теченіе трехъ сутокъ.

Тотчасъ по прибытіи на Талдыкъ, пока моя команда водружала юрту, я занялся сборкой и установкой магнитнаго теодолита и другихъ инструментовъ. Съ этого времени у меня закипѣла работа, продолжавшаяся по цѣлымъ днямъ въ теченіе моего „сидѣнья“ на Талдыкѣ. Наблюденія магнитныя, актинометрическія и метеорологическія шли непрерывной че-

редой. Что касается до результатовъ этихъ моихъ изслѣдованій, то для ознакомленія съ ними я приглашаю читателя обратиться къ опубликованнымъ уже мною спеціальнымъ статьямъ. Скажу только здѣсь нѣсколько словъ о цѣляхъ этихъ изслѣдованій.

Извѣстно, что планета, на которой мы живемъ, представляетъ изъ себя, между прочимъ, огромный *магнитъ*. Явленія, находящіяся въ связи съ этимъ фактомъ, носятъ названіе явленій „земного магнитизма“. Въ послѣднее время въ наукѣ все болѣе и болѣе укрѣпляется взглядъ, что всестороннее изученіе „земного магнитизма“ должно пролить въ будущемъ свѣтъ на многія тайны изъ области „физической жизни“ нашей планеты, на многія тайны ея внутренняго строенія. Таково теоретическое значеніе „магнитныхъ наблюденій“, производимыхъ какъ на постоянныхъ станціяхъ, такъ и путешественниками по малоизвѣданнымъ странамъ. Къ теоретическому интересу магнитныхъ наблюденій присоединяется и чисто практическій: магнитныя „аномаліи“, обнаруженныя въ какой-либо мѣстности, *могутъ* указывать на залежи въ этой мѣстности желѣза. Памиръ оставался до 1900 г. совершенно нетронутымъ въ отношеніи магнитныхъ измѣреній. Произвести таковыя на Памирѣ представлялось въ высокой степени заманчивымъ, и я взялся за это дѣло съ поспѣшностью и горячностью, понятными только для тѣхъ, кто выполнялъ когда нибудь научныя работы такого характера, что, въ силу назрѣвшей необходимости ихъ осуществленія, осуществленіе это можетъ быть у васъ „предвосхищено“ другими.

Съ другой стороны въ современной геофизикѣ все болѣе и болѣе выдвигается на первый планъ изученіе того потока лучистой энергіи, который изливается на землю солнцемъ. Это изученіе составляетъ предметъ актинометріи. Одна изъ задачъ актинометріи—измѣреніе такъ называемой „инсоляціи“, т. е. *количества тепла*, приносимаго солнечными лучами въ минуту на площадку опредѣленной величины, поставленную перпендикулярно къ этимъ лучамъ. Такимъ образомъ терминъ „инсоляція“, употребляемый въ метеорологіи, соотвѣтствуетъ нѣкоторому понятію, имѣющему точное *количественное* опредѣленіе; не должно его смѣшивать съ звучащимъ одинаково съ нимъ терминомъ, употребляемымъ медиками: послѣдніе называютъ „инсоляціей“ болѣзнь, обусловленную ожогами кожи подъ дѣйствіемъ лучей солнца. „Инсоляція“ метеорологовъ есть не только точно опредѣляемое понятіе, но и *величина*, могущая быть измѣряемой—такъ же, какъ измѣряется, напримѣръ, давленіе воздуха, или его температура. Измѣреніе инсоляціи только гораздо труднѣе, чѣмъ измѣреніе, напримѣръ, температуры воздуха, воды, или почвы. Начались попытки измѣренія инсоляціи съ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Но всѣ приборы, которые для этой цѣли придумывались физиками, всѣ эти „актинометры“ или „пиргеліометры“, были до самаго послѣдняго времени слишкомъ несовершенны, чтобы давать сколько-нибудь точные, могущіе имѣть научное

значеніе, результаты. Лишь десять какихъ-нибудь лѣтъ тому назадъ шведскій ученый Энгштремъ и русскій ученый Хвольсонъ подарили науку актинометрическими приборами, могущими измѣрять инсоляцію съ точностью, достаточною для научныхъ цѣлей. Эти изобрѣтенія послужили могучимъ толчкомъ къ развитію актинометріи, этого въ сущности важнѣйшаго отдѣла метеорологіи: только благодаря этимъ изобрѣтеніямъ, актинометрія вступила, наконецъ, на строго научный путь. По причинамъ, хорошо понятнымъ для спеціалистовъ, изложеніе которыхъ отвлекло бы меня слишкомъ далеко въ сторону, является въ высокой степени желательной и многообѣщающей для науки постановка актинометрическихъ наблюденій на большихъ высотахъ, особенно же въ сухомъ, континентальномъ климатѣ. Нигдѣ въ свѣтѣ нѣтъ условій болѣе подходящихъ къ этой цѣли, какъ на великихъ нагорьяхъ Средней Азіи. Вотъ вторая побудительная причина, заставившая меня, вооруженнаго актинометрами Энгштрема и Хвольсона, устремиться на Памиръ,—причина не менѣе могучая, чѣмъ та, которая толкнула меня на магнитную рекогносцировку великаго азіатскаго нагорья.

Непривѣтлива была погода за время моего „сидѣнья“ на Талдыкѣ. Отъ холода мы, правда, не страдали: термометръ не спускался ниже двухъ градусовъ мороза; а 29-го мая, послѣ полудня, температура воздуха достигала даже 10 градусовъ тепла. Но вѣтры донимали насъ порядкомъ. По утрамъ и среди дня держался обыкновенно южный вѣтеръ большой силы, чрезвычайно сухой. Подъ вліяніемъ его значительно поднималась температура воздуха, и небо очищалось отъ облаковъ. По вечерамъ и отчасти ночами черезъ сѣдловину перевала дулъ вѣтеръ противоположный, отъ Ольгина Луга. Онъ нагонялъ отъ времени до времени облака, которыя иногда окутывали Талдыкъ густой туманной завѣсой. Особенно красиво выглядывало это нашествіе на Талдыкъ тучъ вечеромъ 29 мая. На исходѣ девятаго часа небо, раньше покрытое облаками, разомъ очистилось благодаря нѣсколькимъ рѣзкимъ порывамъ вѣтра. Я воспользовался этимъ обстоятельствомъ и произвелъ при помощи теодолита наблюденіе Полярной Звѣзды. Только что я отошелъ отъ инструмента и подошелъ къ краю сѣвернаго ската перевала—полюбоваться бездонной пропастью, каковой представляется ночью ущелье Талдыкъ Су, какъ моимъ глазамъ представилось необыкновенно величественное зрѣлище: темная бездна, разверзавшаяся подъ моими ногами, казалось, наполнялась снизу водой, быстро прибывавшей и клубившейся бѣшеными волнами. Это ползли вверхъ по ущелью густыя облака, гонимыя вѣтромъ отъ Ольгина Луга, ползли по самой землѣ, постепенно заполняя ущелье. Наконецъ, темныя массы волнующагося тумана поровнялись съ краемъ обрыва. Еще нѣсколько мгновеній, и непроницаемая мгла скрыла отъ меня силуеты нашей юрты и яка, привязаннаго къ столбу... Еле-еле виднѣлся еще только огонекъ подъ котломъ, окруженный какимъ-то молочно-бѣлесоватымъ орео-

ломъ. Облачный покровъ, окутывавшій отъ времени до времени въ ночное время Талдыкъ, былъ, конечно, главной причиной того, что насъ щадили ночные морозы, могущіе въ ясную погоду быть очень сильными на высотѣ въ 3½ версты надъ уровнемъ моря. Въ ночь съ 30 на 31 мая тучи, приползшія со стороны Ольгина Луга, разрѣшились обильнымъ снѣгомъ. 29 и 30 мая удалось произвести актинометрическія наблюденія. „Инсоляція“ оказалась громадной по сравненію съ той, какую можно наблюдать даже на югѣ Россіи, напримѣръ въ Кіевѣ, или Одессѣ. Для лицъ, не посвященныхъ въ тонкости нѣкоторыхъ физическихъ законовъ, можетъ показаться, конечно, страннымъ, что на высокихъ горахъ воздухъ холоденъ, хотя „инсоляція“—притокъ тепла отъ солнца—здѣсь гораздо сильнѣе, чѣмъ въ низменностяхъ. Но это такъ, и физика даетъ этому явленію стройное объясненіе.

30 мая Воронежева трепала, начиная съ полудня, сильная лихорадка. Такъ какъ мы ожидали въ этотъ день пароксизма, то больному давались заранѣе, съ утра, малыя дозы хинина въ нѣсколько, часто одинъ за другимъ слѣдовавшихъ, пріемовъ. Съ полдня до вечера приказный пролежалъ въ юртѣ, тепло окутанный.

Утромъ 1 іюня были пригнаны на Талдыкъ наши лошади и четыре яка для перевозки юрты и дровъ. Я протащилъ акъ-басаганскую казенную юрту до Кизылъ Арта; по окончаніи же моей работы на этомъ высокомъ перевалѣ, я доставилъ юрту съ нанятыми мною киргизами арчатъ-булакскаго „аиля“ назадъ—въ Акъ Басагу.

Пока разбирали и навьючивали на кутазовъ юрту, казачьи лошади поѣли ячменю. Рана у лошади Желтоухова начала гранулироваться. Я разрѣшилъ казаку ѣхать на ней, надѣвши сѣдло ближе къ заду.

Около 9 часовъ утра караванъ началъ спускаться съ Талдыка по южному склону. Снѣгъ, выпавшій наканунѣ, теперь быстро таялъ подъ вліяніемъ теплаго южнаго вѣтра; грязь на южномъ склонѣ хребта была невылазная; лошади и кутазы буквально увязали. Спускъ, сперва очень крутой, сталъ нѣсколько отложе, когда мы поровнялись съ однимъ изъ истоковъ рѣчки Талдыкъ, текущей на такъ называемую „Алайскую долину“, къ которой лежалъ и нашъ путь. Это третья рѣчка съ наименованіемъ „Талдыкъ“ въ горной системѣ Алая. Вообще въ географическомъ „словарѣ“ кочевниковъ, бродящихъ по азіатскимъ нагорьямъ, повторенія названій очень часты. Оно и понятно: языкъ киргиза бѣденъ, а между тѣмъ необозримыя горныя области Средней Азіи представляютъ такое обиліе вершинъ, переваловъ и рѣчекъ. Если съ одного и того же перевала текутъ двѣ рѣчки по противоположнымъ склонамъ хребта, черезъ который ведетъ перевалъ, то обѣ рѣчки получаютъ почти всегда одно и то же названіе, притомъ въ большинствѣ случаевъ тождественное съ названіемъ перевала. Самыя названія почти всегда очень характерны: то эти названія служатъ мѣткой харатеристикой вида или

свойствъ даннаго географическаго объекта, то они основаны на преданіяхъ о выдающихся событіяхъ, связанныхъ съ той или другой мѣстностью. Въ дальнѣйшемъ читатель встрѣтитъ множество примѣровъ, подтверждающихъ сказанное.

Дорога спускается внизъ по ложбинѣ южнаго Талдыка недолго: затѣмъ она забираетъ въ сторону отъ рѣчки, на востокъ, и начинаетъ опять подниматься—на сравнительно невысокій перевальчикъ Катынъ Артъ, ведущій черезъ побочный отростокъ Алая.

Но вотъ мы наконецъ и на „Алайской долинѣ“, увидать которую—было давнишнимъ нетерпѣливымъ моимъ желаніемъ. Мы спустились на эту „долину“ близъ той ея части, которая носитъ названіе урочища Сары ташъ, что значитъ „Пестрые камни“. Пришлось дать небольшую передышку лошадямъ, утомленнымъ тяжелой дорогой. Мы сварили себѣ чай. Особенно накинулся на эту благотворную жидкость Воронежевъ, который въ теченіе всего утренняго перехода то и дѣло доставалъ изъ кармана припасенные заранѣе порошки хинина и высыпалъ себѣ это горькое снадобье на языкъ... Отдохнувши, двинулись дальше, направляясь поперекъ „Алайской долины“—къ урочищу Боръ Добѣ.

„Алайская долина“, иначе „Долина Большого Алая“, въ сущности представляетъ изъ себя высокое продолговатое плато, окаймленное съ сѣвера хребтомъ Алайскимъ, а съ юга еще болѣе могучимъ хребтомъ, который носитъ названіе „Заалайскаго“ и принадлежитъ уже къ горной системѣ Памира. Ширина плато — съ сѣвера на югъ — отъ 20 до 25 верстъ. Оно представляетъ въ общемъ замѣтный наклонъ къ сѣверу. Такъ, если вдоль идти меридіана Боръ Добы съ сѣвера на югъ, высота плато надъ моремъ возрастаетъ отъ 3050 метровъ—у Сары таша—до 3300 метровъ — у Боръ Добы. Плато имѣетъ кромѣ того легкій наклонъ къ западу: вдоль него течетъ съ востока на западъ рѣка Кизылъ Су, впадающая затѣмъ подъ названіемъ Вахша въ Аму Дарью. Кизылъ Су течетъ многими рукавами, которые тянутся почти подъ самымъ Алайскимъ хребтомъ. Рѣка принимаетъ въ себя множество притоковъ съ обѣихъ сторонъ: это все быстрые потоки, несущіеся съ обоихъ исполинскихъ хребтовъ, которые окаймляютъ высокую „долину“ Алая. Особенно густа сѣть притоковъ, несущихся къ Кизылъ Су съ юга, со склоновъ могучаго хребта Заалайскаго. Кизылъ Су значитъ „Красная Вода“. Дѣйствительно, если смотрѣть на долину Кизылъ Су съ ближайшихъ возвышенностей Алайскаго хребта, то эта широко развѣтвленная рѣка съ ея безчисленными притоками представляется въ видѣ громадной сѣтки изъ рыжихъ нитей. Особенно своеобразенъ бываетъ видъ на долину сверху среди лѣта, когда эта долина покрывается густой травой, и красноватая паутина ея водныхъ артерій вырисовывается на ярко-зеленомъ фонѣ. Кирпичный цвѣтъ воды Кизылъ Су обусловленъ, во-первыхъ, взвѣшенными въ этой водѣ минеральными частицами: склоны обоихъ горныхъ хребтовъ, съ которыхъ бѣгутъ въ Кизымъ Су бѣшеные потоки,

изобилуютъ красной глиной. Второй причиной оригинальной окраски самой рѣки и особенно ея лѣвыхъ притоковъ является то обстоятельство, что русла рѣки и этихъ притоковъ представляютъ сплошныя розсыпи рыжевато-красной гальки. Особенно много красной гальки и красной глины на хребтѣ Заалайскомъ. Вотъ почему эпитетъ „кизылъ“, т. е. „красный“, почти всегда пристегнутъ къ названіямъ мѣстностей, лежащихъ въ области этого величаваго хребта. Такъ, одинъ изъ снѣжныхъ великановъ Заалайскаго хребта носитъ названіе Кизылъ Агынъ (высота его — 6620 метровъ); перевалъ черезъ этотъ хребетъ, которымъ пролегаетъ дорога на Постъ Памирскій, называется Кизылъ Артъ; въ восточной части того же хребта есть перевалъ Кизылъ Бель.

Около меридіана 43° 20′ хребты Алайскій и Заалайскій соединяются между собой поперечной грядой, идущей приблизительно съ сѣвера на югъ. Эта гряда представляетъ изъ себя восточную границу „Алайской долины“; она же служитъ частью великаго среднеазіатскаго водораздѣла: на западныхъ ея склонахъ—истоки Кизылъ Су, принадлежащей къ Аральскому бассейну; съ восточныхъ ея склоновъ бѣжитъ въ китайскій Туркестанъ *другая* Кизылъ Су, принадлежащая къ бассейну Тарима.

Несмотря на то, что Алайская „долина“ приподнята на *три версты* надъ уровнемъ моря, долина эта одѣвается лѣтомъ роскошной травой. Благодаря своей огромной площади, она свободно прокармливаетъ стада алайскихъ киргизовъ; нерѣдко на нее спускаются со своими стадами и памирскіе киргизы. Этимъ объясняется самое названіе „Алай“, которое кочевники пріурочиваютъ именно къ долинѣ Кизылъ Су: „Алай“ значитъ „рай“. Распространеніе этого названія на суровый хребетъ, господствующій надъ долиной съ сѣвера, принадлежитъ уже географамъ. Весной въ долинѣ Алая можно встрѣтить цѣлые ковры цвѣтовъ. Флора этого замѣчательнаго плато, конечно, очень своеобразна и до сихъ поръ еще не вполнѣ изучена. Лѣтомъ 1900 года для изученія алайской флоры былъ командированъ академіей наукъ извѣстный нашъ ученый г. Литвиновъ. Литвиновъ сдѣлался жертвой трудныхъ условій кочеванья по горамъ: при спускѣ съ одного изъ перевваловъ онъ сломалъ себѣ ногу и, привезенный сперва въ лазаретъ Гульчинской казачьей сотни, а затѣмъ въ Ошскій военный госпиталь, тяжело проболѣлъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Если представить себѣ въ воображеніи, что каракиргизскій „рай“, этотъ своеобразный цвѣтущій лугъ, высящійся на три версты надъ моремъ, перенесенъ въ другое мѣсто и поставленъ относительно географической широты и количества атмосферныхъ осадковъ въ условія, въ которыхъ находятся, напримѣръ, хотя бы швейцарскіе Альпы, то это была бы снѣжная пустыня и зимой, и лѣтомъ, это былъ бы „фирновый котелъ“ какого-нибудь исполинскаго ледника. Такъ, вѣроятно, оно было и на самомъ дѣлѣ—въ одну изъ отдаленныхъ геологическихъ эпохъ, носящую названіе „ледниковаго періода“.

При разнообразіи травяной растительности въ долинѣ Алая, древесныя породы отсутствуютъ здѣсь совсѣмъ; нѣтъ даже арчи. Деревьевъ нѣтъ и на южныхъ склонахъ Алайскаго хребта; нѣтъ ихъ и на Памирѣ, за исключеніемъ немногихъ отдѣльныхъ оазисовъ, пріютившихся на западныхъ и южныхъ скатахъ этого угрюмаго нагорья.

Главный представитель фауны Алайской долины—сурокъ. Дыры сурочьихъ норъ попадаются здѣсь буквально на каждомъ шагу, особенно между Кизылъ Су и Заалайскимъ хребтомъ.

Въ урочищѣ Сары-ташъ дорога раздвояется: къ югу идетъ вѣтвь на постъ Памирскій; къ востоку отходитъ вѣтка на Иркештанъ и далѣе на Кашгаръ. Это—путь довольно торный, которымъ слѣдуютъ многочисленные караваны, поддерживающіе въ теченіе лѣта торговыя сношенія Ферганы съ Кашгаріей. Въ послѣдніе годы, послѣ доведенія Среднеазіатской желѣзной дороги до Андижана, особенно бойко пошелъ въ ходъ нашъ керосинъ. Изъ Оша въ Кашгаръ тянутся лѣтомъ огромные караваны съ этимъ продуктомъ. Керосинъ перевозится въ особыхъ жестяныхъ сосудахъ. На каждое животное навьючиваются двѣ одинаковыя жестянки, симметрично свѣшивающіяся по бокамъ вьючнаго сѣдла. Жестянки бываютъ двухъ размѣровъ: бо́льшаго—для верблюдовъ; ме́ньшаго—для лошадей. Кашгарская дорога идетъ вверхъ по теченію Кизылъ Су, почти все время правымъ берегомъ. Черезъ горную гряду, соединяющую сѣверный и южный хребты, дорога переваливаетъ проходомъ Таунъ-Мурунъ, имѣющимъ высоту въ 3400 метровъ надъ моремъ. Затѣмъ она спускается въ долину *другой* Кизылъ Су, текущей въ Кашгарію. На этой Кизылъ-Су расположенъ нашъ военный постъ на китайской границѣ—Иркештанъ, возвышающійся на 2600 метровъ надъ моремъ. Съ средины іюня по конецъ августа, т. е. въ сезонъ торговыхъ каравановъ, дорога эта очень оживлена. Отъ Сары-таша до Иртештана, если ѣхать верхомъ и притомъ налегкѣ, можно добраться въ одинъ перегонъ.

Мой караванъ направился отъ Сары-таша прямо на югъ, по Памирской дорогѣ. По ней движенія несравненно меньше, чѣмъ по Кашгарской. Торговымъ караванамъ почти не приходится заглядывать на Памиръ; развѣ какой-нибудь коробейникъ сартъ привезетъ иной разъ на 5—6 вьючныхъ лошадяхъ „галантерею“ для продажи киргизкамъ малолюдныхъ и рѣдкихъ „аилей“. Нѣсколько разъ въ годъ, а именно въ лѣтніе мѣсяцы, Памирская дорога оживляется походами воинскихъ эшелоновъ малочисленнаго Памирскаго отряда и движеніемъ продовольственныхъ транспортовъ. Большую же часть года дорога эта пустынна: обычно на ней можно встрѣтить только скачущаго характернымъ галопчикомъ джигита-киргиза съ „почтовой“ сумкой за спиной; да и то зимой почта ходитъ на постъ Памирскій чуть ли не разъ въ мѣсяцъ. На крутыхъ подъемахъ, гдѣ полотно дороги раздѣлано, она еще напоминаетъ дороги культурныхъ странъ. На ровныхъ плато́,

какъ, напримѣръ, у берега озера Кара-Куля, опредѣленной дороги не существуетъ. Въ Алайской долинѣ она еле замѣтна, представляя узкую тропинку, протоптанную по этому своеобразному лугу. На лишенныхъ же травы берегахъ Кара-Куля ея даже и не видно: объ ней напоминаютъ только разбросанные широкой полосой слѣды вьючныхъ животныхъ, отпечатанные на пустынномъ лёссѣ, скелеты этихъ животныхъ, да еще сложенныя изъ камней кучи, отмѣчающія версты. Отъ Оша до Сары-таша версты отмѣчены деревянными столбами; отъ Сары-таша до поста Памирскаго—кучами камней: доставка на Памиръ деревянныхъ столбовъ потребовала бы слишкомъ значительныхъ расходовъ. Все разстояніе по дорогѣ отъ Оша до поста Памирскаго—385 верстъ; столбы приходятся на участокъ въ 150 приблизительно верстъ; на всемъ остальномъ протяженіи торчатъ каменныя кучи. Всѣ остальныя памирскія дороги—между отдѣльными постами—верстовыхъ знаковъ не имѣютъ совсѣмъ и далеко не такъ раздѣланы, какъ „большакъ“ съ Оша на постъ Памирскій.

Только что мой караванъ тронулся изъ Сары-таша и перешелъ въ бродъ Кизылъ Су, какъ суховѣй, дувшій раньше отъ группы пиковъ Кауфмана и Кизылъ Агына, смѣнился вѣтромъ отъ Талдыка. Быстро налетѣлъ свинцовый Nimbus, и поднялся снѣжный буранъ. По временамъ раздавались раскаты грома; молній однакоже видно не было. Престранное впечатлѣніе производила эта гроза при обстановкѣ, напоминающей зиму! Буранъ свирѣпѣлъ однакоже все больше и больше; завѣса отъ падающаго снѣга становилось все гуще и гуще; скоро нельзя уже было ничего различить въ двухъ-трехъ шагахъ разстоянія. Наши кони тревожно фыркали и упирались... Пришлось остановиться и простоять на мѣстѣ около часа. „Хорошъ каракиргизскій *„рай“*, думалось мнѣ: „рай съ такими мятелями въ іюнѣ мѣсяцѣ!“ Алайская долина всего на всего еще только *„земной* рай“ каракиргиза. Рай *небесный*, рай для *душъ* умершихъ, его вѣрованія отодвигаютъ въ мѣста еще болѣе холодныя—на снѣжную макушку Музъ Тагъ Ата, т. е. „Отца снѣжныхъ горъ“, перваго памирскаго великана, занимающаго видное положеніе въ спискѣ горныхъ исполиновъ всего земного шара.

Но вотъ снѣжная завѣса начинаетъ рѣдѣть. Мы двигаемся впередъ, направляясь по компасу. Идемъ медленно, такъ сказать ощупью, чтобы не переломать лошадямъ ногъ на безчисленныхъ сурочьихъ норахъ. Часамъ къ 6 вечера буранъ прекращается совсѣмъ. Наступаетъ затишье. Морозитъ. Долина покрыта слоемъ снѣга въ четверть аршина толщиной. Невысокая еще весенняя травка спряталась подъ снѣгомъ вся; ландшафтъ—совершенно зимній. Теперь, послѣ того какъ просвѣтлѣло, мы можемъ оріентироваться уже точно. Оказывается, что мы уклонились въ сторону отъ настоящей дороги всего на какую-нибудь версту. Въ зрительную трубу я легко различаю выдающіеся надъ снѣжной равниной правильно расположенные бѣлые бугорки. Это—каменныя *верстовыя* кучи, засыпанныя

снѣгомъ. Куромшинъ различаетъ ихъ невооруженнымъ глазомъ. Мы возвращаемся на дорогу. Ѣхать приходится все таки тихимъ шагомъ изъ-за предательскихъ сурочьихъ норъ, тѣмъ болѣе, что надвигаются сумерки.

Но вотъ наконецъ и Боръ Доба. Мы въѣзжаемъ въ настежъ открытыя широкія ворота каменнаго рабата. Этотъ рабатъ, гордость инженеръ-полковника Б. Я. Мощинскаго, на половину врытъ въ природную возвышенность, имѣющую видъ громаднаго утюга. Дворъ рабата производитъ впечатлѣніе уголка какого-нибудь крѣпостного форта. Впечатлѣніе это еще болѣе укрѣпляется, когда вы проникаете со двора въ одинъ изъ трехъ бетонированныхъ казематовъ, изъ которыхъ одинъ называется „офицерской комнатой“, другой „комнатой для джигитовъ“, а третій представляетъ изъ себя конюшню. Неказисты эти памирскіе рабаты; но зимой, когда на „Крышѣ міра“ царитъ сорокоградусная стужа, не только проѣзжій по дѣламъ службы чинъ Памирскаго отряда, но и „почтарь“ каракиргизъ не разъ помянетъ добромъ строителей рабата... Не дешево, разумѣется, обошлись казнѣ эти сооруженія среди отдаленной отъ культурныхъ мѣстъ горной пустыни.

За позднимъ временемъ я отмѣнилъ разстановку юрты, которую мы привезли съ Талдыка, хотя ночлегъ въ рабатѣ и не обѣщалъ быть пріятнымъ. Я приказалъ киргизамъ, сопровождавшимъ вьючныхъ яковъ, тащить эту юрту завтра „чѣмъ свѣтъ“ дальше, на перевалъ Кизылъ Артъ.

Въ Боръ-Добинскомъ рабатѣ меня встрѣтили командированные въ мое распоряженіе съ поста Памирскаго казакъ Кругловъ и „отрядной джигитъ“ киргизъ. Кругловъ, съ нашивками „приказнаго“, имѣлъ взволнованный видъ. „Ваше в—іе“,—доложилъ онъ мнѣ,—„у насъ—*происшествіе*“. Оказалось, что Кругловъ былъ высланъ мнѣ навстрѣчу не одинъ, а въ сопровожденіи другого казака, Максютова. Кромѣ верховыхъ, они имѣли еще одну вьючную лошадь—для подъема провіанта и фуражнаго ячменя. Эти три казачьи лошади паслись на „подножномъ“, близъ рабата. 31 мая около Боръ Добы разразился снѣжный буранъ, хотя и не столь сильный и продолжительный, какъ тотъ, который захватилъ насъ на переходѣ 1 іюня. Во время этого бурана три казачьи лошади пропали... Максютовъ и два киргиза отправились 1 іюня еще „до свѣта“ на поиски.

Что дѣлать, мнѣ пришлось, для перваго знакомства, хорошо распечь приказнаго Круглова за ротозѣйство.

Поужинавъ черными сухарями съ чаемъ, мы расположились на ночлегъ въ рабатѣ. Ложась на кошму, разостланную на бетонномъ полу рабата, я приказалъ Куромшину разбудить меня, если Максютовъ вернется ночью. Мнѣ однакоже не спалось въ банной атмосферѣ офицерской комнаты, подогрѣваемой желѣзной печкой. Около полуночи раздался лошадиный топотъ и ржанье. Я надѣлъ валенки, накинулъ полушубокъ и вышелъ наружу. Въ этотъ моментъ въ ворота рабата входили двѣ лошади. Полная луна позволила мнѣ ясно разглядѣть, что на одной изъ нихъ сидѣлъ толстый киргизъ, а

на другой помѣщалось двое всадниковъ—казакъ на сѣдлѣ и тощій киргизенокъ сзади, на крупѣ. Казакъ оказался Максютовымъ; толстый киргизъ былъ—Халметъ Аширкуль Оглы, одинъ изъ именитыхъ туземцевъ Памира; худощавый парнишка—конюхъ Халмета. Халметъ—лицо, состоящее на государственной службѣ: онъ—„аминъ“ памирскихъ кара-киргизовъ, т. е. помощникъ памирскаго „волостного“ управителя. Весь восточный Памиръ, обширная территорія котораго прокармливаетъ какихъ-нибудь 10000 душъ кочевниковъ, представляетъ одну только „волость“; другая „волость“, съ полуосѣдлымъ таджицкимъ населеніемъ, обнимаетъ ту часть западнаго Памира, которая не вошла въ составъ вассальнаго намъ бухарскаго ханства. Обѣ эти памирскія волости—киргизская и таджицкая—находятся подъ военнымъ управленіемъ: онѣ состоятъ въ вѣдѣніи Памирскаго отряда. Въ 1900 г. управителемъ, или старшиной, восточной волости былъ киргизъ Коканъ-бекъ; западной управлялъ вліятельный рошанскій таджикъ, по имени Саркіоръ. Что касается до алайскихъ киргизовъ, то они составляютъ особую волость, подчиненную Ошскому уѣздному начальнику. Въ должности алайскаго „волостного“ я засталъ знаменитаго Кара-бека. Восточно-памирскій старшина имѣетъ нѣсколькихъ помощниковъ, которые называются „аминами“. Халметъ Аширкуль Оглы былъ „аминомъ“ сѣверо-восточнаго, такъ называемаго Рангкульскаго участка, граничащаго съ Кашгаріей и Алайской областью. Боръ Доба—конечный пунктъ Рангкульскаго участка по памирской дорогѣ; это урочище считается преддверіемъ Памира. Вотъ почему встрѣтилъ меня въ Боръ Добѣ Халметъ, поджидавшій здѣсь моего прибытія уже нѣсколько сутокъ. Теперь онъ возвращался съ поисковъ пропавшихъ казачьихъ лошадей; двѣ лошади, принесшія трехъ всадниковъ, были собственныя Халметовы: поиски не увѣнчались успѣхомъ, хотя казакъ и его спутники киргизы прорыскали безъ малаго сутки по ближайшимъ ущельямъ Заалайскаго хребта. Непривѣтливо встрѣтилъ я памирскаго сановника: я велѣлъ Максютову, который, какъ оренбургскій татаринъ, объяснялся по-киргизски, объявить „амину“, что за пропажу казачьихъ лошадей отвѣтитъ онъ, аминъ. Халметъ почтительно скрестилъ на груди руки и молча сдѣлалъ „кулдукъ“—низкій поклонъ. Само собою понятно, что досталось тутъ отъ меня и Максютову...

Теперь оставалось только лечь спать. Предварительно я полюбопытствовалъ однакоже измѣрить температуру воздуха и температуру поверхности снѣжнаго покрова, такъ какъ морозъ показался мнѣ значительнымъ. Было около половины перваго, когда я покончилъ съ этими измѣреніями. Термометръ показалъ—5° въ воздухѣ и—9° (по Цельсію) на поверхности снѣга. Лучеиспусканіе снѣжной поверхности было, слѣдовательно, довольно значительно въ эту тихую, безоблачную ночь на высотѣ 3300 метровъ надъ моремъ. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что воздухъ во время помянутыхъ измѣреній не могъ быть очень „теплопрозрачнымъ“: луна была окружена

отчетливымъ свѣтлымъ кольцомъ, угловой діаметръ котораго я оцѣнилъ приблизительно въ 45°; стало быть, въ воздухѣ содержались ледяные кристаллики.

Несмотря на открытое окно, я забылся лишь на короткое время тяжелымъ, кошмаристымъ сномъ въ гнетущемъ воздухѣ рабата. Вскочивши на разсвѣтѣ, я проводилъ киргизовъ съ четырьмя яками, которые потащили юрту и дрова на подъемъ Кизылъ-Арта, и вышелъ за ворота рабата, чтобы освѣжиться прогулкой. Нагулявшись, я взошелъ на плоскую крышу рабата — полюбоваться освѣщенными восходившимъ солнцемъ снѣжными шапками великановъ сѣвернаго Памира—пиковъ Кауфмана и Кизылъ Агына. Въ это самое время изъ ущелья, изъ котораго вырывается на Алайскую долину рѣка Кизылъ-Агынъ, появилось нѣсколько скакавшихъ во весь опоръ лошадей. Когда эта группа нѣсколько приблизилась, я разглядѣлъ на задней лошади всадника-киргиза, который отчаянно махалъ арканомъ, подгоняя скакавшихъ впереди трехъ коней. Это были наши пропавшіе казачьи кони: они заблудились во время бурана и прибрели къ киргизской юртѣ, пріютившейся въ ущельѣ Суекъ-туръ, которое выходитъ въ долину рѣки Кизылъ-Агына; киргизъ, хозяинъ юрты, догадавшись по „тавранъ“, что лошади—казачьи, счелъ своимъ долгомъ согнать ихъ въ Боръ-Добу. Понятно, я щедро наградилъ киргиза и пригласилъ его на чаепитіе, во время котораго усердно угощалъ его кристалликами лимонной кислоты, что видимо доставляло ему большое удовольствіе. Между тѣмъ моя команда начала вьючить и сѣдлать. Конюхъ Халмета зарѣзалъ барана, припасеннаго для меня аминомъ. Мясо взяли во вьюки; небольшую порцію баранины приторочилъ къ своему сѣдлу Куромшинъ. Около 6 часовъ утра мы покинули Боръ-Добу. Я, Куромшинъ и Халметъ поѣхали впередъ рысью. Намъ предстояло подниматься вверхъ по ущелью рѣки Кизылъ-Артъ, истоки которой находятся невдалекѣ отъ перевала того же наименованія, перевала, ведущаго черезъ могучій Заалайскій хребетъ. Рѣка Кизылъ-Артъ впадаетъ въ Кизылъ Су восточнѣе Кизылъ Агына. Нѣсколько выше Боръ-Добинскаго рабата обѣ рѣки сходятся въ одно общее широкое ложе, устланное мелко раздробленной галькой; каждая изъ нихъ течетъ по этому ложу нѣсколькими рукавами, и ближайшіе другъ къ другу рукава обѣихъ рѣкъ сливаются вмѣстѣ. Противъ самаго рабата небольшое клинообразное возвышеніе снова раздѣляетъ эти сплетшіяся между собой рѣки: при дальнѣйшемъ своемъ бѣгѣ къ Кизылъ Су онѣ все болѣе и болѣе расходятся.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ ДЕВЯНОСТО ТРЕТІЙ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ).

1904.

СЕНТЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія В. В. Комарова, Невскій пр., 136.
1904.

ПО ПАМИРУ.

Путевыя записки Б. В. Станкевича.

Глава III [1]).

Восточный Памиръ.

Отъ Боръ-Добинскаго рабата памирская дорога идетъ сперва правымъ берегомъ рѣки Кизылъ Арта, а затѣмъ нѣсколько разъ перебрасывается съ одного берега на другой. Въ нѣсколькихъ сотняхъ шаговъ выше рабата мы миновали двѣ юрты, въ которыхъ живутъ киргизскіе джигиты, обязанные слѣдить за контрабандой, могущей идти изъ Китая по долинѣ Марканъ Су черезъ перевалъ Кизылъ Артъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ трое или четверо этихъ „таможенныхъ джигитовъ“ были зарѣзаны близъ Боръ Добы шайкой алайскихъ киргизовъ. Говорятъ, въ этомъ разбойничьемъ подвигѣ былъ замѣшанъ Кара-бекъ, пріемный сынъ Датхи. Но, за недостаткомъ особенно подавляющихъ уликъ, а отчасти изъ уваженія къ старушкѣ Датхѣ, дѣло было замято. Послѣ того Кара-бекъ сумѣлъ зарекомендовать себя съ хорошей стороны, и въ 1900 г. я засталъ его въ должности алайскаго „волостного“. Осенью того же года, при обратномъ моемъ слѣдованіи съ Памира черезъ Алай, довелось мнѣ сдѣлать нѣсколько наблюденій, которыя заставляютъ меня усомниться въ искренности Кара-бека. Онъ представляется мнѣ ловко замаскированнымъ, но заядлымъ и непримиримымъ врагомъ русскихъ.

На протяженіи 5—6 верстъ выше рабата долина Кизылъ-Арта все еще довольно широка. Дорога здѣсь довольно отлога. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ рабата, влѣво отъ дороги, на краю высокаго утеса бросается въ глаза огромная каменная глыба, представляющая разительное сходство съ человѣческой фигурой. Я былъ увѣренъ, что съ этой игрой природы связана какая-нибудь киргизская легенда; но Халметъ, котораго я началъ разспрашивать при посредствѣ Куромшина, не могъ дать

1) См. «Русск. Вѣстн.», августъ 1904 г.

мнѣ никакихъ объясненій. Долина постепенно съуживалась и обращалась въ ущелье; подъемъ становился все болѣе и болѣе крутымъ. Раздѣланная дорога была уничтожена весенними потоками, которые бушевали здѣсь нѣсколько дней тому назадъ— какъ разъ въ то время, когда Кругловъ, Максютовъ и „отрядной джигитъ“ спускались къ Боръ Добѣ, идя мнѣ навстрѣчу. Они натерпѣлись тогда въ этихъ мѣстахъ не мало бѣдъ при переправахъ въ бродъ какъ черезъ самую рѣку Кизылъ-Артъ, такъ и черезъ боковыя рѣчки. Мостовъ здѣсь уже никакихъ, да въ нихъ и нѣтъ надобности: къ счастью для чиновъ Памирскаго отряда, сезонъ бушеванья рѣки Кизылъ Артъ и вергающихся въ нее боковыхъ потоковъ не продолжителенъ. Какъ зимой, такъ и лѣтомъ, эти горные потоки, при всей быстротѣ теченія, бываютъ совершенно безопасны по причинѣ маловодья. Только весной они бушуютъ, но обычно не долго. Весна 1900 г., слѣдовавшая за многоснѣжной зимой, представляла рѣдкое для здѣшнихъ мѣстъ исключеніе. Мнѣ очень посчастливилось при моемъ подъемѣ на Кизылъ Артъ 2 іюня: еще наканунѣ вечеромъ начался сильный морозъ, который въ теченіе ночи порядкомъ осадилъ бушевавшіе раньше горные потоки. При всемъ томъ съ моимъ караваномъ было здѣсь небольшое приключеніе: при переходѣ черезъ одну изъ боковыхъ рѣчекъ, впадающихъ въ Кизылъ Артъ, лошадь, которая несла въ ягтанахъ части магнитнаго теодолита, поскользнулась и упала. Воронежевъ, Кругловъ, Желтоуховъ, Максютовъ и „отрядной джигитъ“ бросились къ этой лошади и моментально отстегнули оба ягтана, чѣмъ спасли и драгоцѣнный инструментъ и жизнь несчастной лошади.

Верстахъ въ 5 до высшей точки перевала я обогналъ нашихъ яковъ, которые полокли части юрты и дрова. Этотъ запасъ дровъ изъ арчи, нарубленныхъ еще на сѣверномъ склонѣ Алая, нуженъ мнѣ былъ только для предположеннаго „сидѣнья“ на Кизылъ Артѣ: далѣе на Памирѣ почти всюду можно найти „тескенъ“—низкорослую колючку съ корнемъ, похожимъ на рѣдьку, и почти столь же твердымъ, какъ дерево. На Памирѣ обычно топливомъ служатъ корни этого самаго „тескена“; въ исключительныхъ случаяхъ приходится довольствоваться, какъ горючимъ матеріаломъ, „тезекомъ“, т. е. высохшими экскрементами животныхъ. Нагнавши транспортъ съ дровами, Куромшинъ и Халметъ захватили съ собой на сѣдла по нѣсколько полѣньевъ. Въ одиннадцать часовъ утра мы трое были уже въ верхней точкѣ перевала, сдѣлавъ отъ Боръ-Добинскаго рабата около 20 верстъ по дорогѣ и около 900 метровъ по вертикальному направленію вверхъ. Высота перевала Кизылъ Артъ надъ уровнемъ моря равна 4220 метрамъ. Куромшинъ зажегъ привезенныя дрова, а Халметъ принесъ въ чайникѣ и маленькомъ котелкѣ воды изъ ближайшаго родника. Заварили чай и принялись за варку супа изъ привезенной на сѣдлѣ баранины. Черезъ 30—40 минутъ послѣ насъ подтянулись и кутазы. Киргизы, ихъ сопровождавшіе, начали работать надъ установкой юрты. Караванъ, шедшій медленно и задержанный приключе-

ніемъ съ магнитнымъ теодолитомъ, достигъ мѣста стоянки только во второмъ часу пополудни. „Супчикъ“ Куромшина былъ готовъ. Мы вооружились деревянными солдатскими ложками и проглотили каждый по двѣ или по три такихъ ложки драгоцѣнной жидкости, смачивая ею черные сухари. Послѣ завтрака моя команда быстро довершила возведеніе юрты и палатки.

Такъ какъ я собирался просидѣть на перевалѣ трое сутокъ для моихъ научныхъ наблюденій, то лошадей и яковъ пришлось отправить назадъ въ Боръ Добу—на подножный кормъ: сѣдловина перевала была покрыта въ ту пору глубокимъ снѣгомъ.

Перевалъ Кизылъ Артъ, при его *четырехверстной* высотѣ надъ моремъ, все же лишь брешь въ *сравнительно* невысокой грядѣ, связующей двѣ части могучаго Заалайскаго хребта, въ которомъ не мало найдется вершинъ съ высотою въ шесть верстъ и болѣе. Часть главнаго хребта, лежащая къ востоку отъ Кизылъ Арта, называется Музъ Дагъ Тау, т. е. „Снѣжныя горы“. Пики Кизылъ Агынъ и Кауфмана, изъ которыхъ послѣдній высится на $6^{3}/_{4}$ верстъ, находятся въ западной части главнаго хребта. Заалайскій хребетъ считается сѣверной каймой Памира. Въ общемъ онъ значительно выше Алайскаго хребта, но отнюдь не превосходитъ высотой остальныхъ исполинскихъ горныхъ группъ сѣвернаго Памира, какъ-то: группъ, обрамляющихъ озеро Кара Куль съ запада и востока и не имѣющихъ особыхъ названій, группы Музъ Колъ, группы Мусъ Тагъ Ата. Эти могучія горныя группы отдѣлены отъ хребта Заалайскаго и одна отъ другой очень высокими надъ моремъ „долинами“, составляющими, такъ сказать, „rez de chaussée“ Памира. Таковы долины рѣкъ Марканъ Су и Кара Джилги, поднятыя надъ моремъ болѣе чѣмъ на 4000 метровъ; такова впадина озера Кара Куля, высота которой надъ моремъ равна 3,950 метрамъ. Вообразимъ вертикальный разрѣзъ участка Боръ Доба—Кизылъ Артъ—Кара Куль, сдѣланный по дорогѣ. На протяженіи около 20 верстъ между Боръ Добой и Кизылъ Артомъ вертикальный подъемъ составляетъ 920 метровъ; между Кизылъ Артомъ и Кара Кулемъ, при разстояніи около 40 верстъ, вертикальное паденіе равно всего лишь 270 метрамъ. Прибавлю къ этому, что связь между западнымъ участкомъ Заалайскаго хребта и горной группой, господствующей надъ Кара Кулемъ съ запада, — очень тѣсная. Съ другой стороны и Музъ Дагъ Тау отдѣленъ отъ группы, находящейся къ востоку отъ Кара Куля, только узкой щелью — долиной рѣки Марканъ Су. Въ виду этихъ деталей строенія памирскаго „*нагорья*“—отъ выраженія „*плоскогорья*“ я въ данномъ случаѣ рѣшительно отказываюсь—мнѣ представляется правильнымъ разсматривать сѣверный склонъ Заалайскаго хребта, какъ *уступъ*, которымъ памирское нагорье обрывается на гораздо менѣе возвышенное нагорье алайское.

Горныя породы, изъ которыхъ состоятъ массивы Заалайскаго хребта, содержатъ мѣдь въ видѣ малахита, „пропитывающаго“, какъ выражаются минералоги, эти породы. Въ смежности съ Кизылъ Артомъ часто встрѣчаются огромные утесы,

окрашенные малахитомъ въ зеленый цвѣтъ. На днѣ нѣкоторыхъ боковыхъ потоковъ, ввергающихся въ рѣку Кизылъ Артъ, залегаютъ сплошныя розсыпи зеленой гальки. Эти потоки представляются, особливо издали и сверху, несущими *зеленую* воду. Въ высшей степени оригинально выглядываетъ впаденіе этихъ *зеленыхъ* потоковъ въ *красную* рѣку Кизылъ Артъ. Этой игрой цвѣтовъ мнѣ довелось полюбоваться только на обратномъ пути съ Памира, подъ осень, когда склоны Кизылъ Арта были свободны отъ снѣга и льда, а рѣчки и потоки — маловодны. 2 іюня, когда я впервые поднимался на перевалъ, сѣверный склонъ его представлялъ сплошную снѣжно-ледяную массу, кое-гдѣ разорванную провалами, въ которыхъ бурлила мутная, неопредѣленнаго цвѣта, вода.

На сѣдловинѣ Кизылъ Арта пріютился киргизскій „гумбезъ“, т. е. могила. Это — куча камней, изъ-подъ которыхъ торчатъ рога „аргали“, дикаго барана, находимаго только на Памирѣ. Къ концамъ роговъ привязаны бунчуки изъ ячьихъ хвостовъ и разноцвѣтныя тряпочки. Такіе остатки фетишизма у каракиргизовъ неоднократно вызывали взрывы негодованія моего браваго Куромшина, истаго мусульманина. „Ваше в—іе“, обращался, бывало, онъ ко мнѣ, когда мы проѣзжали мимо гумбеза, „глупая орда кладетъ *махану* [1]) на свои могилы!“ Вообще памирскіе каракиргизы—плохіе мусульмане, хотя и считаются таковыми. До этихъ добродушныхъ и лѣнивыхъ сыновъ холодной горной пустыни почти не доходитъ агитація воинствующаго ислама. И рай-то памирскихъ кочевниковъ, помѣщаемый ихъ вѣрованіями на снѣжной вершинѣ Музъ Тагъ Ата,—холодный, ничего общаго не имѣющій со знойнымъ раемъ Магомета. Въ сущности памирскій киргизъ, по своимъ вѣрованіямъ и міровоззрѣнію, недалеко ушелъ отъ язычника монгола изъ глухихъ дебрей пустыни Гоби. Само собой понятно, что я строго приказалъ Куромшину не проявлять какихъ-либо знаковъ неуваженія къ гумбезу, находившемуся въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ нашей юрты во время стоянки на Кизылъ Артѣ; строго воспретилъ ему и какіе-либо религіозные диспуты съ Халметомъ.

Во время моего пребыванія на Кизылъ Артѣ погода была холодная: почти сплошь стояли морозы; особенно сильно морозило по ночамъ, когда небо очищалось отъ облаковъ. Утромъ 3 іюня морозъ доходилъ до 9°; въ самой юртѣ было тогда $1^1/_2{}^0$ мороза. При всемъ томъ, солнце жарило около полудня очень сильно; 4 іюня мнѣ удалось, при абсолютно безоблачномъ небѣ, произвести длинный рядъ актинометрическихъ наблюденій: около полудня „инсоляція“ оказалась громадной; солнечные лучи приносили къ мѣсту наблюденія, поднятому на 4 версты надъ уровнемъ моря, количество теплоты на 30% большее противъ максимальнаго количества тепла, которое приносится солнечными лучами къ земной поверхности въ Одессѣ; между тѣмъ температура воздуха на Кизылъ Артѣ

[1]) Падаль.

въ полдень 4 іюня *была ниже нуля*. Много тепла проливаетъ солнышко на снѣжныя макушки горныхъ великановъ; но зато много тепла и *излучаютъ* эти макушки черезъ окружающій ихъ разрѣженный воздухъ въ *холодное* междузвѣздное пространство. *Балансъ* между приходомъ тепла отъ солнца и расходомъ его чрезъ лучеиспусканіе сводится для человѣка и вообще для всего живого въ гораздо болѣе выгодномъ смыслѣ на низменностяхъ, чѣмъ на горахъ.

Холодно бывало мнѣ при работѣ магнитнымъ теодолитомъ на Кизылъ Артѣ... Мало помогали тутъ валенки, полушубокъ и теплая шапка. Морозы то были, въ сущности, пустяковые; но вѣтеръ! Трудно по нашимъ русскимъ вѣтрамъ судить о памирскомъ вѣтрѣ, особенно о вѣтрѣ, который рвется сквозь брешь заоблачнаго горнаго гребня, черезъ сѣдловину перевала! Вѣтеръ комкалъ безпощадно нашу юрту; то одинъ, то другой, бокъ ея вдавливался внутрь, какъ у резиноваго мячика, ударяющагося въ стѣну: ея гибкій, сочлененный кутазьими жилами, остовъ ходилъ ходуномъ и скрипѣлъ, словно стоналъ. Только тяжелый балластъ изъ огромныхъ камней не давалъ вѣтру смести юрту съ перевала.

Несмотря на эти, казалось бы, очень неблагопріятныя условія, я чувствовалъ себя здоровымъ и бодрымъ. Великое дѣло—сухость и чистота воздуха. Испытывалъ я только нѣкоторое раздраженіе кожи на лицѣ и на рукахъ, безъ малѣйшаго впрочемъ лихорадочнаго состоянія. Сонъ былъ все время хорошій. Развѣ только, бывало, иной разъ среди ночи неистовый порывъ вѣтра задеретъ подолъ юрты и засыплетъ тебѣ лицо снѣгомъ. Вскочишь, оботрешься, наскоро придавишь треплющуюся кошму откатившимся подъ напоромъ вѣтра камнемъ и моментально засыпаешь опять, какъ убитый... Точно также и вся моя команда чувствовала себя прекрасно. Лихорадочные припадки у Воронежева хотя и повторились, но были уже замѣтно слабѣе, чѣмъ раньше. 4 іюня конюхъ Халмета привезъ намъ изъ Боръ-Добы на якѣ свѣжезарѣзаннаго барана и большой „турсукъ“ 1) кумысу. Самъ Халметъ, котораго я усердно угощалъ чаемъ съ кристалликами лимонной кислоты, выглядывалъ веселымъ и довольнымъ. Онъ ночевалъ въ палаткѣ вмѣстѣ съ Годобаемъ. Я же располагался на ночлегъ подъ юртой, вмѣстѣ съ моими пятью казаками. Воронежевъ, Куромшинъ и Желтоуховъ успѣли ко мнѣ привыкнуть; мое присутствіе ихъ уже не стѣсняло и не мѣшало ихъ веселому настроенію, которое само собой передавалось и новымъ ихъ товарищамъ, присоединившимся къ намъ въ Боръ Добѣ. Ложась на кошмахъ подъ юртой, мы бывало съ четверть часа пошутимъ и посмѣемся, прежде чѣмъ заснуть богатырскимъ сномъ. Обычнымъ поводомъ для шутокъ служили воспоминанія о разныхъ комическихъ выходкахъ Годобая и Халмета, представителей „*орды*“. Не разъ завязывался „на сонъ грядущій“ и серьезный разговоръ, начинавшійся съ какого ни-

1) Мѣхъ изъ козлиной шкуры.

будь обращеннаго ко мнѣ вопроса любознательнаго Воронежева. „А правда ли это, ваше в—іе, что *фитьмаршалъ* Гурко вмѣстѣ съ солдатиками на снѣгу спалъ?“ „А взаправду это у насъ баютъ, будто Скобелевъ подъ судъ пошелъ за то, что *англичанку* по нехорошему выругалъ?“ По поводу подобныхъ вопросовъ, разскажешь, бывало, казакамъ кое-что кратко, но внушительно, про дорогихъ русскому сердцу покойниковъ—фельдмаршала Гурко и „Бѣлаго Генерала“. Не менѣе любилъ Воронежевъ затрогивать и темы, касающіяся физики и космографіи. Не мало краткихъ популярныхъ лекцій пришлось мнѣ прочесть въ отвѣтъ на его вопросы о магнитахъ, объ электричествѣ, о „падающихъ“ звѣздахъ и т, д. Такія бесѣды сдѣлались для насъ обычнымъ „предисловіемъ ко сну“ на нашихъ памирскихъ ночлегахъ. Смышленость и любознательность моихъ слушателей служили мнѣ не малымъ поощреніемъ. А какъ цѣнили казаки мои разсказы и разъясненія!

Однообразіе нашего сидѣнья на Кизылъ Артѣ было однажды нарушено появленіемъ невдалекѣ отъ мѣста нашей стоянки большого стада „кіиковъ“, т. е. дикихъ горныхъ козъ. Мы бросились ихъ обходить, но неудачно.

5 іюня я рѣшилъ сняться съ Кизылъ Арта. Утромъ были пригнаны изъ Боръ Добы наши лошади и Арчатъ-булакскіе яки. Я разсчитался съ хозяевами этихъ послѣднихъ и заставилъ ихъ везти юрту обратно въ Акъ Басагу. Мой караванъ пошелъ къ озеру Кара-Кулю.

Спустившись съ крутого, но невысокаго, въ какихъ-нибудь 100—150 метровъ по вертикали, уступа, каковымъ является южный скатъ Кизылъ Арта, памирская дорога тянется затѣмъ вдоль по высокой долинѣ, которая разворачивается наконецъ въ обширную котловину озера Кара-Куля. Эта долина, магистральное направленіе которой на румбъ SSE, раздѣляетъ двѣ горныя группы, отличающіяся огромной высотой входящихъ въ ихъ составъ пиковъ. Большинство этихъ пиковъ подъ вѣчнымъ снѣгомъ, хотя высота „снѣговой линіи“ близка здѣсь къ 5 верстамъ надъ уровнемъ моря. Вершины такой высоты, какъ, напримѣръ, кавказскій Эльбрусъ, встрѣчаются здѣсь заурядъ. Высота надъ моремъ самой долины, раздѣляющей обѣ горныя группы, отъ 4000 до 4100 метровъ, т. е. безъ малаго 4 версты. Долина эта представляетъ рядъ чашевидныхъ углубленій, отдѣленныхъ одно отъ другого невысокими перевальчиками. Одно изъ нихъ имѣетъ выходъ къ востоку—въ видѣ долины рѣки Марканъ-Су, текущей въ Кашгарію вдоль узкаго разрыва между хребтомъ Музъ-Дагъ-Тау и исполинской горной группой, лежащей южнѣе. Въ слѣдующей ендовѣ пріютилось озеро, названное на картѣ сѣвернаго Памира именемъ Кокъ-Куль. Аминъ Халметъ утверждаетъ однако-же, что это озеро киргизы называютъ Кизылъ-Куль. Дно всѣхъ этихъ чашевидныхъ углубленій усыпано мѣстами мелко раздробленной галькой, мѣстами пескомъ, иногда очень мелкимъ. Кое-гдѣ песокъ имѣетъ слегка зеленоватую окраску. Растительности здѣсь никакой. Это—угрюмая горная пустыня. Видъ этихъ

ендовищъ, дно которыхъ высится на 4 версты надъ моремъ, очень характеренъ для восточнаго Памира. Спустившись съ Кизылъ Арта къ югу, вы попадаете въ настоящую памирскую обстановку и можете сразу составить себѣ точное представленіе объ общемъ видѣ тѣхъ однообразныхъ декорацій, съ которыми будетъ встрѣчаться вашъ взоръ на всей восточной части „Крыши міра“. Стары памирскіе великаны, разсыпающіеся тысячелѣтіями въ песокъ!

5 іюня 1900 г. я засталъ долину, ведущую отъ Кизылъ Арта къ Кара Кулю, совершенно свободной отъ снѣжнаго покрова. Мы разстались со снѣгомъ и холодами черезъ какія нибудь три четверти часа послѣ того, какъ покинули сѣдловину Кизылъ Арта. Въ 8 часовъ утра, передъ выступленіемъ въ походъ съ Кизылъ Арта, я измѣрилъ температуру воздуха. Было около 3° *мороза*. Не прошло и часа времени, какъ мы спустились въ ендову, лежащую непосредственно подъ уступомъ сѣвернаго склона перевала. Я остановился, досталъ изъ вьюковъ всѣ необходимыя приспособленія и выполнилъ измѣреніе температуры воздуха и песка. Въ воздухѣ — подъ искусственной тѣнью „термометрической защиты“ — оказалось 8° *тепла*. Поверхность же песка оказалась нагрѣтой до + 25°! „Инсоляція“ была, повидимому, очень сильна: всѣ мы подверглись въ этотъ день жестокому загару.

Вѣтеръ до полудня былъ довольно слабый. Въ это утро мнѣ довелось любоваться множествомъ небольшихъ песчаныхъ *смерчей*; эти пыльные вихри, обусловленные сильнымъ нагрѣваніемъ песка солнечными лучами и возникающими оттого *восходящими* потоками воздуха, казалось, степенно прогуливались по пустыннымъ ендовамъ, которыми пролегалъ нашъ путь. При сильныхъ вѣтрахъ, которые иногда низвергаются въ эти песчаныя ендовы со снѣжныхъ громадъ Кауфмана и Кизылъ Агына, здѣсь бываетъ нѣчто похожее на самумъ Сахары. Я наткнулся на это явленіе на обратномъ пути съ Памира. Порядкомъ мы тогда натерпѣлись отъ этого памирскаго самума! Воздухъ былъ, такъ сказать, насыщенъ пескомъ; мало того, въ немъ были взвѣшены и бѣшено крутились подъ вліяніемъ вихрей маленькіе кусочки гальки, причинявшія пораненія кожи на лицѣ и на рукахъ... Ужасною представляется будущность, конечно столь же отдаленная отъ насъ, какъ и прошедшія геологическія эпохи, этой древней горной страны, если въ ея судьбу не вмѣшается какой-нибудь новый, неожиданный, стихійный факторъ—кромѣ сглаживающихъ до сей поры ея неровности воды и вѣтра... Предоставленное лишь этимъ двумъ медленно, но неуклонно нивелирующимъ его факторамъ, восточно-памирское нагорье должно со временемъ обратиться уже въ настоящую песчаную пустыню, но только въ пустыню ужасную, передъ которой сама Сахара будетъ, пожалуй, казаться раемъ: это будетъ ровная песчаная площадь, поднятая на 5 верстъ надъ уровнемъ моря; это будетъ пустыня, гдѣ ко всѣмъ ужасамъ низменной пустыни присоединится еще сильное разрѣженіе воздуха...

На предпослѣдней передъ Кара-Кулемъ, самой маленькой ендовѣ пріютилась одинокая могила солдатика, умершаго отъ разрыва сердца нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во время слѣдованія одного изъ эшелоновъ на постъ Памирскій. Грустно выглядываетъ эта могила среди мрачной горной пустыни. У эшелоновъ, идущихъ на Памиръ, или обратно, установился добрый обычай дѣлать небольшую остановку у могилы. При этомъ хоръ изъ солдатиковъ православнаго исповѣданія исполняетъ надъ могилой пѣніе молитвы „со святыми упокой...“. По поводу этой солдатской могилы приходится отмѣтить одинъ странный и прискорбный фактъ. Памирскіе кочевники, которыхъ никоимъ образомъ нельзя назвать религіозными фанатиками, уничтожили крестъ надъ могилкой солдатика и продолжаютъ уничтожать его каждый разъ, когда онъ возстановляется усердіемъ чиновъ Памирскаго отряда. Единственное объясненіе, которое я могу дать столь странному поведенію *добрыхъ*, вообще говоря, памирскихъ каракиргизовъ, заключается въ нижеслѣдующей догадкѣ: не выражаютъ ли въ этой формѣ кочевники своего протеста противъ легкомысленнаго отношенія нѣкоторыхъ путешественниковъ къ киргизскимъ „гумбезамъ“? Дѣло въ томъ, что для украшенія своихъ могилъ каракиргизы стараются подбирать по возможности такіе камни, на которыхъ имѣются отпечатки допотопныхъ раковинъ и растеній. Очевидно каракиргизъ придаетъ особое значеніе этимъ изображеніямъ на камняхъ, сдѣланнымъ *не рукою человѣка*. Нѣкоторые путешественники по Средней Азіи позволяли себѣ рыться въ кучахъ камней, лежащихъ на киргизскихъ „гумбезахъ“, такъ какъ это—легкій и скорый способъ дѣлать находки для палеонтологическихъ коллекцій... Вотъ что я могу сказать въ данномъ случаѣ въ защиту памирскаго киргиза. Повторяю, я считаю его плохимъ мусульманиномъ, не фанатикомъ и дружелюбно настроеннымъ по отношенію къ русскимъ. Нѣсколько иначе представляется мнѣ киргизъ алайскій. Онъ много бойче памирскаго, развитѣе; такъ какъ онъ ближе къ Ферганѣ съ ея заядлымъ, фанатическимъ, мусульманскимъ населеніемъ, то его коснулась пропаганда воинствующаго ислама и антирусская агитація, свившая себѣ прочное гнѣздо въ предѣлахъ бывшаго коканскаго ханства... Правда, и алаецъ не очень-то твердъ въ коранѣ; такъ онъ преисправно ѣстъ кабанятину, благо на сѣверныхъ склонахъ Алая кабанъ водится въ изобиліи. Но среди алайскихъ киргизовъ можно встрѣтить не рѣдко фанатическихъ враговъ русскихъ. Въ той многотысячной шайкѣ, которая собралась въ маѣ 1898 г. подъ зеленымъ знаменемъ Андижанскаго „ишана“ и совершила предательское нападеніе на горсть спавшихъ русскихъ солдатъ, добрая половина была представлена алайскими киргизами.

Изъ ендовы, въ которой находится могила солдатика, мы перевалили черезъ невысокую грядку въ послѣднюю передъ Кара Кулемъ ендову. По ея дну несется быстрый потокъ, берущій начало въ оконечности глетчера, который спускается со лежащихъ къ востоку горныхъ громадъ. Этотъ потокъ про-

рываетъ себѣ черезъ южную стѣну чашевиднаго углубленія, въ которое мы вступили, узкій выходъ въ котловину озера Кара Куля. Памирская дорога пересѣкаетъ потокъ съ праваго берега на лѣвый, поднимается затѣмъ на гребень каменистой гряды и отлого спускается къ урочищу Кара Артъ Такыръ, какъ называется сѣверовосточное побережье Кара Куля.

Пользуясь чудной водой помянутаго потока и присутствіемъ тамъ и сямъ около него „терескена", я велѣлъ сдѣлать привалъ на его берегу и сварить чай. Только что успѣли люди набрать терескену и разложить огонь, какъ на перевальчикѣ со стороны Кара Куля показался караванъ, сопровождаемый нѣсколькими верховыми киргизами. Киргизы сказали намъ, что вьюки принадлежатъ начальнику памирскаго отряда, который отправилъ ихъ впередъ съ ночлега въ Кара-кульскомъ рабатѣ и долженъ вскорѣ ихъ нагнать. Я велѣлъ Куромшину держать чай наготовѣ, а самъ поскакалъ на встрѣчу начальнику отряда. Спустившись въ котловину Кара Куля и проскакавъ по совершенно гладкой пустынной площади версты три, я встрѣтилъ кавалькаду, состоявшую изъ дамы, двухъ офицеровъ и нѣсколькихъ джигитовъ. Дама сидѣла по-мужски на прекрасномъ, рѣзвомъ иноходцѣ. Мы остановились. Я отрекомендовался дамѣ и ея спутникамъ. Надежда Іеронимовна Аносова, супруга начальника отряда, — первая, сколько мнѣ извѣстно, русская женщина, побывавшая на Памирѣ, притомъ не только на посту Памирскомъ, но даже и въ отдаленномъ Хорогѣ. Претерпѣвъ тяжелую зимовку на Хорогскомъ посту, Надежда Іеронимовна стремилась теперь къ роднымъ въ Ташкентъ. Ея мужъ, генеральнаго штаба капитанъ Николай Степановичъ Аносовъ, провожалъ ее до границы Памира—до Боръ Добы. Далѣе, до Оша, вызвался ее конвоировать подъесаулъ Леонтій Адріановичъ Овчинниковъ—второй изъ спутниковъ встрѣченной мною дамы. Добрѣйшій Леонтій Адріановичъ, идеалистъ, какихъ мало, перезимовалъ на посту Памирскомъ нѣсколько разъ, что представляетъ большую рѣдкость. Онъ пользовался общимъ уваженіемъ и любовью всѣхъ „памирцевъ", составъ которыхъ не разъ успѣлъ сполна перемѣниться за время „памирскаго сидѣнья" почтеннаго офицера. Присоединившись къ кавалькадѣ, я поѣхалъ назадъ. Мы подвигались крупной рысью, оживленно болтая. За перевальчикомъ насъ ожидалъ готовый чай. Просидѣли мы однакоже за чаемъ не болѣе часа: моимъ новымъ знакомымъ надо было торопиться, чтобы перевалить черезъ Кызылъ Артъ засвѣтло. Разставаясь съ ними, я имъ уступилъ того джигита, который присоединился ко мнѣ въ Боръ Добѣ. Потомъ я узналъ, что съ джигитомъ случилось въ этотъ самый день несчастье: онъ лишился своего чуднаго коня. Дѣло было такъ. Переваливши черезъ гребень Кизылъ Арта, мои новые знакомцы стали спускаться по сѣверному склону. Уже надвигались сумерки, когда они подошли къ мѣсту, гдѣ надлежало переѣхать рѣку Кизылъ Артъ. Послѣ теплаго дня рѣка разбушевалась. Мой джигитъ

сдѣлалъ попытку найти переѣздъ. Но, только что онъ вогналъ коня въ потокъ, какъ его начало кувыркать вмѣстѣ съ лошадью. Лошадь такъ и погибла въ бурной рѣкѣ, а самъ джигитъ, весь избитый о камни, чуть живой выползъ на берегъ. Путникамъ пришлось расположиться на ночлегъ тутъ же, на берегу, подъ открытымъ небомъ. Раннимъ утромъ 6 іюня, благодаря бывшему ночью морозу, удалось имъ переѣхать рѣку и спуститься благополучно въ Боръ Добу.

Я заночевалъ съ 5 на 6 мая подъ открытымъ небомъ, такъ какъ ночлегъ въ сыромъ казематѣ Кара-Кульскаго рабата представлялся мнѣ мало пріятнымъ. Мы разостлали наши кошмы въ нѣсколькихъ сотняхъ шаговъ отъ озера, на сѣверовосточномъ его берегу. Изъ киргизскаго „аиля“, который виднѣлся вдали, на нижней части склона восточной группы горъ, удалось Халмету добыть для насъ двухъ барановъ.

Озеро Кара Куль имѣетъ круглую форму. Его діаметръ равенъ 18—20 верстамъ. Съ сѣвера и съ юга въ озеро врѣзалось по длинному мысу изъ невысокихъ зубчатыхъ утесовъ. Высота его уровня надъ моремъ 3950 метровъ. Берега представляютъ мѣстами невысокіе обрывчики, мѣстами же, особенно на сѣверовосточной сторонѣ, едва замѣтнымъ уклономъ сходятъ къ водѣ „на нѣтъ“. Самое плато, на которомъ находится озеро, имѣетъ лишь очень слабый подъемъ къ окружающимъ его почти замкнутымъ кольцомъ высокимъ горамъ. Плато представляетъ, слѣдовательно, почти горизонтальное дно огромнаго котла, поперечникъ котораго имѣетъ длину отъ 25 до 30 верстъ. Озеро лежитъ ближе къ западнымъ и югозападнымъ „стѣнкамъ“ котла. „Стѣнки“ представлены, какъ уже замѣчено выше, почти замкнутымъ кольцомъ горъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ. Этотъ высокій барьеръ является значительно пониженнымъ въ своей сѣверной и южной части: здѣсь горное кольцо замыкается хребтиками, высящимися надъ озеромъ всего на нѣсколько сотъ метровъ. Черезъ перевалы этихъ хребтиковъ входитъ въ котловину Кара Куля и выходитъ изъ нея памирская дорога. Почва Кара Кульскаго плато состоитъ мѣстами изъ лёсса. Эта почва была бы плодородна, будь плато не столь высоко поднято надъ уровнемъ моря. Высокое положеніе надъ моремъ дѣлаетъ его почти пустыней. Только по берегамъ рѣчекъ, текущихъ въ озеро съ окружающихъ его снѣжныхъ великановъ, встрѣчается кое-гдѣ жиденькая травка. На сухихъ мѣстахъ попадается изрѣдка одинъ терескенъ—колючка, годная лишь на топливо. 5 іюня я засталъ уже весну въ долинѣ Кара Куля: снѣга не было нигдѣ на днѣ котловины; озеро было свободно отъ льда; только кое-гдѣ у береговъ попадались еще небольшіе ледяные пласты; травка уже пробивалась близъ рѣчекъ, и ея было достаточно для неприхотливыхъ коней моего каравана. Въ долинѣ Кара Куля много солончаковъ; многія изъ рѣчекъ, текущихъ въ озеро, несутъ соленую и слегка горьковатую воду. Не всѣ рѣчки, низвергающіяся съ горъ, дотекаютъ до озера, особенно на восточной

сторонѣ, гдѣ путь ихъ до плато длиннѣе: многія изъ нихъ оканчиваются небольшими стоячими лагунами, а то и просто топями. Эти топи изъ тѣстообразной массы обладаютъ иногда очень предательскими свойствами. 6 іюня, во время предпринятой мною рекогносцировки восточнаго побережья Кара Куля, я въѣхалъ въ небольшую блюдцеобразную котловинку, дно которой казалось твердымъ, и съ разбѣга увязилъ по брюхо своего маштака. Уперевшись ногами въ сѣдло, я сдѣлалъ большой прыжокъ и попалъ на прочное мѣсто. Лошадь же едва выкарабкалась изъ тѣстообразной массы при помощи двухъ слѣдовавшихъ за мной казаковъ, которымъ пришлось при этомъ выполнить трудный маневръ съ цѣлью прикрѣпленія къ сѣдлу завязнувшей лошади аркановъ.

Вода Кара Куля замѣтно горько-соленая и для питья не годится. Я видѣлъ на Кара Куля гусей, которые показались мнѣ въ зрительную трубу не отличающимися ничѣмъ особеннымъ отъ нашихъ дикихъ гусей. Были тутъ и „атайки“—рыжеватыя утки, гораздо болѣе крупныя, чѣмъ наши кряквы. Чайки рѣяли надъ озеромъ во множествѣ. Всѣ эти пернатыя не подпускали однако же на выстрѣлъ, и наши охотничьи маневры 5 и 6 іюня были совершенно безплодны. Такая, по охотничьему выраженію, „строгость“ кара-кульской дичи объясняется, конечно, близостью памирскаго „большака“: за послѣдніе годы—съ тѣхъ поръ, какъ возникъ Памирскій отрядъ—всякая дичь подвергается по сосѣдству съ „большакомъ“ частому обстрѣливанію. Въ болѣе глухихъ частяхъ Памира, какъ напримѣръ, около озера Зоръ Куль, дичь далеко не столь опытна. Крикъ кара кульскихъ птицъ — какой-то особенный: унылый, жалобный. Эти унылые звуки вполнѣ гармонируютъ съ мрачнымъ видомъ озера и его окрестностей. Не даромъ и прозвано оно Кара Куль—„Черное озеро“. Юговосточный берегъ Кара Куля довольно высокъ и обрывистъ. Онъ представляетъ множество овраговъ съ отвѣсными боками, овраговъ, лучеобразно расходящихся отъ озера. Въ бокахъ этихъ овраговъ роютъ себѣ норы лисицы, которыхъ здѣсь много, и которыя очевидно питаются водяной птицей. Киргизы, кочующіе близъ Кара Куля, любятъ украшать лисьими хвостами рукоятки своихъ ногаекъ.

Ночью съ 5 на 6 іюня у Кара Куля былъ небольшой морозъ. Несмотря на это, мы спали подъ открытымъ небомъ очень хорошо—благодаря полному затишью. 6 іюля мы выступили въ путь до разсвѣта: караванъ, подъ предводительствомъ Круглова, пошелъ прямо по дорогѣ на Музъ Колъ; я предпринялъ, въ сопровожденіи Воронежева и Куромшина, осмотръ восточнаго и юговосточнаго побережья Кара Куля, а затѣмъ нагналъ караванъ.

Пересѣкаемая памирской дорогой южная гряда Кара Кульскаго котла имѣетъ ширину въ нѣсколько верстъ. Памирская дорога долго поднимается на нее по очень отлогому сѣверному ея скату; затѣмъ, переваливъ черезъ сѣдловину и спустившись

на нѣсколько десятковъ метровъ по вертикали, дорога тянется по дну длинной, но узкой ендовы; высота ея дна надъ уровнемъ моря около 4200 метровъ; по обѣимъ сторонамъ тянутся высокіе гребни. Протянувшись нѣсколько верстъ по дну этой высокой угрюмой долины, дорога переваливаетъ черезъ вторую сѣдловину и спускается въ долину Музъ Колъ. Въ помянутой высокой ендовѣ находится киргизскій „гумбезъ". Тутъ же мы видѣли множество валявшихся на землѣ свѣжихъ скелетовъ аргали—послѣдствіе массоваго падежа этихъ животныхъ. Аргали—могучій дикій баринъ, населяющій среднеазіатскія нагорья. Это животное впервые описано знаменитымъ Марко Поло. Сила и выносливость аргали поразительны. Животное, ростомъ со средняго нашего теленка, носитъ громоздкій и тяжелый головной уборъ. Рога матерого аргали, изогнутыя, какъ и у домашняго барана, вѣсятъ около 1½ пуда вмѣстѣ. Разстояніе по прямой линіи между концами роговъ доходитъ до 1½ аршина. При такомъ головномъ уборѣ животное скачетъ съ неимовѣрной быстротой по неприступнымъ кручамъ и дѣлаетъ огромные прыжки черезъ широкія разсѣлины, а равно и съ высокихъ утесовъ внизъ. И это на высотахъ надъ уровнемъ моря, гдѣ воздухъ *вдвое* рѣже, чѣмъ, скажемъ, въ Европейской Россіи. Охота на аргали представляетъ огромныя трудности. Надо быть киргизомъ, чтобы быть въ состояніи ихъ преодолѣть. Киргизъ, лѣнивый на всякую культурную работу, готовъ ради охотничьихъ похожденій на какіе угодно труды и лишенія. Охота на аргали разсматривается однако же и среди киргизовъ, какъ подвигъ. Зима 1899—1900 г.г. была на рѣдкость суровой во всей Средней Азіи. Старые киргизы утверждали, что другой такой зимы не было на ихъ памяти. Зима эта отличалась не только силой морозовъ, но и многоснѣжностью, что особенно рѣдкостно для сухого климата „Крыши міра". Обычно зимній снѣжный покровъ бываетъ на Памирѣ столь тонокъ, что не только дикое населеніе нагорья, какъ аграли и кіики, но и домашняя скотина каракиргизовъ легко добываетъ себѣ траву изъ-подъ снѣга. Памирскіе киргизы никогда не запасаютъ сѣна на зиму. Только на сѣверныхъ склонахъ Алая практикуется сѣнокосъ, но и то въ миніатюрныхъ размѣрахъ. Зимой 1899—1900 г. г. памирскіе и алайскіе кочевники потеряли чуть ли не половину своего скота. Даже дикія животныя, кіики и аргали, погибали въ эту зиму массами. Вотъ почему лѣтомъ 1900 г. можно было видѣть почти всюду на Памирѣ множество останковъ этихъ животныхъ. Преимущественно же эти останки встрѣчались въ высокихъ ендовахъ, вообще въ мѣстахъ сравнительно закрытыхъ, куда несчастныя животныя скучивались, ища защиты отъ страшныхъ бурановъ. Такую-то именно юдоль смерти представляла изъ себя и ендова на южной Кара-Кульской грядѣ, ендова, которую я проѣзжалъ 6 іюня. Здѣсь я нагналъ и перегналъ свой караванъ.

Когда я спускался съ послѣдняго перевальчика въ долину рѣки Музъ Колъ, моимъ глазамъ представилось совершенно

неожиданное зрѣлище: верстъ на 6 или на 7 въ длину и почти во всю ширину своего плоскаго дна—а ширина эта около версты—долина была покрыта слоемъ льда, оказавшимся при ближайшемъ рсзсмотрѣніи очень толстымъ.

Рѣка Музъ Колъ образуется изъ сліянія многихъ рѣчекъ и ручьевъ, сбѣгающихъ съ сѣверныхъ склоновъ могучей горной группы, лежащей между Кара Кулемъ и Мургабомъ. Центральная часть этой группы представляетъ обширную область вѣчнаго снѣга; отдѣльные ея великаны несомнѣнно не уступаютъ, а можетъ быть и превосходятъ по высотѣ главныя вершины Заалайскаго хребта. Въ этой снѣжной пустынѣ, высящейся на 6000—7000, а можетъ быть и больше, метровъ надъ моремъ, никогда не бывала нога даже киргиза-охотника за аргали. Мы знаемъ кое-что лишь о *сравнительно* невысокихъ отрогахъ этой колоссальной горной группы. Къ числу такихъ отроговъ принадлежитъ хребетъ, пересѣкаемый памирской дорогой черезъ сѣдловину его Акъ Байталь. Высота только этой *сѣдловины* надъ уровнемъ моря равна 4650 метрамъ, что близко къ высотѣ макушки Монблана! Эту горную группу каракиргизы называютъ тѣмъ же именемъ, какъ и бѣгущую съ нея къ сѣверу рѣку, т. е. именемъ Музъ Колъ. Конечно, это названіе въ примѣненіи къ горамъ не точно: вѣдь киргизское слово „колъ“, выговаримое иногда также и „куль“, означаетъ котловину, или долину, а затѣмъ и озеро. Тутъ болѣе подходило бы имя Музъ Тагъ. Но, дѣлать нечего, удержимъ за гигантской горной группой ея, хотя и не точное туземное названіе. Сѣверные склоны *горъ Музъ Колъ* представляютъ обращенный вогнутостью къ сѣверу амфитеатръ. Съ этого амфитеатра скатываются безчисленные потоки, образующіе *рѣку Музъ Колъ*. Долина рѣки идетъ сначала прямо на сѣверъ, между отрогами помянутаго горнаго амфитеатра. Выйдя изъ амфитеатра, рѣка Музъ Колъ принимаетъ въ себя справа притокъ Кизылъ Джіикъ, подкатывается подъ южную Кара Кульскую гряду и загибаетъ вдоль гряды на сѣверозападъ. Около 43° долготы отъ Пулкова рѣка Музъ Колъ поворачиваетъ, опять на сѣверъ, прорываетъ гряду и впадаетъ въ озеро Кара Куль. Такимъ образомъ долину Музъ Колъ можно разсматривать, какъ одно изъ узкихъ развѣтвленій Кара Кульскаго котла. Если идти вверхъ по только что помянутому притоку рѣки Музъ Колъ, по рѣкѣ Кизылъ Джіикъ, можно попасть на перевалъ Кизылъ Джіикъ, высота котораго надъ моремъ около 4700 метровъ. Перевалъ лежитъ на самой границѣ нашей съ Китаемъ. Черезъ него пролегаетъ одинъ изъ путей, которыми китайскія войска совершали въ былое время свои вторженія на Памиръ. Этимъ же путемъ пользовались изстари и китайскіе купцы для торговыхъ сношеній съ Бухарой: мимо южнаго берега Кара Куля можно, черезъ рядъ хотя и высокихъ, но доступныхъ въ лѣтнее время, перевaловъ проникнуть въ Дарвазъ—восточную область Бухары, занимающую сѣверозападные склоны памирскаго нагорья. Другой путь изъ Китая въ Дарвазъ идетъ ущельемъ Марканъ Су, а затѣмъ

опять-таки мимо южной оконечности Кара Куля. Кстати сказать, слово „дарвазъ“ означаетъ „ворота“.

Спустившись съ перевальчика южной Кара-Кульской гряды, памирская порога пересѣкаетъ русло рѣки Музъ Колъ съ праваго берега на лѣвый нѣсколько ниже мѣста сліянія Музъ Кола съ Кизылъ Джіикомъ. Далѣе дорога идетъ вверхъ по Музъ Колу лѣвымъ берегомъ. На самой дорогѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ выше впаденія Кизилъ Джіика, надъ лѣвымъ берегомъ рѣки Музъ Колъ возвышается каменный рабатъ, недавно сооруженный инженеръ-полковникомъ Мощинскимъ. Высота этого мѣста надъ моремъ 4100 метровъ. Дорога подходитъ къ рабату съ сѣвера по довольно широкому карнизу, возвышающемуся на 10—15 метровъ надъ ложемъ рѣки и вьющемуся по склонамъ горныхъ отроговъ Музъ-Кольской группы. 6 іюня ложе рѣки было покрыто льдомъ почти во всю ширину и на протяженіи 6—7 верстъ въ длину. Это громадное ледяное поле начиналось въ полуверстѣ выше рабата и оканчивалось нѣсколькими верстами ниже впаденія Кизылъ Джіика въ Музъ Колъ. Ледъ имѣлъ мѣстами толщину въ 2 метра и болѣе. Кое-гдѣ ледяной слой лежалъ на гальковомъ ложѣ широкой рѣки, разбитой на цѣлую сѣть протоковъ. Въ другихъ мѣстахъ ледъ висѣлъ на нѣкоторой, хотя и небольшой высотѣ надъ почвой и водой протоковъ. Многочисленныя трещины и сдвиги частей ледяного поля облегчали мнѣ оцѣнку его толщины. Растрескиваніе и осѣданіе льда происходило на моихъ глазахъ. Когда, приближаясь къ рабату въ сопровожденіи двухъ казаковъ, я ѣхалъ рысью по помянутому выше широкому карнизу, на нашихъ глазахъ рухнулъ пластъ льда площадью, по крайней мѣрѣ, въ полдесятины. Раздавшійся при этомъ грохотъ былъ не слабѣе, чѣмъ грохотъ отъ залпа батареи береговыхъ орудій. Паденіе ледяного пласта сопровождалось чувствительнымъ сотрясеніемъ почвы. Наши лошади, несмотря на утомленіе отъ длиннаго и тяжелаго перехода, взвились на дыбы. Проѣзжая эту мѣстность на обратномъ пути въ Опъ уже подъ осень, я засталъ здѣсь пласты льда въ $1^1/_2$ метра толщиною, покрывавшіе въ общемъ площадь немногимъ развѣ только меньшую, чѣмъ какъ это было въ началѣ іюня. Между тѣмъ, во время моего обратнаго проѣзда, должно было, судя по бывшимъ тогда въ этой мѣстности ночнымъ морозамъ, начаться утолщеніе льда къ зимѣ. Такимъ образомъ, можно думать, что ледъ близъ Музъ-Кольскаго рабата, если и не вѣчный, то, по крайней мѣрѣ, многолѣтній. Эта мѣстность вполнѣ оправдываетъ свое названіе: „Музъ Колъ“ значитъ „Ледяная долина“. Любопытно, что обрамляющіе „Ледяную долину“ отроги Музъ-Кольской горной группы лишены вѣчнаго снѣга. Кромѣ того, надо замѣтить еще слѣдующее: отъ рабата до глетчеровъ Музъ-Кольской горной группы должно быть разстояніе не менѣе 15 верстъ. Ледяное поле кончалось примѣрно въ полуверстѣ выше рабата; выше, на протяженіи слишкомъ 15 верстъ, ложе рѣки Музъ Колъ было свободно отъ льда, если не считать, конечно, тонкихъ ледяныхъ пленокъ, которыя

образовывались ночью и исчезали днемъ. Такимъ образомъ, ледъ нижней части Музъ-Кольской долины не приходится никоимъ образомъ разсматривать, какъ оконечность какого-нибудь глетчера. Вѣроятно, это многолѣтній ледъ, образующійся отъ замерзанія воды, которая скопляется въ широкой и ничтожно наклоненной къ горизонту части долины: выше, гдѣ нѣтъ льда, русло Музъ Кола значительно круче.

Протянувшись верстъ 12 отъ рабата лѣвымъ берегомъ рѣки Музъ Колъ, памирская дорога перекидывается на правый ея берегъ и поднимается на гребень восточной стѣны Музъ-Кольскаго амфитеатра, къ перевалу Акъ Байталь. То мѣсто Музъ-Кольской долины, отъ котораго начинается подъемъ къ перевалу, избирается обычно для ночлега, а иногда и для дневки воинскими эшелонами, двигающимися по памирской дорогѣ: это мѣсто защищено отъ вѣтровъ; вода въ рѣкѣ Музъ Колъ—очень хорошая. Здѣсь постоянно лежатъ двѣ разобранныя юрты, составляющія собственность Памирскаго отряда. Приходя сюда на стоянку, солдатики разставляютъ эти юрты; снимаясь для продолженія похода, они снова ихъ разбираютъ и складываютъ. Одну изъ этихъ юртъ я велѣлъ втащить на перевалъ Акъ Байталь, на которомъ мы просидѣли ради моихъ научныхъ изслѣдованій трое сутокъ. Затѣмъ она была свезена на свое мѣсто. Въ долинѣ Музъ Колъ была уже въ началѣ іюня жиденькая травка. Здѣсь паслись лошади моего каравана во время моего пребыванія на Акъ Байталѣ.

Перевалъ Акъ Байталь, поднятый на 4650 метровъ надъ моремъ, немногимъ только уступающій въ высотѣ вершинѣ Монблана, есть сѣдловина хребта, который представляетъ сравнительно невысокій отрогъ Музъ-Кольской горной группы. Хребетъ состоитъ изъ древнихъ горныхъ породъ: это преимущественно порфиры, кристаллическіе сланцы и лавы. Встрѣчаются здѣсь въ большомъ количествѣ образчики лавы, окрашенной въ розовый цвѣтъ благодаря перекиси марганца; попадается желѣзо въ видѣ кристалликовъ гематита.

Названіе „Акъ Байталь“, что значитъ „Бѣлая Кобыла“, находится въ связи съ киргизской легендой о древнемъ титанѣ „батырѣ“, имѣвшемъ бѣлую кобылу. Своей бѣлой мастью легендарная „Кобыла“ обязана безъ сомнѣнія вѣчному снѣгу, который покрываетъ пики хребта, смежные съ переваломъ. Сѣдловина перевала, несмотря на высоту почти равную высотѣ Монблана, во второй половинѣ лѣта освобождается отъ снѣжнаго покрова на 5—6 недѣль. Въ началѣ іюня я засталъ еще снѣгъ на сѣверномъ склонѣ перевала. Южный склонъ уже былъ свободенъ отъ снѣга и, вслѣдствіе сильныхъ южныхъ вѣтровъ, совершенно сухъ. По временамъ южный вѣтеръ достигалъ силы бури и гналъ черезъ сѣдловину перевала песчаные смерчи. По ночамъ бывали изрядные морозы; днемъ, при низкой все же температурѣ воздуха, инсоляція была громадная; солнечные лучи жестоко обжигали кожу; сильные южные сухіе вѣтры, приносившіе съ собой въ большомъ количествѣ пыль, еще болѣе усиливали болѣзненное состояніе кожи. Мое

лицо и руки распухли и потрескались; въ немного развѣ меньшей степени страдали отъ этого и мои казаки-оренбуржцы. Намъ пришлось отказаться отъ умыванія надолго и смягчать кожу вазелиномъ съ небольшой примѣсью борной кислоты.

Съ сѣвернаго склона перевала Акъ Байталь бѣжитъ рѣчка того же наименованія. Она впадаетъ въ Мургабъ близъ поста Памирскаго. Дорога на этотъ постъ идетъ съ перевала все время по ущелью рѣчки. Постъ Памирскій расположенъ на правомъ берегу Акъ Су — Мургаба, въ верстѣ ниже впаденія въ эту могучую рѣку рѣчки Акъ Байталь. Выше устья Акъ Байталя рѣка называется Акъ Су, т. е. „Бѣлая вода“; ниже впаденія Акъ Байталя та же рѣка именуется Мургабомъ, т. е. „Гусиной рѣкой“. Этотъ Мургабъ, памирскій, не должно смѣшивать съ другимъ Мургабомъ, орошающимъ одинъ изъ уголковъ Закаспійскаго края. Памирскій Мургабъ, называемый ниже устья Танымаса Бартангомъ, сливается подъ бывшей афганской, а нынѣ бухарской, крѣпостцой Калай Вамаромъ съ другой большой горной рѣкой—Пянджемъ. Слившіяся здѣсь могучія рѣки получаютъ въ общемъ руслѣ имя Пянджа, а затѣмъ, еще ниже,—имя Аму Дарьи. Несмотря на предпочтеніе, оказанное такимъ образомъ туземнымъ населеніемъ Пянджу передъ Бартангомъ, съ географической точки зрѣнія правильнѣе считать настоящимъ верховьемъ Аму Дарьи верхнее теченіе Бартанга — Мургаба, т. е. рѣку Акъ Су, а Пянджъ разсматривать, какъ *притокъ* Бартанга.

Небольшое каменистое и пустынное плато, на которомъ расположенъ постъ Памирскій, поднято на 3660 метровъ надъ уровнемъ моря. Это „орлиное гнѣздо“ доблестнаго памирскаго отряда на нѣсколько сотъ метровъ выше снѣжныхъ главъ извѣстной всему свѣту швейцарской красавицы—Dent du Midi. Надъ высокимъ плато, пріютившимъ постъ, со всѣхъ сторонъ господствуютъ снѣжныя вершины памирскихъ исполиновъ. На востокѣ виднѣется сѣдая глава самого Музъ Тагъ Ата—„Отца снѣжныхъ горъ“, подпирающая каракиргизскій рай. Мрачно, непривѣтливо, выглядываютъ всѣ эти старые великаны. Сѣровато-желтый колоритъ горной пустыни васъ прямо таки угнетаетъ.

Плато обрывается къ долинѣ Мургаба почти отвѣснымъ уступомъ въ 10—12 метровъ высоты. Мургабъ течетъ здѣсь по сравнительно отлогому руслу, широкъ и глубокъ. Между рѣкой и обрывомъ плато тянется довольно широкая лента своеобразнаго памирскаго луга. Этотъ мѣстами болотистый, усѣянный кочками, лугъ покрытъ рѣдкой, суховатой и жесткой травой, которая тѣмъ не менѣе видимо питательна для неприхотливыхъ киргизскихъ коней, овецъ и яковъ. На мургабскомъ, какъ и на другихъ подобныхъ ему памирскихъ „лугахъ“, много солончаковъ. Горькія соли этихъ солончаковъ превосходно дѣйствуютъ на пищевареніе памирскихъ травоядныхъ. Туземныя лошади быстро оправляются на мургабскомъ лугу послѣ самаго сильнаго истощенія. Оригинальный Мургабскій лугъ—единственный оазисъ близъ Памирскаго поста.

На каменистомъ плато, пріютившемъ постъ, а также на нижнихъ ярусахъ горъ, растетъ кое-гдѣ лишь терескенъ, идущій на топливо. Да и эта колючка, которая сжигается на посту въ количествѣ около 20000 пудовъ ежегодно, замѣтно стала исчезать въ окружности. Для памирскаго отряда начинаетъ возникать грозный „терескенный вопросъ“... Всѣ попытки развести близъ Памирскаго поста огородъ окончились неудачею. Мало того: пробовали сажать здѣсь хвою сѣвернаго Алая — арчу, и та не принимается!

Суровъ здѣшній климатъ: зимой морозы доходятъ нерѣдко до 40°. Я пробылъ на посту Памирскомъ съ 11 по 16 іюня включительно и почти каждый день наблюдалъ снѣжный буранъ. Правда, эти снѣжные вихри бывали очень непродолжительны, и набросанный ими на землю снѣгъ быстро исчезалъ — частью таялъ, частью непосредственно испарялся подъ дѣйствіемъ сухихъ и сильныхъ вѣтровъ. Но все же почти ежедневное выпаденіе снѣга въ срединѣ іюня (стараго стиля)! Это достаточно характеризуетъ непривѣтливость здѣшняго климата. Но еще хуже, на мой, по крайней мѣрѣ, личный вкусъ, эти постоянные песчаные бураны, которые заставляютъ васъ глотать пыль, дышать пылью, и которые свирѣпствуютъ на Мургабскомъ плато не только лѣтомъ, но иногда и зимой — вслѣдствіе тонкости снѣжнаго покрова. Для обитателя Европейской Россіи, конечно, покажется страннымъ, что при сорокаградусныхъ морозахъ можетъ быть, скажемъ, въ февралѣ мѣсяцѣ, только жиденькій снѣжный покровъ. Но на „Крышѣ міра“ это именно такъ и есть. Здѣшніе вѣтры обусловливаютъ быстрое *испареніе* снѣга даже при сильныхъ морозахъ. Да и выпадаетъ его здѣсь, благодаря сухости климата Средней Азіи, не много. Будь на Памирѣ такой же снѣжный покровъ, какой бываетъ въ Европейской Россіи,—тамъ не могло бы существовать ничего живого.

Не роскошны, далеко не роскошны жилища поста Памирскаго... Холодно бываетъ зимой въ этихъ глинобитныхъ мазанкахъ; мало помогаютъ противъ холода и войлоки, и желѣзныя печки, питаемыя терескеномъ. Затхлъ бываетъ воздухъ въ этихъ крошечныхъ комнатахъ, потолокъ которыхъ можно достать рукой. Лѣтомъ-то еще благодать: можно жить въ юртахъ, разставляемыхъ на обширномъ дворѣ поста. Но зима! Тяжело достается она нашимъ туркестанскимъ орламъ, свившимъ гнѣздо надъ роскошной Индіей...

Нижніе чины Памирскаго отряда смѣняются ежегодно. Обычно и офицеры командируются на Памиръ на годовой срокъ. Бывали однакоже случаи, что офицеры оставались добровольно и на большіе сроки. Тягота зимовки на посту Памирскомъ усугубляется тѣмъ, что среди зимы иногда на цѣлые мѣсяцы прекращается полученіе корреспонденціи изъ Оша. Въ самые суровые зимніе мѣсяцы рѣдкій джигитъ-киргизъ отважится пуститься въ путь черезъ памирскіе перевалы.

Лѣтомъ Памиръ нѣсколько оживляется. Тутъ на посты приходятъ изъ Оша смѣнные эшелоны. Отслужившіе свой срокъ

линейцы и казаки уходятъ обратно въ Фергану. Изрѣдка появляются караваны ферганскихъ и китайскихъ торгашей. Заглядываютъ иногда и путешественники — русскіе и иностранцы — кто съ учеными цѣлями, а кто и просто въ качествѣ спортсмена „альпиниста“. Все это, разумѣется, очень оживляетъ чиновъ памирскаго отряда. Наконецъ, лѣтомъ они могутъ развлекаться охотой и рыбной ловлей. Между прочимъ въ Мургабѣ у поста Памирскаго ловятся своеобразныя довольно крупныя рыбы двухъ различныхъ породъ. Мнѣ довелось попробовать жаркого, очень недурного на вкусъ, изъ одного изъ этихъ сортовъ мургабской рыбы. Про другую мургабскую рыбу разсказываютъ, что она имѣетъ какіе-то ядовитые органы, которые необходимо удалять передъ варкой или жареньемъ этой рыбы. Рыбная ловля, или „рыбалка“, какъ выражаются въ Туркестанѣ,—любимое развлеченіе солдатиковъ, отбывающихъ „памирское сидѣнье“ какъ на Мургабскомъ посту, такъ и на нѣкоторыхъ другихъ постахъ, занятыхъ частями Памирскаго отряда. Курьезно, что здѣшніе киргизы, будучи страстными охотниками за звѣремъ и птицей, совершенно пренебрегаютъ рыбной ловлей. Этимъ безъ сомнѣнія объясняется ходившая въ Туркестанѣ до занятія Памира русскими молва, будто рѣки и озера этой горной области лишены рыбы. Въ послѣднее время обнаружено существованіе рыбы даже въ Кара Кулѣ.

Не одними только развлеченіями вродѣ охоты стараются офицеры Памирскаго отряда поддерживать бодрость духа во ввѣренныхъ ихъ попеченіямъ нижнихъ чинахъ. Большое вниманіе обращаютъ эти начальствующія лица на удовлетвореніе религіозныхъ потребностей солдатиковъ, каковое осуществляется организаціей хорового пѣнія молитвъ. Передъ обѣдомъ всѣ православные солдатики, входящіе въ составъ гарнизона того или другого поста, выстраиваются на дворѣ и поютъ хоромъ: „Очи всѣхъ на тя, Господи, уповаютъ...“ Каждый вечеръ исполняютъ „Отче нашъ...“ и „Спаси, Господи, люди твоя...“ Наканунѣ воскресеній, двунадесятыхъ праздниковъ и Царскихъ дней поются почти безъ пропусковъ молитвы и псалмы, составляющіе содержаніе „всенощной“. Эти общія молитвословія съ пѣніемъ производятъ самое благотворное дѣйствіе на православныхъ солдатиковъ. Мало того, входящіе въ составъ отряда раскольники, католики, лютеране и магометане не только не тяготятся этимъ истовымъ общимъ моленіемъ православныхъ своихъ сотоварищей, но и видимо сочувствуютъ ему, выслушивая священное пѣніе съ неподдѣльнымъ благоговѣніемъ.

Въ день моего прибытія въ постъ Памирскій я засталъ тамъ только одного офицера, въ обществѣ котораго и провелъ первые три дня. Это былъ поручикъ М. А. Наслѣдовъ, доблестный туркестанецъ и очень милый собесѣдникъ. Затѣмъ къ намъ присоединился штабсъ-капитанъ В. Н. Трубчениновъ, пріѣхавшій съ Хорогскаго поста. Этотъ беззавѣтно храбрый офицеръ, участникъ первыхъ памирскихъ походовъ, рубившійся съ афганцами въ извѣстной схваткѣ съ ними Іонова, теперь уже — покойникъ: онъ скончался отъ брюшного тифа въ Хо-

рогѣ въ декабрѣ 1900 г. На другой день по пріѣздѣ В. Н. къ намъ прибылъего младшій братъ, поручикъ Н. Н. Трубчениновъ, любимецъ отряда, примѣрный товарищъ и начальникъ, при всемъ томъ въ высокой степени деликатный и скромный. Такія личности, какъ братья Трубчениновы, не могутъ оставаться безъ обаянія въ глазахъ окружающихъ. 15 іюня вернулся на постъ Памирскій начальникъ отряда, генеральнаго штаба капитанъ Н. С. Аносовъ, котораго я встрѣтилъ при спускѣ къ Кара Кулю.

Капитанъ Аносовъ назначенъ былъ въ составъ русско-бухарской комиссіи, которая должна была собраться въ Хорогѣ въ концѣ іюня 1900 г. Этой комиссіи предстояло рѣшить вопросъ о размѣрѣ податей, которыми можно было бы обложить въ пользу Бухары таджицкое населеніе западнаго Рошана, Шугнана и Вахана. Прямой путь съ поста Памирскаго на постъ Хорогскій, идущій по долинѣ рѣки Аличура, а затѣмъ по ущелью рѣки Гунта, имѣетъ длину въ 310 верстъ. Въ непроходимыхъ въ былое время частяхъ Гунтскаго ущелья путь этотъ теперь искусственно раздѣланъ, и раздѣланъ очень недурно: это имѣетъ важное значеніе въ виду того, что Хорогскій постъ сообщается съ Ферганой черезъ постъ Памирскій. Проѣхать въ Хорогъ этимъ путемъ Аносовъ могъ бы въ 4 дня. Но для него было важно явиться на засѣданія комиссіи, имѣя точныя свѣдѣнія о степени зажиточности таджиковъ, населяющихъ дебри Рошана, особенно же ущелье Бартанга. Вслѣдствіе малодоступности этого ущелья, всякаго рода свѣдѣнія о немъ были и скудны, и противорѣчивы. Въ виду этого Аносовъ рѣшилъ использовать оставшіяся въ его распоряженіи почти двѣ недѣли на то, чтобы пробраться въ Хорогъ кружнымъ путемъ, а, именно, черезъ Рошанъ. Притомъ онъ поставилъ себѣ задачей пройти вдоль всего Бартангскаго ущелья. Такое путешествіе обѣщало быть очень интереснымъ. Аносовъ предложилъ мнѣ принять участіе въ этой экспедиціи. Я согласился безъ малѣйшаго колебанія, хотя принятое теперь мною рѣшеніе и измѣняло нѣсколько мой первоначальный планъ кочеванья по Памиру. Произвести рекогносцировку Бартангскаго ущелья въ отношеніи земного магнитизма представлялось мнѣ очень заманчивымъ. Магнитный теодолитъ, которымъ я располагалъ, — весьма портативенъ, и протащить его хотя бы на рукахъ по карнизамъ Бартангскаго ущелья казалось предпріятіемъ исполнимымъ. Къ намъ рѣшили примкнуть для путешествія по Бартангу поручики М. А. Наслѣдовъ и Н. Н. Трубчениновъ. 15 іюня вечеромъ было принято рѣшеніе относительно экспедиціи на Бартангъ, а въ теченіе слѣдующаго дня мы сдѣлали всѣ необходимыя приготовленія къ задуманному трудному путешестію. Что путешествіе должно было быть не менѣе труднымъ, чѣмъ интереснымъ, насчетъ этого насъ очень недвусмысленно предупреждалъ Рошанскій „волостной“, именитый таджикъ Саркіоръ, находившійся тогда на посту Памирскомъ по дѣламъ службы.

Саркіоръ—типичный представитель рошанскихъ таджиковъ, этихъ отважныхъ и благородныхъ горцевъ. Высокій, идеально сложенный, красивый лицомъ, гибкій, проворный, онъ очень напоминаетъ красивѣйшихъ представителей кавказскихъ горцевъ. Съ перваго взгляда на его фигуру безъ колебаній отнесешь его происхожденіе къ арійскому корню. Благородство таджицкаго типа особенно рѣзко бросается въ глаза, когда таджика видишь рядомъ съ киргизомъ. Въ качествѣ „волостного", Саркіоръ былъ въ Москвѣ во время Св. Коронованія Императора Николая II. Вернувшись въ родныя ущелья, онъ разсказывалъ землякамъ, что видѣлъ въ Москвѣ „однихъ только офицеровъ столько, сколько песчинокъ на днѣ Бартанга". Не менѣе, чѣмъ военное могущество Царя, поразила его воображеніе красота видѣнныхъ имъ на коронаціонныхъ торжествахъ женщинъ, а также то, что всѣ эти сказочныя красавицы ходятъ съ открытыми лицами. Таджички строго соблюдаютъ обычай закрывать при мужчинахъ лица.

Саркіоръ былъ вызванъ на Постъ Памирскій въ іюнѣ 1900 года для объясненій по поводу жалобъ на совершенныя будто бы имъ злоупотребленія, жалобъ, заявленныхъ начальнику отряда капитану Аносову. Двое изъ жалобщиковъ были также на лицо на посту Памирскомъ. Изъ ихъ голословныхъ обвиненій и изъ столь же голословныхъ оправданій Саркіора нельзя было вывести заключенія, кто правъ, кто виноватъ. Благодаря однакоже рѣшенію Аносова пройти вдоль всего Бартанга, представлялась теперь сама собой возможность произвести „дознаніе на мѣстѣ". Рѣшено было взять съ собой въ путь по Бартангу какъ Саркіора, такъ и двухъ жалобщиковъ.

Въ началѣ нашего путешествія „волостной" былъ въ нашихъ глазахъ подъ подозрѣніемъ, и наше отношеніе къ Саркіору было очень недовѣрчивымъ. „Волостной" съ достоинствомъ переносилъ эту опалу. Произведенное затѣмъ Аносовымъ „дознаніе на мѣстѣ" убѣдило насъ въ невинности Саркіора. Послѣ того измѣнились, разумѣется, и наши къ нему отношенія. Самые разсказы Саркіора о трудностяхъ и опасностяхъ пути по Бартангу, а равно и его завѣренія, что, идя этимъ путемъ, мы сильно запоздаемъ къ сроку, назначенному для явки въ Хорогъ на засѣданія русско-бухарской комисіи, мы истолковывали вначалѣ въ смыслѣ уловокъ, направленныхъ къ тому, чтобы отклонить Аносова отъ посѣщенія Рошана и раскрытія предполагавшихся злоупотребленій „волостного". Вскорѣ однакоже мы убѣдились воочію въ правдивости всѣхъ разсказовъ Саркіора.

И такъ 16 іюня мы дѣятельно готовились въ путь. Наши приготовленія были на короткое время прерваны неожиданнымъ событіемъ—появленіемъ на посту новаго лица, иностранца, производившаго на первый взглядъ странное впечатлѣніе. Передъ нами былъ бойкій и энергичный юноша лѣтъ двадцати, одѣтый въ „гороховый" пиджачекъ, при цвѣтномъ галстухѣ.

„Вильгельмъ Фильхнеръ, поручикъ 1-го баварскаго армей-

скаго пѣхотнаго полка", отрекомендовался на нѣмецкомъ языкѣ вновь прибывшій.

Онъ сдѣлалъ 385 верстъ отъ Оша на купленномъ въ этомъ городѣ маштакѣ, въ сопровожденіи верхового проводника алайца, въ 5 сутокъ. Съ такой же стремительностью намѣренъ онъ перевалить черезъ какой-нибудь изъ проходовъ Гиндукуша въ Индію, доскакать до ближайшей желѣзнодорожной линіи, прокатить по чугункѣ къ берегу океана, сѣсть на пароходъ и вернуться въ Германію. Этотъ подвигъ докажетъ его находчивость и выносливость и увеличитъ шансы поручика на поступленіе въ академію генеральнаго штаба. Чѣмъ больше на долю Вильгельма Фильхнера выпадетъ приключеній, тѣмъ лучше: ему надо обезпечить себѣ окончательную побѣду надъ сердцемъ хорошенькой нѣмочки.

Все это залпомъ выговоренное признаніе человѣка, только что проскакавшаго 80 верстъ въ одинъ перегонъ, произвело на насъ въ первый моментъ впечатлѣніе бреда сумасшедшаго. Затѣмъ у всѣхъ явилось весьма извинительное при данныхъ обстоятельствахъ подозрѣніе, не кроется ли подъ „баварскимъ поручикомъ" — англійскій шпіонъ. Всѣ сомнѣнія однакоже разсѣялись, когда вновь прибывшій показалъ свои бумаги, засвидѣтельствованныя русскимъ посольствомъ въ Берлинѣ и провизированные туркестанскимъ начальствомъ. За обѣдомъ и за ужиномъ Фильхнеръ завоевалъ себѣ симпатію всего общества Поста Памирскаго. За ужиномъ состоялось форменное чествованіе этого нѣсколько наивнаго, но браваго и энергичнаго юноши. Противъ смѣлаго проекта баварскаго поручика перевалить черезъ Гиндукушъ въ Индію офицерами было сдѣлано нѣсколько возраженій. Главное затрудненіе при выполненіи такого маршрута состояло бы въ необходимости пересѣчь полоску афганской земли, заклиненную постановленіемъ разграничительной комиссіи 1894 — 1895 гг. между русскимъ Памиромъ и Британской Индіей. Вдоль этой полоски разбросаны афганскіе пикеты, а отношенія Афганистана къ Россіи были въ 1900 году очень недовѣрчивы, чтобы не сказать натянуты. Весной 1900 года произошло нѣсколько пограничныхъ „инцидентовъ". Такъ, между прочимъ, афганцы схватили русскаго отрядного джигита и переводчика Мансура, который переправился около Хорогскаго поста на афганскій берегъ Пянджа въ качествѣ парламентера для переговоровъ о возвратѣ казачьихъ коней, переплывшихъ на афганскую сторону. Мансуръ былъ отправленъ въ Кабулъ и брошенъ въ тюрьму. Уже три мѣсяца тянулись дипломатическія сношенія съ Афганистаномъ по этому дѣлу, а афганцы все не торопились освободить Мансура. Ухудшеніе отношеній между сосѣдями началось съ 1899 г. Это ухудшеніе выразилось прежде всего въ томъ, что правительство больного эмира Абдуррахмана запретило припянджскимъ таджикамъ продавать русскимъ лошадей, овецъ, муку и т. д., словомъ все, въ чемъ особенно нуждаются гарнизоны русскихъ постовъ, раскинутыхъ по Памиру. Надо замѣтить, что русскій берегъ Пян-

джа представляетъ несравненно меньше оазисовъ, чѣмъ афганскій; русскіе таджики—бѣдняки по сравненію съ афганскими. Полученіе нашими отрядами лошадей и разныхъ жизненныхъ продуктовъ изъ-за Пянджа, свободно практиковавшееся до 1899 г., представляло большой рессурсъ для этихъ отрядовъ въ смыслѣ экономіи. Теперь гарнизоны памирскихъ постовъ были поставлены въ положеніе военнаго времени—въ необходимость получать муку и другіе припасы исключительно изъ Ферганы. Всѣ эти обстоятельства, особенно же приключеніе Мансура, были поставлены на видъ Фильхнеру. Ему указывали на то, что съ нимъ, Фильхнеромъ, не взирая на чинъ поручика германской арміи, афганцы легко могутъ обойтись невѣжливо. Хорошо, если онъ проскочитъ на британскую территорію не замѣченнымъ афганцами. Иначе ему грозитъ участь быть схваченнымъ, а затѣмъ, смотря по настроенію афганскихъ властей, въ худшемъ случаѣ быть обезглавленнымъ, а въ лучшемъ случаѣ протомиться нѣсколько мѣсяцевъ въ какомъ-нибудь отвратительномъ клоповникѣ. Фильхнеръ упорствовалъ. Ему казалось невѣроятнымъ, чтобы его осмѣлились казнить. Что же касается до заключенія въ клоповникѣ, то онъ утѣшалъ себя въ виду этой возможности тѣмъ, что во время заключенія напишетъ „книгу про Афганистанъ“. Впрочемъ упорство Фильхнера за ужиномъ 16 іюня происходило отчасти отъ временнаго подъема духа подъ вліяніемъ выпавшаго на его долю чествованія и подъ дѣйствіемъ нѣсколькихъ рюмокъ вина. На другой день его рѣшимость форсировать „афганскій буферъ“ поколебалась. За этимъ ужиномъ 16 іюня были между прочимъ выработаны и послѣднія детали намѣченнаго нами плана путешествія черезъ Рошанъ. Выступленіе въ походъ назначено было на утро слѣдующаго же дня, дабы не терять дорогого времени. Всѣ главнѣйшія приготовленія были уже сдѣланы за день 16 іюня, не смотря на нѣкоторое отвлеченіе въ сторону вслѣдствіе прибытія Фильхнера. Фильхнеру предложили примкнуть къ нашей компаніи на одинъ первый переходъ, до урочища Камаръ-Утекъ, ибо это было ему по дорогѣ. Милый баварскій поручикъ принялъ предложеніе съ видимымъ удовольствіемъ.

Я распорядился со своей командой такъ. Обоихъ казаковъ, присоединившихся къ моему каравану въ Боръ-Добѣ, и Желтоухова я оставилъ на Посту Памирскомъ. Меня сопровождали теперь только Воронежевъ и Куромшинъ. Аносовъ взялъ съ собой казака Епанешникова, заслуженно пользовавшагося репутаціей лихого молодца, и нѣсколько туземныхъ джигитовъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ родной братъ Мансура, томившагося теперь въ афганскомъ плѣну. Этотъ талантливый молодой таджикъ, подобно своему старшему брату Мансуру, въ короткое время овладѣлъ русскою рѣчью настолько, что могъ служить хорошимъ переводчикомъ при сношеніяхъ чиновъ отряда съ таджиками.

Мы рѣшили начать путешествіе на наемныхъ киргизскихъ лошадяхъ и пользоваться ими до тѣхъ поръ, пока будетъ

возможно, а затѣмъ, въ дебряхъ Рошана, въ случаѣ надобности, продолжать путь пѣшкомъ. Наше недовѣріе къ показаніямъ Саркіора было причиной того, что я сдѣлалъ немалую ошибку, взявъ съ собой двухъ казачьихъ лошадей, принадлежавшихъ Воронежеву и Куромшину. Судя по отлогимъ профилямъ Восточнаго Памира, съ которымъ до сихъ поръ я только и успѣлъ познакомиться, я никакъ не соглашался вѣрить словамъ Саркіора, что пробраться въ лѣтнюю пору по ущелью Бартанга съ лошадью невозможно. На повѣрку, правда, вышло, что молодцы таджики таки ухитрились протащить моихъ лошадей вдоль всего Бартанга. Но какихъ усилій и опасностей это стоило!

Несмотря на недовѣріе къ Саркіору, мы все же проявили достаточную осторожность по отношенію къ дорожному нашему багажу: онъ былъ облегченъ до послѣдней возможности. Единственнымъ тяжелымъ предметомъ изъ нашего багажа былъ мой магнитный теодолитъ, вѣсившій вмѣстѣ съ кожанымъ ящикомъ около 60 фунтовъ. Актинометры я оставилъ на Посту Памирскомъ; взялъ съ собой изъ метеорологическихъ приборовъ только термометръ и анероидъ. Мы рѣшили не брать съ собой палатки, а пользоваться юртами изъ киргизскихъ кочевьевъ до тѣхъ поръ, пока будетъ возможно. При путешествіи по Бартангу мы заранѣе обрекали себя на ночлеги подъ открытымъ небомъ.

Раннимъ утромъ 17 іюня, благодаря заботамъ памирскаго волостного Коканъ-бека, на посту Памирскомъ уже были въ сборѣ лошади, взятыя въ наемъ изъ ближайшихъ киргизскихъ кочевьевъ. Какъ только общество путешественниковъ, заспавшихся послѣ ужина въ честь баварскаго офицера, собралось къ утреннему чаю, начальникомъ отряда былъ отданъ приказъ сѣдлать и вьючить. Быстро выполнили казаки и отрядные джигиты эту столь привычную операцію. Мы вышли на дворъ. Здѣсь былъ выстроенъ гарнизонъ поста. Начальникъ отряда произнесъ, прощаясь съ линейцами и казаками, небольшую рѣчь и передалъ начальствованіе штабсъ-капитану В. Н. Трубченинову.

Мы вскочили на сѣдла и двинулись въ путь — внизъ по долинѣ Мургаба. Долина начала замѣтно съуживаться. Вотъ—какія-то развалины, и въ сторонѣ могила солдатика. Аносовъ поясняетъ Фильхнеру, что это—мѣсто, гдѣ Іоновъ основалъ было впервые постъ Памирскій, нынѣ перенесенный на 7 верстъ восточнѣе, къ устью Акъ-Байталя.

Пройдя верстъ 15 правымъ берегомъ Мургаба, мы переправились въ бродъ на лѣвый его берегъ. Несмотря на огромную ширину русла въ этомъ мѣстѣ, бродъ все же—глубокій, лошади замочены до холокъ. Противъ мѣста нашей переправы на лѣвомъ берегу оказалось многолюдное киргизское кочевье. Нѣсколько юртъ въ этомъ аилѣ принадлежатъ волостному Коканъ-беку, который сопровождалъ насъ отъ поста Памирскаго. Коканъ-бекъ пригласилъ насъ на „пловъ“, т. е. на вареную баранину съ рисомъ. Пловъ запивался чаемъ, *настоящимъ*

чаемъ, который волостной держитъ въ запасѣ ради знатныхъ гостей. Въ пиршествѣ принимала участіе также жена волостного, очень красивая краснощекая бабенка, что представляетъ большую рѣдкость среди памирскихъ и алайскихъ киргизокъ, которыя даже въ возрастѣ 20 лѣтъ напоминаютъ вѣдьмъ. Киргизки не считаютъ для себя обязательнымъ закрывать при мужчинахъ лица, и жена Коканъ-бека показалась намъ во всей красѣ, богато разряженная. Держа на колѣняхъ здороваго грудного ребенка, она сидѣла вмѣстѣ съ нами на коврѣ передъ одной изъ плоскихъ деревянныхъ чашекъ, въ которыхъ сервированъ былъ пловъ, и аппетитно уплетала баранину, сверкая своими чудными зубами. Поручикъ Наслѣдовъ, бойко говорящій по-киргизски, спросилъ волостного, какъ зовутъ его красавицу. Коканъ-бекъ замялся, выскочилъ изъ юрты и вернулся черезъ нѣсколько минутъ съ другимъ киргизомъ, котораго подвелъ къ поручику. Поручикъ повторилъ свой вопросъ, обращаясь теперь къ этому киргизу. Киргизъ отвѣтилъ: „Наръ Гуль“. Это и есть имя красавицы. Наслѣдовъ зналъ это имя и продѣлалъ всю церемонію только для того, чтобы иллюстрировать передъ новыми лицами одно изъ суевѣрій каракиргизовъ. Киргизскіе супруги не должны никогда произносить имени другъ друга: по повѣрью киргизовъ, это могло бы накликать семейное несчастіе.

„Наръ Гуль“ означаетъ „*верблюжій цвѣтокъ*“. Такая, съ нашей точки зрѣнія, нелѣпая комбинація представляется номаду, напротивъ того, не только осмысленной, но и поэтичной. Не надо забывать того важнаго значенія, которое имѣетъ верблюдъ для кочевника. Въ данномъ случаѣ эпитетъ „цвѣтокъ“, означающій красавицу, сопровождается эпитетомъ „верблюжій“ потому, что красавица Наръ-Гуль покинула утробу матери въ время перекочевки, когда ея мать сидѣла на верблюдѣ.

Киргизки вообще охотно принимаютъ ухаживанія нашихъ солдатиковъ. Наръ-Гуль въ этомъ отношеніи одно изъ рѣдкихъ исключеній. За ней пробовали ухаживать офицеры, но она осталась непобѣдимой.

Подкрѣпившись сытнымъ завтракомъ, мы простились съ Коканъ-бекомъ и, оставивъ „на зубокъ“ упитанному киргизенку, покоившемуся на колѣняхъ Наръ-Гуль, нѣсколько золотыхъ монетъ, сѣли на коней.

Мы покинули теперь долину Мургаба, обращающуюся нѣсколько ниже въ непроходимое мѣстами ущелье, и перевалили черезъ утюгообразную возвышенность, которая врѣзается въ уголъ между Мургабомъ и его лѣвымъ притокомъ Кара-Су, въ долину этой послѣдней рѣки. Въ одномъ изъ массивовъ этой возвышенности можно видѣть значительную пещеру. Дальнѣйшій нашъ путь пролегалъ по долинѣ Кара-Су, что значитъ „Черная вода“, — сперва правымъ, а послѣ лѣвымъ берегомъ рѣки. То и дѣло приходилось перелѣзать черезъ глубокіе овраги, раскрывающіеся въ долину. Для развлеченія стрѣляли „на пари“ изъ винтовокъ по суркамъ. На ночлегъ

остановились около 4 часовъ пополудни, пройдя всего только 33 версты отъ Поста Памирскаго. „Лиха бѣда оттолкнуться съ мѣста осѣдлости“, оправдывалъ Аносовъ нашъ слишкомъ малый переходъ, „а послѣ-то мы наверстаемъ“!

Мы заночевали въ двухъ юртахъ, привезенныхъ изъ Мургабскаго аиля, въ которомъ ѣли пловъ. Тотчасъ по прибытіи на мѣсто ночлега я разставилъ при помощи Воронежева и Куромшина магнитный теодолитъ и произвелъ полный циклъ измѣреній, позволившихъ мнѣ впослѣдствіи вычислить для даннаго пункта такъ называемые „элементы земного магнитизма“, а именно „склоненіе“, „наклоненіе“ и „напряженность силы“ земного магнитизма.

18 іюня послѣ утренняго чая двинулись далѣе вверхъ по Кара-Су. Вотъ и высокое каменистое плато, называемое урочищемъ Камаръ Утекъ. Здѣсь надлежало разстаться съ баварскимъ поручикомъ, котораго удалось убѣдить радикально измѣнить маршрутъ. Былъ составленъ сообща такой новый планъ для Фильхнера. Отъ урочища Камаръ Утекъ онъ долженъ былъ взять на востокъ и идти вверхъ по ущелью Караулдынъ. Черезъ перевалъ Сары Ташъ ему предстояло спуститься въ долину Акъ Су, а затѣмъ, идя вверхъ по рѣчкѣ Беику, правому притоку Акъ Су, подняться на перевалъ Беикъ, расположенный на границѣ нашей съ Китаемъ. Отсюда юный баварецъ долженъ былъ черезъ рядъ переваловъ добраться до Британской Индіи. Путь этотъ, конечно, длиннѣе того, который намѣтилъ себѣ Фильхнеръ ранѣе. Но новый маршрутъ имѣлъ за собой то существенное преимущество, что Фильхнеръ обходилъ теперь афганскую территорію и захватывалъ вмѣсто того лишь небольшую часть китайскаго Канджута, гдѣ населеніе относится къ русскимъ съ уваженіемъ и дружелюбно. А было основаніе разсчитывать на то, что баварецъ, знавшій нѣсколько русскихъ словъ, сойдетъ у канджутцевъ за „уруса“. Аносовъ далъ Фильхнеру одного изъ отрядныхъ джигитовъ въ качествѣ проводника, съ тѣмъ однакоже условіемъ, что Фильхнеръ будетъ пользоваться его услугами только до китайской границы. Далѣе отважный баварецъ предоставлялся самому себѣ.

Доѣхавъ до мѣста, гдѣ надо было разстаться съ Фильхнеромъ, мы остановились. Послѣ прощальныхъ привѣтствій баварецъ отдѣлился отъ нашей группы и, сопровождаемый даннымъ ему джигитомъ, поскакалъ по плато галопомъ, направляясь къ отверстію ущелья Караулдынъ. Мы не трогались съ мѣста и глядѣли ему въ слѣдъ. Проскакавъ съ версту, Фильхнеръ остановился, повернулъ къ намъ коня и сдѣлалъ вверхъ три выстрѣла изъ револьвера. Это былъ его прощальный салютъ. Поручикъ Трубчениновъ отвѣтилъ ему такимъ же салютомъ.

Простоявъ на мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока Фильхнеръ не скрылся въ ущельѣ, мы тронулись въ дальнѣйшій путь. Мы покинули долину Кара Су и начали подниматься на перевалъ Нейза Ташъ, который привелъ насъ въ долину Аличура. Нѣ-

которое время ѣхали шагомъ, оживленно болтая. Разговоръ, само собой понятно, вертѣлся болѣе около личности молодого баварца, стяжавшаго себѣ общія симпатіи.

Вернувшись черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Ошъ, я узналъ нѣкоторыя подробности о приключеніяхъ Фильхнера. До Беика онъ добрался благополучно. Въ высшей точкѣ этого перевала, какъ было условлено, данный ему джигитъ его покинулъ, чтобы не нарушать, въ качествѣ лица оффиціальнаго — чина Памирскаго отряда,—китайской границы. Фильхнеръ спустился съ перевала на китайскую сторону. Вскорѣ онъ былъ остановленъ китайскимъ патрулемъ. Китайцы отнеслись къ нему недовѣрчиво. Они рѣшили не пропускать Фильхнера въ Индію и препроводили его въ Кашгаръ подъ конвоемъ. Обращались съ нимъ впрочемъ вѣжливо, по всѣмъ правиламъ китайскаго этикета. Въ Кашгарѣ конвойные *сдали* Фильхнера нашему консулу, достопочтенному г-ну Петровскому. Это было уже въ самый разгаръ извѣстныхъ смутъ въ восточномъ Китаѣ. Характерно, что эти смуты не отразились на западныхъ областяхъ Небесной имперіи. Петровскій продолжалъ во все время восточно-китайскихъ неурядицъ пользоваться незыблемымъ авторитетомъ въ Кашгаріи и смежныхъ съ нею китайскихъ областяхъ. Этотъ авторитетъ русскаго консула обезпечивалъ спокойствіе во всемъ западномъ Китаѣ.

Въ Кашгарѣ находились въ описываемое время О. А. В., Л. И. Б. и нѣкоторыя другія лица, прибывшія туда для изученія нашихъ торговыхъ сношеній съ Кашгаромъ и для основанія въ этомъ западно-китайскомъ центрѣ отдѣленія Русско-китайскаго банка. Съ членами этой экспедиціи я познакомился въ Ошѣ въ маѣ 1900 г. Экспедиція выступила въ Кашгаръ на нѣсколько дней раньше моей. Окончивъ свою миссію, кашгарская экспедиція выступила въ концѣ іюля въ обратный путь къ Ошу. Съ этой экспедиціей Фильхнеръ благополучно вернулся въ Ошъ и Андижанъ. Оттуда онъ поѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Европейскую Россію, а затѣмъ и на родину.

Разставшись на плато Камаръ Утекъ съ Фильхнеромъ, Аносовъ и его спутники ѣхали впереди каравана шагомъ, направляясь къ перевалу Нейза Ташъ. Скоро это мнѣ надоѣло. Я отдѣлился отъ товарищей и, сопровождаемый Куромшинымъ, уѣхалъ впередъ крупной рысью съ цѣлью попытать охотничьяго счастья. Отбиться отъ каравана и заблудиться я не рисковалъ, такъ какъ путь нашъ пролегалъ по высокой долинѣ между двумя горными кряжами. Охотничье счастье на этотъ разъ ко мнѣ привалило. Выѣхавъ въ поворотѣ долины изъ-за угла праваго кряжа, мы съ Куромшинымъ замѣтили на крутомъ, чуть-чуть не отвѣсномъ, скатѣ утесистаго хребта большое стадо „кіиковъ“—крупныхъ горныхъ козловъ. Животныя, чрезвычайно чуткія и проворныя, застигнуты нами врасплохъ и на очень невыгодной для нихъ позиціи. Наши маштаки, получивъ по хорошему удару но-

гаекъ, несутся по направленію къ стаду отчаяннымъ карьеромъ. Кіики, которыхъ мы застали при появленіи нашемъ изъ-за угла утеса спускавшимися съ кручи, на мгновеніе останавливаются, а затѣмъ поворачиваютъ назадъ и карабкаются вверхъ по крутому склону. Но мы уже на краю оврага, отдѣляющаго насъ отъ кручи,—на разстояніи какихъ-нибудь 200 шаговъ отъ стада. Спрыгиваемъ съ разгоряченныхъ бѣшеной скачкой коней и дѣлаемъ, разгоряченные сами не менѣе ихъ, по нѣсколько выстрѣловъ изъ магазинокъ. Одинъ изъ кіиковъ отстаетъ отъ стада и начинаетъ ползти внизъ. Остальные скрываются за гребнемъ. Подбитый кіикъ, работая отчаянно ногами, задерживаетъ свое паденіе и сползаетъ медленно. Но вотъ онъ на краю уступа съ вертикальнымъ обрывомъ. Кіикъ летитъ внизъ кувыркомъ. Черезъ нѣсколько секундъ онъ лежитъ уже на днѣ каменистаго оврага, отдѣляющаго насъ отъ кручи, представляя изъ себя мѣшокъ съ раздробленными костями... Куромшинъ лѣзетъ внизъ и послѣ получасовыхъ усилій втаскиваетъ трупъ кіика на край оврага, на которомъ стою я, держа въ поводу нашихъ маштаковъ. Изъ жесткаго до невозможности мяса этого козла мы устроили на ночлегѣ шашлыкъ. Пока Куромшинъ доставалъ изъ оврага нашу добычу, изъ-за поворота долины показался нашъ караванъ. Товарищи поздравляли меня съ рѣдкостной охотничьей удачей.

Подъемъ на перевалъ Нейза Ташъ, какъ и на многіе другіе перевалы восточнаго Памира,—очень отлогій. Достигнувъ высшей точки его сѣдловины, мы повернули влѣво и поднялись на нѣсколько сотъ шаговъ вверхъ по горному склону, господствующему надъ сѣдловиной. Тутъ, около родника съ чудной водой, сдѣланъ былъ привалъ и, благодаря растущему здѣсь кое-гдѣ терескену, организовано чаепитіе. Родникъ прозывается „Урусъ Булакъ“, т. е. „Русскій Родникъ“. Киргизы говорятъ, что около него прожилъ, ради отдыха, нѣсколько дней русскій путникъ, шедшій въ Китай. Это было, по ихъ словамъ, очень и очень давно, можетъ быть нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ. Не былъ ли этотъ путешественникъ—Марко Поло? Извѣстно, что отважный венеціанецъ слылъ среди киргизовъ и монголовъ за русскаго. Въ честь этого „уруса“ киргизы и прозвали родникъ. Кочевники центральной Азіи до сихъ поръ склонны принимать всякаго европейца за „уруса“.

Невдалекѣ отъ перевала Нейза-Ташъ высится изолированная вершина, носящая то же самое имя. „Нейза-Ташъ“ значитъ „Копье-Камень“, или „Копье-Гора“. Названіе въ данномъ случаѣ неудачное: гора имѣетъ округленную макушку и далеко не крутые склоны.

На спускѣ съ перевала Нейза-Ташъ мнѣ опять „подвезло“ въ охотничьемъ отношеніи. Я забылъ упомянуть, что нашъ караванъ сопровождали отъ Поста Памирскаго двѣ собаки, обѣ афганской породы, одна—борзая, другая—нѣчто въ родѣ гончей. Послѣдняя носила далеко не цензурную кличку. Каж-

дый разъ, когда я обгонялъ караванъ для охотничьихъ поисковъ, собаки за мной увязывались. Уроженки гористаго Бадакшана [1]), онѣ не знали устали при бѣготнѣ по высотамъ въ теченіе цѣлыхъ дней. Обѣ собаки были свидѣтельницами того, какъ мы убили кіика. Съ той поры онѣ питали ко мнѣ и къ Куромшину особое уваженіе. Тѣмъ болѣе пришлось мнѣ впослѣдствіи тужить о гибели одной изъ этихъ преданныхъ моихъ спутницъ, именно гончей: она сорвалась съ карниза въ Бартангъ и была поглощена бѣшеной рѣкой. Теперь, спускаясь съ Нейза Таша, я ускакалъ галопомъ впередъ. Скакавшая впереди меня борзая „взяла“ сурка, отбѣжавшаго на нѣсколько десятковъ шаговъ отъ норы и тщетно пытавшагося, при появленіи всадника и собаки изъ-за утеса, достигнуть во всю прыть своего убѣжища. Перейдя съ галопа на рысь, я настигаю борзую, которая съ остервенѣніемъ катаетъ сурка по землѣ, продѣлываю на ходу извѣстный джигитовочный пріемъ и поднимаю съ земли загрызеннаго сурка. Эта выходка, нѣсколько не гармонировавшая, правда, съ моимъ пожилымъ возрастомъ и солиднымъ общественнымъ положеніемъ, привела зато въ большой восторгъ казаковъ Куромшина и Епанешникова, которые теперь за мной слѣдовали. Я чувствовалъ почти во все время путешествія по Памиру какую-то особенную бодрость и жизнерадостность —то, что наши милѣйшіе союзники называютъ „regain de la jeunesse“. Между прочимъ зрѣніе мое, сильно притупившееся за послѣдніе годы кабинетной работы, получило на Памирѣ на нѣкоторое время давно не свойственную ему остроту. Лѣтнія экскурсіи по Памиру я рѣшаюсь настойчиво рекомендовать, какъ хорошее средство для поправки здоровья людей, утомленныхъ кабинетной работой, но отъ природы крѣпкихъ. Въ особенности требуются здоровыя легкія и сердце. Это—conditio sine qua non для возможности путешествовать по Памиру. Иначе разрѣженный воздухъ горной пустыни вызываетъ наклонность къ „mal de montagne“, къ „тутеку“, какъ называютъ эту болѣзнь каракиргизы. А болѣзнь эта—тяжелая. Ея симптомы: безсонница, головокруженіе, тошнота. Бывали примѣры и разрыва слабаго сердца на большихъ высотахъ. Отъ этой причины скоропостижно скончался тотъ солдатикъ, могилу котораго можно видѣть близъ памирскаго „большака“ въ одной изъ высокихъ долинъ, лежащихъ между Кизылъ Артомъ и Кара Кулемъ. Этотъ и еще два—три подобныхъ случая, кажется, и дали поводъ къ неосновательнымъ разсказамъ про скопленія углекислоты въ ендовахъ, лежащихъ около Кизылъ Арта. Эти разсказы были сильно распространены въ 1891—1892 годахъ, послѣ первыхъ Памирскихъ походовъ Іонова. Что касается до падежа лошадей, который, какъ говорятъ, наблюдался около Кизылъ Арта, то это явленіе объясняется тѣмъ, что между травами, вырастающими на сѣдловинѣ этого перевала за короткое памирское лѣто, попадаются ядовитыя.

---

[1]) Афганская область, сопредѣльная съ западнымъ Памиромъ.

Съ перевала Нейза-Ташъ мы спустились въ долину рѣки Аличура. Восточная часть этой долины, примѣрно отъ меридіана 43°, довольно широка. Ширина ея колеблется здѣсь между 1/2 версты и 2 верстами. Обрамляющіе долину горные хребты спускаются къ ней въ этой восточной ея части отлого. Берега Аличура представляютъ изъ себя характерный для восточнаго Памира „лугъ“. Эти берега покрыты сплошь кочками, высовывающимися изъ солончаковой почвы. Несмотря на то, что долина Аличуръ высится, въ среднемъ, на четыре версты надъ моремъ, кочки покрываются лѣтомъ обильной и полезной для животныхъ травой. Мы застали 18 іюня уже довольно высокую свѣжую травку на этихъ необозримыхъ кочкарникахъ. Русло восточнаго Аличура сравнительно отлого. Тѣмъ не менѣе скорость теченія у этой рѣки много больше, чѣмъ у рѣкъ Европейской Россіи. Мѣстами, въ переузинахъ, Аличуръ довольно глубокъ. Направленіе теченія рѣки, въ общемъ, съ востока на западъ.

Невдалекѣ отъ спуска въ долину Аличура съ перевала Нейза Ташъ, въ долинѣ лежитъ огромный изолированый утесъ въ формѣ удлиненнаго параллелепипеда. Каракиргизы называютъ его Чатыръ Ташъ, т. е. „Шатеръ Камень“. Киргизская легенда гласитъ, что въ древнія времена здѣсь была плодородная и богатая земля. Надъ ней былъ великій, могучій властелинъ. Возгордившись, онъ ополчился противъ Бога. Богъ обратилъ его въ камень, который и есть Чатыръ Ташъ, а землю ту проклялъ и обратилъ въ пустыню. Надо замѣтить, что, начиная отъ Чатыръ Таша и до самыхъ истоковъ Аличура, долина пустынна, и берега рѣки усыпаны мелкой галькой. Кочкарники съ травой начинаются нѣсколько ниже, западнѣе Чатыръ Таша.

На Аличурѣ много „атаекъ“. Мнѣ удалось застрѣлить ихъ нѣсколько штукъ, на ходу, съ лошади. „Атайка“—крупная, рыжая утка, значительно большихъ размѣровъ, чѣмъ наша кряква. Мясо ея отвратительно. Долина Аличура кишитъ сурками. Видѣлъ я издали не то волка, не то шакала. Но, несмотря на всѣ достоинства бывшаго подо мною киргизскаго скакуна и на легкость афганской борзой, преслѣдованіе этого звѣря по пересѣченной мѣстности окончилось полной неудачей.

18 іюля мы сдѣлали переходъ въ 55 верстъ. Небо было почти во весь день облачно; подъ конецъ перехода, къ вечеру, моросилъ мелкій дождь. Заночевали на лѣвомъ берегу Аличура, въ двухъ верстахъ ниже киргизской могилы Башъ Гумбезъ, что означаетъ „Главная Могила“. Этотъ гумбезъ, мѣсто погребенія какого-то знатнаго древняго батыря, — не простая куча камней, какъ это бываетъ въ большинствѣ случаевъ. Здѣсь выложенъ изъ камней довольно значительный куполъ. Высота мѣста нашего ночлега надъ уровнемъ моря около 4100 метровъ. Утромъ 19 іюля я опредѣлилъ здѣсь „магнитные элементы“.

19 іюня сдѣлали 65 верстъ. Въ этотъ день пройдено нами все нижнее теченіе Аличура до впаденія его въ озеро Яшиль

Куль, т. е. „Зеленое озеро“, и сверхъ того почти половина сѣвернаго побережья Яшиль Куля.

Озеро имѣетъ удлиненную форму. Его длина направлена съ юго-востока на сѣверо-западъ. Аличуръ вливается въ юго-восточную оконечность озера; изъ его сѣверо-западной оконечности вытекаетъ могучая рѣка, называемая Гунтомъ. Яшиль Куль представляетъ изъ себя слѣдовательно какъ бы расширеніе одной и той же рѣки, Аличура-Гунта.

Гунтъ впадаетъ въ Пянджъ невдалекѣ отъ афганской крѣпости Калай Баръ Пянджъ. Въ трехъ верстахъ отъ устья Гунта, на правомъ его берегу, расположенъ нашъ военный постъ—Хорогъ.

Долина Аличура, широкая въ восточной своей части, значительно съуживается по мѣрѣ приближенія къ Яшиль Кулю. Само озеро сильно сдавлено утесами. Еще болѣе сдавленъ горными массивами Гунтъ, текущій почти сплошь между высокими, отвѣсными каменными стѣнами. Скорость теченія у Гунта много болѣе, чѣмъ у Аличура: Гунтъ, какъ и всѣ прочія рѣки *западнаго* Памира, — бѣшеный потокъ, лѣтомъ очень многоводный.

Мнѣ не довелось побывать у выхода Гунта изъ Яшиль Куля. Но офицеры Памирскаго отряда передавали мнѣ, что этотъ выходъ производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто рѣка Аличуръ-Гунтъ была *запружена* какой-то грандіозной геологической катастрофой, вслѣдствіе которой и образовалось озеро Яшиль Куль. Повидимому представленіе о геологическомъ переворотѣ держится даже въ сознаніи мѣстныхъ номадовъ. Согласно киргизской легендѣ, на мѣстѣ Яшиль Куля стоялъ въ давнія времена богатый городъ; городъ этотъ былъ засыпанъ рухнувшими на него горами.

Какихъ-нибудь пять, шесть лѣтъ тому назадъ ущелье Гунта было еще совершенно дико. Путь по нему былъ труденъ и опасенъ для пѣшехода. Теперь, трудами Памирскаго отряда, дорога по Гунту, служащая для сообщенія между Постомъ Памирскимъ и Постомъ Хорогскимъ, недурно раздѣлана. Правда, мѣстами она пролегаетъ по карнизамъ. Но эти карнизы настолько расширены, что по нимъ свободно можно слѣдовать верхомъ. Всѣ эти работы выполнены безъ всякой помощи инженеровъ, подъ руководствомъ офицеровъ Памирскаго отряда. Рабочія руки представляли изъ себя частью нижніе чины отряда, а больше богатыри таджики, полуосѣдлые обитатели рѣчныхъ ущелій западнаго Памира. Между прочимъ и нижняя половина ущелья Гунта населена, въ рѣдкихъ оазисахъ, таджиками. Эта область входила въ давнія времена въ составъ самостоятельнаго ханства—Шугнана.

Путь съ Поста Памирскаго въ Хорогъ, имѣющій 310 верстъ длины, идетъ по Кара Су и Аличуру, огибаетъ Яшиль Куль съ южной стороны, которая гораздо доступнѣе сѣверной, и спускается внизъ по ущелью Гунта. Этимъ путемъ приходитъ съ Поста Памирскаго въ Хорогъ ежегодно, среди лѣта, смѣнный эшелонъ. Этимъ же путемъ гарнизонъ Хорога, от-

бывъ свой годичный срокъ тяжелаго „сидѣнья“, возвращается на постъ Памирскій, чтобы оттуда, соединившись съ отслужившими гарнизонами другихъ дальнихъ постовъ, двинуться по Памирскому „большаку“ въ Ферганскую область.

Надо видѣть сіяющія физіономіи солдатиковъ, идущихъ съ дальнихъ постовъ на Мургабъ, чтобы понять, какъ скучна зимовка на этихъ постахъ. Я упомянулъ раньше о томъ, что на третій день моего пребыванія на посту Памирскомъ туда прибылъ изъ Хорога штабсъ-капитанъ В. Н. Трубчениновъ. Онъ какъ разъ привелъ тогда отбывшій свой срокъ гарнизонъ Хорога. Я никогда не забуду тѣхъ сценъ жизнерадостности, которыя пришлось мнѣ наблюдать среди этихъ хорогцевъ. Безспорно *молодцами* идутъ наши туркестанцы и изъ Оша на Мургабъ, и съ Мургаба на дальніе посты... Но жизнерадостность при этомъ далеко не та!

Снявшись утромъ 19 іюня со стоянки близъ могилы Башъ Гумбезъ, мы пошли лѣвымъ берегомъ Аличура. Верстъ двадцать тянулись мы по кочковатому Аличурскому „лугу“. Далѣе, по причинѣ *болотистости* слѣдующаго участка долины, тропа поворачиваетъ влѣво и поднимается на обширное плато, возвышающееся метровъ на 100 надъ Аличуромъ. На этомъ плато пріютилось озеро Сасыкъ Куль и великое множество болѣе мелкихъ озерковъ и лагунъ. Эти скопища воды питаются ручьями, сбѣгающими со склоновъ очень высокаго хребта, который лежитъ южнѣе и составляетъ часть могучей горной группы, называемой „Большимъ Памиромъ“. Дорога въ Хорогъ, имѣющая здѣсь видъ узенькой тропки, идетъ мимо Сасыкъ Куля. Не доходя верстъ 5 до этого озера, мы покинули Хорогскую тропу и взяли правѣе, держась ближе къ Аличуру: намъ предстояло идти на сѣверную сторону Яшиль Куля и перевалить черезъ исполинскій хребетъ Базаръ Дару, окаймляющій Аличуръ и Яшиль Куль съ сѣвера. Теперь для насъ становились необходимыми проводники изъ мѣстныхъ кочевниковъ. Это было предусмотрѣно капитаномъ Аносовымъ. Изъ „аиля“, который мы встрѣтили наканунѣ на верхнемъ Аличурѣ, мы взяли съ собой двухъ пожилыхъ киргизовъ, хорошо знавшихъ Яшиль Куль и его окрестности. Зналъ до нѣкоторой степени эти мѣста и Саркіоръ, продолжавшій повторять, что на перевалѣ Марджанай, ведущемъ черезъ хребетъ Базаръ Дару, намъ будетъ „яманъ“, т. е. плохо...

На лагунахъ близъ Сасыкъ Куля мнѣ очень „подвезло“ по части атаекъ. Были на лагунахъ и гуси, да держали себя слишкомъ „строго“.

Надъ западной частью плато, по которому мы ѣхали, поднимается не обширная, но высокая горная группа Аралъ Кыръ, представляющая изъ себя одинъ изъ отроговъ „Большого Памира“. Горы Аралъ Кыръ примыкаютъ вплотную къ югу-восточной оконечности Яшиль Куля и къ лѣвому берегу нижняго Аличура. Мѣстами онѣ обрываются къ озеру и къ Аличуру почти отвѣсно.

Немного не доѣхавъ до подъема на Аралъ Кыръ, мы рѣ-

шили покинуть плато, которымъ слѣдовали, и спуститься снова къ Аличуру. По соображеніямъ нашихъ проводниковъ мы должны были найти около этого мѣста близъ рѣки нѣсколько „аилей“. По ихъ словамъ, здѣсь Аличурскій „лугъ“ расширяется, представляетъ роскошное пастбище и не столь болотистъ, какъ та его часть, которую мы только что миновали, поднявшись на лѣвобережное плато. Найти „аиль“ было теперь очень для насъ важно. Показанія проводниковъ въ общихъ чертахъ подтвердились. Переваливъ черезъ невысокую грядку и спускаясь по крутому скату къ долинѣ, мы увидѣли очень обширный лугъ, на которомъ паслось множество лошадей, яковъ и овецъ. Надъ самой рѣкой стояло 6—7 юртъ. На противоположномъ берегу рѣки виднѣлся другой „аиль“, еще большій. Лугъ оказался однакоже довольно топкимъ: въ нѣсколькихъ мѣстахъ наши лошади сильно увязали. Мы устроили въ аилѣ привалъ, весьма нелишній послѣ сдѣланнаго караваномъ перегона въ 40 верстъ. Занимавшіеся по дорогѣ охотой протряслись, конечно, еще больше, чѣмъ слѣдовавшіе съ караваномъ. Мы утолили жгучую жажду кумысомъ и чаемъ. Тутъ была принята Аносовымъ очень важная для дальнѣйшаго путешествія мѣра: онъ взялъ въ наемъ изъ аиля на нѣсколько дней двѣ юрты и шестерку яковъ, которые должны были тащить эти юрты черезъ перевалъ Марджанай. Пока мы отдыхали въ аилѣ, юрты были проворно навьючены на яковъ и отправлены впередъ. Между киргизами аиля непріятно поражалъ одинъ среднихъ лѣтъ мущина съ провалившимся носомъ. Къ сожалѣнію, сифилисъ порядочно распространенъ среди алайскихъ и памирскихъ киргизовъ. Таджики, населяющіе глухія дебри западнаго Памира, насколько мнѣ пришлось слышать и наблюдать самому, избавлены пока отъ этого ужаснаго бича...

Согласно совѣтамъ нашихъ проводниковъ и киргизовъ аиля, мы вернулись опять на покинутое нами плато и потянулись впередъ по склонамъ Аралъ Кыра, поднимаясь, отъ времени до времени, въ зависимости отъ профилей этихъ склоновъ, на значительную высоту надъ уровнемъ Аличура. Я уѣхалъ съ Куромшинымъ и однимъ изъ проводниковъ рысью, впередъ каравана: киргизы аиля, въ которомъ мы останавливались, говорили, что въ этихъ мѣстахъ много зайцевъ и кіиковъ. Что, дѣйствительно, въ окрестностяхъ Яшиль Куля дичь должна быть въ изобиліи, объ этомъ безошибочно можно было заключить по значительному количеству орловъ, парившихъ въ воздухѣ. Два-три раза пробовалъ я, спѣшившись, подкрасться на выстрѣлъ къ сидѣвшимъ на утесахъ орламъ, но безплодно. Я могъ только удостовѣриться въ томъ, что это были экземпляры весьма почтенныхъ размѣровъ. Говорятъ, что водится здѣсь и медвѣдь,—не малорослый тибетскій, а наоборотъ, очень крупный. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ склоны Аралъ Кыра были слишкомъ круты, чтобы по нимъ можно было пробраться верхомъ, я опять спустился, руководимый киргизомъ-проводникомъ, къ Аличуру. Здѣсь оказалось новое расширеніе долины, на которомъ стоялъ маленькій аиль. Затѣмъ я вновь

поднялся на порядочную высоту и слѣдовалъ версты двѣ-три очень характернымъ мѣстомъ: это—тянущееся приблизительно съ востока на западъ длинное плато, шириною въ нѣсколько десятковъ саженъ. На сѣверъ, къ лѣвому берегу Аличура, оно срывается почти отвѣсной стѣной. Съ юга надъ этимъ широкимъ карнизомъ господствуютъ крутые скаты Аралъ Кыра. На этомъ плато я наткнулся на толпу жалкихъ оборванцевъ, тащившихся пѣшкомъ намъ на встрѣчу. Ихъ было 15—20 человѣкъ, въ томъ числѣ двѣ женщины. „Таджики", сказалъ въ поясненіе мнѣ проводникъ-киргизъ. Поровнявшись съ толпой, я остановилъ коня, пораженный ужаснымъ видомъ этихъ несчастныхъ. Остановились и таджики, низко кланяясь. При посредствѣ Куромшина и киргиза, я началъ ихъ разспрашивать. Они объяснялись немного по-киргизски. Истомленные голодовкой, эти люди бѣжали на востокъ, къ киргизамъ, чтобы наняться къ нимъ въ пастухи, ради пропитанія. Они потеряли дѣтей, умершихъ голодной смертью; большая часть потеряла и женъ. Умерли, частью на мѣстѣ, въ Рошанѣ, частью въ пути, также и многіе изъ мужчинъ,—родичей встрѣченныхъ мною бѣглецовъ. Эти выжившіе, вѣроятно, только благодаря особенно крѣпкому организму, люди напоминали своимъ видомъ тѣ извѣстныя картинки въ иллюстраціяхъ, которыя изображаютъ „голодающихъ индусовъ". Худоба ихъ казалась еще болѣе уродливой вслѣдствіе высокаго ихъ роста. Это были какія-то уродливыя привидѣнія.

Зимой 1899—1900 годовъ, которая была здѣсь необычайно морозна и многоснѣжна, весь западный Памиръ, особенно же Рошанъ и Шугнанъ, былъ пораженъ голодовкой. Еще съ осени многіе рошанцы и шугнанцы потеряли весь свой немногочисленный скотъ, который не могъ вырывать себѣ корма изъ-подъ снѣга. Не стало у нихъ молока, которое представляетъ главный пищевой продуктъ этихъ горцевъ. Не стало у нихъ и мяса, если не считать падали. Обычно большимъ подспорьемъ въ продовольственномъ отношеніи служатъ таджикамъ тѣ запасы сушенаго *тута* и сушеныхъ *абрикосовъ*, которые дѣлаютъ они въ теченіе лѣта. Имѣютъ они также миніатюрные посѣвы нѣкоторыхъ злаковъ. Бѣдствіе зимы, о которой идетъ рѣчь, было усилено тѣмъ злополучнымъ совпаденіемъ, что какъ разъ лѣтомъ 1899 г. въ Рошанѣ и Шугнанѣ былъ неурожай злаковъ и плодовъ. Весной 1900 г. бѣдствіе достигло грозныхъ размѣровъ. Много таджиковъ умерло. Много ихъ бѣжало нищенствовать среди памирскихъ и алайскихъ киргизовъ. Многіе эмигрировали въ афганскіе предѣлы.

Памирскій отрядъ оказалъ бѣдствовавшему туземному населенію, какъ таджицкому, такъ и киргизскому, посильную помощь: на постахъ Хорогскомъ, Мургабскомъ и другихъ раздавались въ большомъ количествѣ мука и сухари стекавшимся туда туземцамъ. Но это была—„капля въ морѣ".

Киргизы также потеряли пропасть скота за ту лютую зиму, чуть ли не половину всей наличности. Но стада киргизовъ настолько многочисленны, что до поголовной голодовки дѣло не

дошло. На восточномъ Памирѣ, даже въ необычайно снѣжную зиму 1899 — 1900 годовъ, покровъ снѣга былъ все-таки на столько тонокъ, что сильнѣйшіе представители дикихъ и домашнихъ животныхъ могли кое-какъ перебиваться, выкапывая изъ-подъ снѣга траву. Необычайно сухой и бѣдный осадками климатъ восточнаго Памира, позволяющій держать скотину круглый годъ на подножномъ корму,—вѣроятно, главная причина вѣками возращенной, непреодолимой лѣни каракиргизовъ.

Я велѣлъ Куромшину объяснить встрѣченнымъ мною рошанцамъ, что имъ остается теперь всего какой-нибудь часъ ходьбы до ближайшаго аличурскаго кочевья, гдѣ они будутъ спасены отъ голодной смерти. Давши имъ нѣсколько боурсаковъ,—все, что было въ нашихъ сѣдельныхъ сумкахъ,—и нѣсколько серебряныхъ рублевокъ, я поѣхалъ дальше. Впечатлѣніе отъ перваго моего знакомства съ таджиками получилось тяжелое.

Но вотъ и конецъ длинному уступу Аралъ Кыра. Въ нѣсколькихъ верстахъ впереди открывается передъ нами ближайшая, юго-восточная оконечность Яшиль Куля. Видна только небольшая часть этого изогнутаго продолговатаго озера. Яшиль Куль принадлежитъ къ числу красивѣйшихъ горныхъ озеръ земного шара. Высота его уровня надъ океаномъ безъ малаго 3900 метровъ. Хотя оно только очень немногимъ ниже Кара Куля, но его берега далеко не такъ пустынны, какъ берега послѣдняго. Близъ Яшиль-Куля не только есть трава, но кое-гдѣ попадается даже своеобразный кустарникъ. Отъ того озеро и слыветъ „Зеленымъ"—„Яшиль".

Я спустился къ Аличуру верстахъ въ двухъ отъ его впаденія въ озеро. Какъ разъ въ этомъ мѣстѣ проводникъ указалъ мнѣ могилу афганскихъ кавалеристовъ, павшихъ въ бою съ горстью русскихъ, подъ предводительствомъ Іонова. Событіе это оставило неизгладимое впечатлѣніе въ умахъ киргизовъ и таджиковъ. Мой проводникъ разсказывалъ о немъ съ какимъ-то благоговѣйнымъ восторгомъ. Разумѣется, содержаніе рѣчей киргиза переводилъ мнѣ Куромшинъ. Но и одной мимики, одного волненія, охватывавшаго разсказчика, было достаточно для того, чтобы понять, какъ высоко оцѣниваетъ киргизъ военную силу русскихъ.

Въ какой-нибудь полуверстѣ отъ устья Аличура, проводникъ указалъ бродъ, которымъ мы и переправились на правый берегъ. Бродъ глубокій: наши лошади больше шли на дыбахъ. Но теченіе здѣсь медленное, а потому переправа безопасна.

Почти при самомъ впаденіи Аличура въ Яшиль Куль, на самомъ берегу, находятся какія-то развалины. Говорятъ, что это остатки *китайской* кумирни. Почти тутъ же можно видѣть гумбезъ какого-то знатнаго киргиза, съ характернымъ куполомъ.

Горы обрываются здѣсь въ озеро отвѣсными утесами. Слѣдовать береговой линіей озера не было никакой возможности, и мой проводникъ взялъ вправо, на склоны отроговъ сѣвер-

наго хребта. Мы пробирались на высотѣ 100 — 150 метровъ надъ озеромъ, то и дѣло перелѣзая черезъ побочные скалистые гребни и переѣзжая черезъ овраги съ крутыми боками. Съ высоты открывался, по временамъ, величественный видъ на Яшиль Куль. Хотя „по птичьему полету“ отъ развалинъ китайской кумирни до предназначеннаго нами мѣста ночлега всего какихъ-нибудь верстъ восемь, мы употребили на этотъ кусокъ пути почти три часа времени. Пока мы карабкались надъ Яшиль Кулемъ, погода рѣзко измѣнилась: налетѣлъ сильный вихрь и посыпала крупа. Мѣсто ночлега было назначено, по совѣту аличурскихъ киргизовъ, въ ущельѣ рѣки Большого Марджаная, въ двухъ верстахъ отъ озера. Сюда привелъ меня мой проводникъ. Я завернулся въ бурку и прилегъ на землю, положивъ подъ голову сѣдельную подушку. Крупа перестала сыпать, но вѣтеръ былъ страшно рѣзокъ и порывистъ. Черезъ полчаса подъѣхали и мои товарищи. „Видѣли голодающихъ индусовъ?“—спросилъ меня Аносовъ. Я отвѣчалъ, что собирался задать ему тотъ же самый вопросъ. Почти слѣдомъ за офицерами подошелъ и нашъ вьючный обозъ. Джигитъ Кузы Бай, изъ оренбургскихъ татаръ, принялся на скорую руку жарить катышки баранины,—„шашлыкъ“ — на длинномъ желѣзномъ прутѣ. Къ 11 часамъ вечера были разставлены двѣ юрты, привезенныя на якахъ изъ аличурскаго аиля, и мы заснули богатырскимъ сномъ. Потребность въ отдыхѣ у всѣхъ насъ не могла не быть настоятельной: караванъ прошелъ въ этотъ день 65 верстъ; занимавшіеся по пути охотничьими поисками сдѣлали гораздо больше,—можетъ быть и всѣ 100 верстъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ ДЕВЯНОСТО ТРЕТІЙ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ).

1904.

ОКТЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія В. В. Комарова, Невскій пр., 136.
1904.

ПО ПАМИРУ.

Путевыя записки Б. В. Станкевича.

Глава IV.

Базаръ Дара.

Бассейнъ Аличура—Яшиль Куля отдѣляется отъ расположеннаго сѣвернѣе бассейна Мургаба высокимъ и дикимъ хребтомъ, который называется Базаръ Дара. Хребетъ покрытъ вѣчнымъ снѣгомъ. Высота снѣговой линіи—нижней границы вѣчнаго снѣга — здѣсь очень значительна: она колеблется между 4800 и 4900 метрами. Весьма вѣроятно, что хребетъ имѣетъ отдѣльные пики до 7000 метровъ высотою. Огромная площадь, занятая центральными частями хребта, представляетъ совершенно невѣдомую область, гдѣ никогда не бывала нога даже киргиза. Извѣстны только 3 или 4 трудно проходимыхъ перевала черезъ этотъ хребетъ, которыми можно прокарабкаться изъ долины Мургаба въ долину Аличура—Яшиль Куля. Между ними самый низкій, *Марджанай*, имѣетъ высоту въ 4900 метровъ. Эта *сѣдловина* Базаръ Дары, слѣдовательно, выше Монблана на 90 метровъ!

Перевалъ Марджанай лежитъ почти на самой снѣговой линіи. Въ большинствѣ случаевъ онъ очищается отъ снѣга на короткое время въ іюлѣ мѣсяцѣ. Теперь, послѣ лютой зимы 1899—1900 годовъ, мы застали верхнюю часть Марджаная подъ очень глубокимъ снѣгомъ. Слово „марджанъ“ означаетъ „кораллъ“. Почему этому перевалу черезъ суровую Базаръ Дару присвоенъ такой эпитетъ, мы не могли добиться отъ нашихъ проводниковъ. Съ перевала течетъ рѣка Большой Марджанай, впадающая съ сѣвера въ Яшиль Куль верстахъ въ семи отъ устья Аличура. Въ ущельѣ этой рѣки мы и ночевали подъ 20 іюня. Значительно западнѣе въ Яшиль Куль вливается съ сѣвера же рѣчка Малый Марджанай. Кромѣ Большого Марджаная, вливающагося въ Яшиль Куль, есть еще и *другой* Большой Марджанай, гораздо болѣе значительный по длинѣ

и многоводности, чѣмъ первый. Этотъ *второй* Большой Марджанай беретъ начало верстъ на 15 восточнѣе перваго, съ сѣвернаго склона Базаръ Дары. Онъ течетъ на сѣверо-западъ и впадаетъ въ Мургабъ. Ходятъ слухи про золотыя розсыпи на этомъ могучемъ и бурномъ горномъ потокѣ. Говорятъ, что бухарцы занимались тутъ когда-то промывкой золотоноснаго песка. Но, кажется, добыча золота была слишкомъ ничтожна; съ другой стороны ущелье рѣки очень трудно доступно. Какъ бы то ни было, но промыселъ этотъ заглохъ, и ущелье Большого Марджаная теперь совершенно пустынно.

20 іюня мы снялись съ мѣста ночлега около 10 часовъ утра и потянулись на перевалъ Марджанай. Подъемъ идетъ по ущелью рѣки Марджаная. Подъемъ этотъ, сперва отлогій, становится подъ конецъ очень крутымъ. Наши лошади испытывали жестокіе припадки удушья. Мы спѣшились и вели ихъ въ поводу, часто останавливаясь для отдыховъ. Сѣдловина перевала, болѣе высокая, чѣмъ макушка самого Монблана, была покрыта толстымъ слоемъ рыхлаго снѣга. Лошади проваливались въ немъ по шею. Ихъ пришлось развьючить и переводить черезъ снѣгъ по одиночкѣ, съ всевозможными предосторожностями. Каждую лошадь сопровождалъ весь нашъ контингентъ киргизовъ, отрядныхъ джигитовъ и казаковъ. Люди шли въ нѣсколько рядовъ по бокамъ лошади по протоптаннымъ заранѣе тропинкамъ и поддерживали лошадь арканами, пропущенными подъ брюхо. Первыми были переправлены черезъ снѣгъ, разумѣется, наиболѣе смирныя лошади. Когда всѣ лошади были переведены черезъ снѣгъ, въ немъ образовалась глубокая и широкая тропа достаточно, прочная для того, чтобы по этой тропѣ могли свободно прослѣдовать яки съ навьюченными на нихъ частями двухъ нашихъ юртъ.

Пробившись черезъ залежи снѣга на сѣдловинѣ Марджаная, мы очутились въ очень глубокомъ ущельѣ, по дну котораго мчится бѣшеный потокъ, ввергающійся слѣва въ Большой Марджанай—притокъ Мургаба. Намъ пришлось идти внизъ по этому ущелью длиннымъ и порядочно наклоненнымъ карнизомъ, вьющимся на лѣвобережномъ склонѣ ущелья. Ширина карниза, правда, достаточна для того, чтобы по нему могла пройти лошадь, даже навьюченная. Тѣмъ не менѣе видъ пропасти, разверзавшейся подъ нами справа, былъ очень внушителенъ... Слѣва надъ карнизомъ высится крутой склонъ ущелья, представляющій мѣстами отвѣсныя каменныя стѣны. Казакъ Епанешниковъ доставилъ себѣ развлеченіе проскакать по этому карнизу въ карьеръ, отставши нарочно отъ хвоста каравана саженъ на сотню. За этотъ подвигъ онъ былъ хорошо распеченъ.

Мы спустились наконецъ къ рѣкѣ Большому Марджанаю. Долина рѣки мѣстами расширена, и рѣка течетъ по широкому ложу изъ гальки; мѣстами долина эта обращается въ узкое ущелье. Спускаясь внизъ по теченію Марджаная, мы шли то правымъ, то лѣвымъ берегомъ рѣки. Въ тѣснинахъ пробирались по карнизамъ скалъ, или же по крутымъ и опаснымъ

осыпямъ. Верхнее теченіе рѣки совершенно пустынно: нигдѣ—ни травинки. Мы дошли до перваго небольшаго оазиса, въ которомъ и расположились на ночлегъ. Этотъ лужокъ, покрытый рѣдкой травой, наши проводники называли Уй Сунды. Высота оазиса надъ уровнемъ моря около 4000 метровъ. Здѣсь были разставлены двѣ наши юрты, привезенныя на якахъ съ Аличура. Капитанъ Аносовъ рѣшилъ, въ виду трудностей перехода 20 іюня, сдѣлать здѣсь дневку.

Я использовалъ слѣдующій день 21 іюня для восхожденія на ледникъ, спускающійся съ хребта, лежащаго къ югу отъ мѣста стоянки и представляющаго одинъ изъ отроговъ Базаръ Дары. Я взялъ съ собой въ эту трудную экскурсію Куромшина. Мы пошли налегкѣ, взявши съ собой только веревку, топоръ, термометръ въ футлярѣ и нѣсколько сухарей. Влѣзли на очень крутую осыпь и встрѣтили огромное скопленіе камней на перегибѣ горнаго склона. Это—„конечная морена“ ледника. Извѣстно, что ледъ глетчера медленно ползетъ внизъ по его руслу—въ родѣ того, какъ стала бы двигаться внизъ по наклонному желобу какая-нибудь „полужидкая“ масса, напримѣръ, густая грязь. При этомъ, правда, чрезвычайно медленномъ „теченіи“ своемъ внизъ по руслу глетчера, ледъ, заполняющій русло, увлекаетъ съ собой обломки скалъ и приноситъ ихъ къ оконечности глетчера. Здѣсь скопляются эти продукты разрушенія горныхъ породъ вѣками и тысячелѣтіями, образуя нагроможденіе камней, называемое „конечной мореной“.

Мы перебрались черезъ каменный хаосъ морены и достигли нижней оконечности ледника. Здѣсь пришлось устроить небольшой привалъ и утолить жажду чудной водой потока, вырывающагося изъ подъ льда. Затѣмъ мы полѣзли вверхъ по руслу глетчера. Пробирались гдѣ по карнизамъ и уступамъ утесовъ, между которыми сдавлено русло, а гдѣ и по льду, дѣлая топоромъ зарубки. Мѣстами приходилось перебираться черезъ ледъ съ одного берега на другой. Такіе переходы бывали очень непріятны. Представьте себѣ, что вы находитесь на наклонной ледяной плоскости, образующей съ горизонтомъ уголъ въ 20^0. Представьте себѣ, что подъ вами уже съ версту полотна такой „ледяной горы“, окаймленнаго съ боковъ острыми ребрами утесовъ. Вы держитесь только на зазубринѣ, которую только что вырубили во льду топоромъ. Чтобъ дойти до „берега“, къ которому вы стремитесь, надо надѣлать такихъ зазубринъ на протяженіи еще десятка саженъ. Вы „берете себя въ руки“, принуждаете себя не смотрѣть внизъ по ледяному руслу; стараетесь сосредоточить все вниманіе на топорѣ, которымъ не торопясь, осторожно, вырубаете зазубрины во льду. Тѣмъ не менѣе васъ неотвязчиво преслѣдуетъ мысль: „а что, если я поскользнусь?“ Отъ утомленія и крайняго напряженія нервовъ жестоко пересыхаетъ во рту. Вы подбодряете себя кусочками льда, которые кладете въ ротъ. А мысль о крутой „ледяной горѣ“ съ версту длиною, съ которой вы рискуете скатиться, не даетъ вамъ покоя ни на минуту...

Памирскіе ледники вообще отличаются большой крутизной своихъ руслъ. Вслѣдствіе большой высоты надъ моремъ „снѣговой линіи“ на Памирѣ, здѣшніе глетчеры находятся только на очень высокихъ ярусахъ горъ, на ярусахъ по преимуществу крутыхъ и скалистыхъ.

Итакъ, наше восхожденіе на ледникъ въ окрестностяхъ Уй Сунды было рядомъ „головоломныхъ“ гимнастическихъ упражненій. Не разъ Куромшинъ, ловкій какъ кошка, спасалъ меня отъ неминуемаго крушенія. Впрочемъ бывали случаи, когда и я отплачивалъ ему тѣмъ же.

Около 4 часовъ пополудни мы достигли верхней котловины ледника, наполненной снѣгомъ. Этотъ „фирновый котелъ“ представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ амфитеатра, окруженнаго остроконечными крутыми утесами, подобными зубамъ исполинской челюсти. Утесы настолько круты, что почти совсѣмъ лишены снѣжнаго покрова; снѣгъ не могъ бы на нихъ удержаться. Здѣсь, внутри этого дикаго амфитеатра, нашъ термометръ показалъ 4° *ниже нуля.*

Намъ удалось влѣзть на одинъ изъ зубцовъ амфитеатра, благодаря ряду уступовъ на его бокахъ, уступовъ, которые служили намъ ступенями. Съ зубца открылся величественный видъ на Базаръ Дару съ ея безчисленными снѣжными вершинами. На первомъ планѣ виднѣлся покрытый вѣчнымъ снѣгомъ отрогъ Базаръ Дары, параллельный тому, на гребнѣ котораго мы теперь находились. Казалось, что отъ насъ до этого сосѣдняго гребня не болѣе, какъ $2^1/_2$—3 версты.

Вотъ отъ снѣжнаго покрова этого гребня отдѣляется огромный бѣлый пластъ. Онъ начинаетъ ползти внизъ сперва медленно, а затѣмъ все быстрѣе и быстрѣе. Какія-то черныя точки зашевелились на склонѣ хребта и стали двигаться внизъ. Черезъ нѣсколько секундъ снѣжный пластъ ихъ настигъ и накрылъ. „Кіиковъ задавило!“—восклицаетъ зоркій Куромшинъ. Собраніе черныхъ точекъ было не что иное, какъ стадо дикихъ горныхъ козловъ. Черезъ нѣсколько мгновеній лавина уже лежала на днѣ ущелья, отдѣляющаго сосѣдній хребетъ отъ того, на гребнѣ котораго находился нашъ наблюдательный пунктъ...

Поздно вечеромъ вернулись мы съ Куромшинымъ къ нашимъ юртамъ. Спускъ съ ледника былъ почти столь же труденъ, какъ и подъемъ на него.

22 іюня мы отправили юрты назадъ на Аличуръ, такъ какъ дальше протащить ихъ не было бы никакой возможности. Сами же продолжали путь внизъ по ущелью Большого Марджаная. Дорога представляетъ здѣсь большія трудности при слѣдованіи верхомъ: между Уй Сунды и мѣстомъ впаденія Марджаная въ Мургабъ ущелье, по которому течетъ Марджанай, значительно съуживается; мѣстами рѣка течетъ между высокими отвѣсными стѣнами. Приходится пробираться по карнизамъ скалъ, или по опаснымъ осыпямъ. Русло рѣки на этомъ участкѣ очень круто. Часто встрѣчаются пороги. Нѣсколько разъ на этомъ переходѣ мы были вынуждены, по условіямъ мѣстности, переправляться съ одного берега Мард-

жаная на другой. По причинѣ многоводности рѣки и быстроты теченія на этомъ нижнемъ ея участкѣ, переправы наши не обошлись безъ цѣлаго ряда приключеній...

На нижнемъ теченіи Марджаная мы встрѣтили нѣсколько оазисовъ съ кустарниками и даже деревьями. Это были первыя деревья, которыя я видѣлъ послѣ того, какъ перевалилъ черезъ Талдыкъ. Мы разставались теперь съ восточнымъ Памиромъ и вступали на западный скатъ великаго азіатскаго нагорья, скатъ, переходящій постепенно въ цвѣтущія долины Бухары и Афганистана.

Глава V.

Рошанъ и Шугнанъ.

Дойдя до устья Большого Марджаная, мы повернули внизъ по лѣвому берегу Мургаба, въ который ввергается Марджанай, и который представляетъ изъ себя здѣсь уже могучую рѣку. Противъ устья Марджаная, на правомъ берегу Мургаба, расположенъ *таджицкій* „кишлакъ“ Сарезъ. Отъ Сареза начинается и тянется внизъ по теченію Мургаба-Бартанга область, населенная таджиками. Они же живутъ по Пянджу, Гунту, Шахъ Дарьѣ и другимъ рѣкамъ западнаго Памира. Это симпатичное, но очень бѣдное, арійское племя ведетъ жизнь полуосѣдлую, полукочевую. Холодное время года таджики проводятъ въ „кишлакахъ“.—маленькихъ поселкахъ, состоящихъ изъ жалкихъ глинобитныхъ мазанокъ и расположенныхъ въ небольшихъ и рѣдкихъ оазисахъ, которые встрѣчаются по ущельямъ рѣкъ. Лѣтомъ они бродятъ со своими небольшими стадами по высокимъ горнымъ хребтамъ, обрамляющимъ рѣки. Въ оазисахъ рѣчныхъ ущелій западнаго Памира растутъ тутовыя и абрикосовыя деревья, грецкій орѣхъ, яблоня, березка, тополь, облѣпиха, шиповникъ и арча. Миніатюрные участки земли таджики засѣваютъ пшеницей, ячменемъ и гималайскимъ житомъ.

Языкъ таджиковъ имѣетъ много корней, тождественныхъ съ корнями древнихъ и новыхъ европейскихъ языковъ. Такъ, напримѣръ, на языкѣ памирскихъ таджиковъ „отецъ“ будетъ „патéръ“, „мать“—„мòдеръ“, „работать“—„арбаданъ“. Послѣднее слово очень напоминаетъ нѣмецкое „arbeiten“.

Западный Памиръ, населенный таджиками, раздѣлялся въ прежнія времена на три самостоятельныхъ ханства: Рошанъ, Шугнанъ и Ваханъ. Рошанъ занималъ ущелье Бартанга и ущелья его притоковъ. Шугнанъ былъ расположенъ по бассейнамъ Гунта и Шахъ Дарьи. Ваханъ занималъ долину верхняго Пянджа и ограничивался съ юга Гиндукушемъ, а съ сѣвера двумя могучими горными хребтами, изъ которыхъ во-

сточный получилъ въ недавнее время названіе Хребта Императора Николая II. Рошанъ, или Рушанъ, что значитъ „Свѣтлый“, почти во все время своего самостоятельнаго существованія былъ соединенъ съ Шугнаномъ. Обѣ области дики и малодоступны. Населеніе ихъ очень бѣдно и малочисленно. Ваханъ занимаетъ сравнительно обширную и доступную долину верхняго Пянджа. Населеніе его было всегда значительно гуще и богаче, чѣмъ населеніе Рошана и Шугнана. По преданіямъ таджиковъ, первымъ ханомъ Рошана и Шугнана былъ Даро-и-Румъ, сподвижникъ Искандеръ Хана, т. е. Александра Македонскаго. Я очень бы просилъ гг. филологовъ вникнуть въ вопросъ, нельзя ли поставить вторую половину имени легендарнаго хана, „Румъ“, въ связь съ извѣстнымъ нѣмецкимъ словомъ, означающимъ „славу“. Даро-и-Румъ овладѣлъ также Ваханомъ и Бадакшаномъ—областью, отдѣленной отъ Рошана, Шугнана и западнаго Вахана тѣмъ колѣномъ Пянджа, которое направлено съ юга на сѣверъ. Династія Даро-и-Рума правила Рошаномъ и Шугнаномъ, по преданію, приблизительно до XVIII столѣтія. Ваханъ и Бадакшанъ отдѣлились отъ Рошана и Шугнана еще въ древности. Полчища Тамерлана миновали недоступную горную область западнаго Памира. Но памирскія ханства признали верховную власть великаго завоевателя добровольно.

Въ 1881 году, при ханѣ Юсуфѣ Али, Рошанъ и Шугнанъ были, послѣ упорной и геройской обороны, покорены афганцами. Бадакшанъ и Ваханъ поглощены Афганистаномъ гораздо ранѣе.

Свободолюбивое населеніе Рошана и Шугнана стало подвергаться съ 1881 г. жестокимъ насиліямъ афганскихъ „хакимовъ“. Въ 1887 г. въ Рошанѣ и Шугнанѣ вспыхнуло возстаніе. Но, несмотря на все геройство возставшихъ таджиковъ, несмотря на неприступность ихъ страны, многочисленныя афганскія полчища все же быстро справились съ горстью храбрецовъ, вооруженныхъ однимъ лишь холоднымъ оружіемъ. Повредила при этомъ рошанцамъ и измѣна одного изъ ихъ соотчичей, не стерпѣвшаго пытокъ, которымъ подвергали его афганцы, и указавшаго врагамъ путь черезъ неизвѣстный имъ раньше перевалъ — въ обходъ неприступной позиціи, занятой возстанцами. Репрессаліи афганцевъ были ужасны. Это возстаніе окончательно разорило страну, бывшую и раньше не густо населенной и небогатой.

Въ августѣ 1892 г. именитый рошанецъ по имени Язгулемъ просилъ у полковника Іонова защиты противъ вопіющихъ насилій афганцевъ. Эти послѣдніе, уже испытавшіе близъ Яшиль Куля, что значитъ встрѣча съ Іоновымъ, очистили при приближеніи Іонова весь восточный Рошанъ до самаго кишлака Басита. Эта часть Рошана перешла тогда же, такъ сказать еще неофиціально, безъ санкціи дипломатіи, въ русское подданство. Язгулемъ былъ сдѣланъ первымъ „волостнымъ“ восточнаго Рошана. Въ августѣ 1893 г. въ Рошанъ проникъ со стороны Кара Куля генеральнаго штаба штабсъ-

капитанъ С. П. Ванновскій. Ему было поручено обрекогносцировать, насколько возможно, ущелье Бартанга и найти пути изъ этого ущелья въ Дарвазъ, восточное бекство вассальной намъ Бухары. 30 августа 1893 г. горсть русскихъ, бывшая подъ начальствомъ Ванновскаго и состоявшая изъ 3 офицеровъ, 1 урядника, 2 линейцевъ и 10 казаковъ, подверглась предательскому нападенію цѣлой роты афганцевъ. Цѣлый день длилась перестрѣлка. Горсть русскихъ доблестно поддержала славу нашего оружія въ этотъ день 30 августа 1893 г., день тезоименитства въ Бозѣ почивающаго Императора Александра III. Афганцы отступили съ изрядными потерями. Русскій отрядъ потерь не понесъ. Отступилъ и Ванновскій, которому, ради политическихъ мотивовъ, было запрещено высшимъ начальствомъ вступать въ непріязненныя дѣйствія противъ афганцевъ. Невольное съ его стороны вооруженное столкновеніе съ афганцами имѣло однакоже важныя послѣдствія. Пораженіе, понесенное этими послѣдними, такъ имъ импонировало, что они добровольно очистили Рошанъ. Фактически Рошанъ перешелъ послѣ этого подъ владычество Россіи. Менѣе, чѣмъ черезъ два года послѣ описываемаго событія, дипломатическіе переговоры между Россіей, Англіей и Афганистаномъ увѣнчались соглашеніемъ, извѣстнымъ читателю.

Теперь Рошанъ и Шугнанъ отошли цѣликомъ къ Россіи. Къ намъ же отошла и часть Вахана къ сѣверу отъ Пянджа и къ западу отъ рѣки „Памира“. Южная часть Вахана образовала изъ себя афганскій „буферъ“ между Россіей и Великобританіей. Вся русская часть Вахана, весь Шугнанъ и западная часть Рошана — до Орошора — отданы вассальной намъ Бухарѣ.

По вѣроисповѣданію памирскіе таджики—магометане, принадлежащіе однакоже къ особой сектѣ „алипорузовъ“, т. е. послѣдователей нѣкоего Руза Али, святого человѣка и учителя. И суниты и шіиты относятся къ алипорузамъ одинаково презрительно и враждебно. Религіозный фанатизмъ у памирскихъ таджиковъ совершенно отсутствуетъ. Обрядность упрощена до чрезвычайности. Никакихъ молеленъ у нихъ нѣтъ. Почитаютъ могилы предковъ. Въ Шугнанѣ я засталъ въ 1900 г. одного единственнаго „ишана“, т. е. „святого человѣка“, народнаго учителя. Въ Рошанѣ и Ваханѣ „ишановъ“ въ 1900 г. не было.

Таджики—народъ красивый, рослый, сильный, выносливый и отважный. Благородство ихъ характера достойно удивленія, если прикинуть къ этому понятію европейское мѣрило.

Во время рекогносцировки Рошана Ванновскимъ, въ 1893 г., населеніе этой области состояло, по показаніямъ „аксакаловъ“, т. е. кишлачныхъ старостъ, всего только изъ 1000 человѣкъ взрослыхъ обоего пола и 800 дѣтей. До 1881 г., т. е. до покоренія Рошана афганцами, населеніе, какъ утверждаютъ старики, было *вдвое* больше. Съ 1893 г. по 1899 г. населеніе Рошана нѣсколько увеличилось. Голодовка зимы 1899—1900 гг. привела это населеніе къ численности еще меньшей, чѣмъ

какова она была въ 1893 г. Вообще рошанцы живутъ крайне бѣдно и всегда впроголодь. Шугнанцы въ этомъ отношеніи много счастливѣе. Что же касается до ваханцевъ, то они пользуются, говоря разумѣется только сравнительно, прямо таки благосостояніемъ. Для рошанца хлѣбъ—предметъ роскоши. Онъ питается главнымъ образомъ сушеными ягодами тута и сушеными абрикосами. Нѣкоторымъ подспорьемъ въ отношеніи питанія является для него молоко козы или овцы. Коровъ въ Рошанѣ нѣтъ совсѣмъ. Въ Шугнанѣ еще можно видѣть, хотя все же рѣдко, малорослую, плюгавую коровенку. Баранину рошанецъ ѣстъ лишь въ исключительно торжественныхъ случаяхъ. Между тѣмъ климатъ ущелья Бартанга, при возвышеніи надъ уровнемъ моря въ *двѣ* версты и болѣе, не отличается особенной мягкостью.

Образъ жизни рошанца, какъ уже замѣчено выше, полуосѣдлый, полукочевой.

Кишлаки Рошана расположены въ небольшихъ оазисахъ, встрѣчающихся изрѣдка при впаденіи въ Мургабъ-Бартангъ боковыхъ рѣчекъ. Почти всегда эти оазисы орошены искусственно—арыками и водопроводными желобами. Сакля каждой семьи расположена отдѣльно, среди принадлежащихъ этой семьѣ крошечныхъ посѣвовъ и фруктовыхъ деревьевъ. Сакля представляетъ изъ себя жалкую глинобитную мазанку. Къ ней примыкаютъ миніатюрные амбарчики для храненія зерна и сушеныхъ плодовъ. Такъ какъ каждый квадратный аршинъ земли Бартангскаго оазиса высоко цѣнится, а съ другой стороны лошадей въ Рошанѣ почти нѣтъ, то улицъ въ кишлакахъ не имѣется, а есть только узкія стежки между каменными стѣнками въ какой-нибудь аршинъ высоты, стѣнками, отдѣляющими владѣнія разныхъ семей.

Рошанецъ одѣтъ всегда въ рубище. Это или рубаха, или халатъ изъ шерсти, мѣстнаго производства, и широкіе шаровары, доходящіе только до колѣнъ. Обуви эти дѣти природы почти не знаютъ. Многіе не употребляютъ и шапокъ. Зимой сверхъ рубахи или халата надѣвается какой-нибудь рваный полушубокъ. Рябитишки ходятъ совсѣмъ нагишомъ. Женщины носятъ длинныя рубахи. Головы покрываютъ платками. При мужчинахъ тщательно закрываютъ лица. Рошанки и вообще таджички западнаго Памира отличаются строгой нравственностью. Почти всѣ рошанцы имѣютъ по одной женѣ. Исключенія очень рѣдки.

Дойдя до впаденія Большого Марджаная въ Мургабъ, мы пошли внизъ по Мургабу лѣвымъ его берегомъ и заночевали въ урочищѣ Гоопъ Шабаръ, что значитъ „Хорошій Кормъ“, или „Оазисъ“. Здѣсь мы разочли сопровождавшихъ насъ киргизовъ. Отъ Гоопъ Шабара были наняты на одинъ переходъ лошади таджиковъ—обитателей сравнительно люднаго кишлака Сареза, отстоящаго отъ мѣста нашего ночлега версты на три. Ближайшій переходъ былъ проектированъ, по совѣту таджиковъ, до урочища Шундеруй. Далѣе намъ предстояло идти по ущелью Мургаба-Бартанга пѣшкомъ, за невозможностью про-

вести лошадей по карнизамъ, едва доступнымъ для пѣшеходовъ. Нашъ багажъ должны были нести на этихъ переходахъ сами таджики—сарезскіе, усойскіе и другихъ кишлаковъ, которые попадутся на пути.

Въ Гоопъ Шабарѣ, высота котораго надъ уровнемъ моря около 3100 метровъ, мы ночевали подъ открытымъ небомъ. Здѣсь, какъ и въ Уй Сунды, я произвелъ полный циклъ магнитныхъ наблюденій. Ночь подъ 23 іюня была свѣжая, но до мороза дѣло не доходило.

23 іюня мы выступили изъ Гоопъ Шабара въ 10 часовъ утра, пользуясь лошадьми сарезцевъ. Мои казаки — Воронежевъ и Куромшинъ—ѣхали на собственныхъ лошадяхъ. Вскорѣ мнѣ пришлось сильно раскаиваться въ сдѣланной мною ошибкѣ: мнѣ слѣдовало бы или оставить этихъ двухъ казачьихъ лошадей на посту Памирскомъ, или же по крайней мѣрѣ отослать ихъ туда съ аличурскими киргизами, отпущенными нами назадъ изъ Гоопъ Шабара. Эти лошади причинили намъ въ дальнѣйшемъ много затрудненій и безпокойства.

Мы слѣдовали лѣвымъ берегомъ Мургаба внизъ по теченію. Первыя пять верстъ пройдены легко. На протяженіи слѣдующихъ четырехъ-пяти верстъ Мургабъ сдавленъ тѣсниной, и теченіе его извилисто и быстро. Этотъ кусокъ пути достался намъ очень трудно: пришлось слѣдовать верхомъ и проводить вьючныхъ лошадей по узкимъ и опаснымъ карнизамъ. Противъ этого участка рѣки съ лѣвобережнаго горнаго хребта свѣшивается мощный ледникъ. Здѣсь попалось намъ на берегу Мургаба, среди камней, нѣсколько экземпляровъ дико растущей *дыни*.

На двѣнадцатой верстѣ отъ Гоопъ Шабара въ Мургабъ ввергается слѣва довольно значительная рѣчка. Таджики называли ее Лянгаръ. Они говорили, что по ея ущелью можно достигнуть перевала, ведущаго въ долину рѣки Гунта. Около устья Лянгара намъ пришлось покинуть на время берегъ Мургаба и совершить изрядный обходъ въ формѣ полукруга черезъ высокій перевалъ горнаго хребта, тянущагося вдоль лѣваго берега Лянгара и обрывающагося въ Мургабъ отвѣсными стѣнами. Мы прошли нѣсколько сотъ саженъ вверхъ по рѣчкѣ Лянгару, а затѣмъ покинули ущелье рѣчки и полѣзли на перевалъ. Подъемъ на этотъ перевалъ идетъ громадными уступами: онъ представляетъ рядъ высокихъ кручъ, раздѣленныхъ нѣсколькими плато. Кручи едва доступны для лошадей. При влѣзаніи на эти кручи мы спѣшивались и пускали лошадей впередъ, а сами шли сзади, держась за хвосты. Лошади шли чинно, гуськомъ, по страшно крутой зигзагообразной тропинкѣ, пробитой пастухами—таджиками. Мѣстами тропинка, круто поднимаясь, лѣпилась по карнизу надъ пропастью. Въ такихъ мѣстахъ самыя строгія и капризныя лошади, понимая опасность положенія, ведутъ себя обыкновенно безукоризненно.

Наконецъ, буксируемые нашими конями, мы очутились на самомъ верхнемъ плато, очень обширномъ. Здѣсь, несмотря на

значительную высоту, была кое-какая травка, и паслось небольшое стадо овецъ и козъ, принадлежащихъ жителямъ кишлачка Усоя. Усой расположенъ на Мургабѣ подъ возвышенностью, на которой мы находились. При стадѣ состоялъ пастухъ, жившій съ женой и двумя дѣтьми въ крошечной сакелькѣ, сложенной изъ камней. Это — конурка въ формѣ купола. Площадь основанія—какая-нибудь квадратная сажень, высота не болѣе двухъ аршинъ. Дверью служитъ дыра, въ которую можно проникнуть лишь ползкомъ.

Для сохраненія травы въ оазисахъ ущелій на зиму, таджики обычно заставляютъ свои стада „лѣтовать“ на высотахъ. Видѣнная нами сакелька — типичная „лѣтовка“ пастуха-таджика.

Надъ плато, на которомъ мы нашли „лѣтовку“, возвышается со стороны Мургаба крутой скалистый гребень, черезъ который намъ пришлось перевалить. Въ высшей точкѣ перевала, на гребнѣ, анероидъ показалъ 460 миллиметровъ. Температура была близка къ нулю. Дулъ пронзительный вѣтеръ. Отсюда мы начали спускаться къ Мургабу. Спускъ представляетъ три ската, раздѣленныхъ двумя перегибами профиля. Верхній скатъ—самый высокій и крутой. Спускъ съ лошадьми далеко не безопасенъ.

Спустившись къ Мургабу, мы очутились какъ бы на днѣ глубокаго колодца: небольшая площадка на лѣвомъ берегу Мургаба окружена съ трехъ сторонъ очень высокими, почти отвѣсными, утесами; на противоположномъ берегу высятся также отвѣсные утесы. Это характерное мѣсто, лежащее нѣсколько ниже, по теченію Мургаба, кишлачка Усоя, который мы миновали, совершивъ обходъ черезъ перевалъ, таджики называютъ Шундеруй. Это значитъ: „Здѣсь—камни!“. Въ Шундеруѣ мы сдѣлали дневку. Мои магнитныя наблюденія констатировали въ Шундеруѣ небольшую аномалію въ напряженности земной магнитной силы. Температура воздуха была очень благопріятной для ночлега подъ открытымъ небомъ: она колебалась въ теченіе сутокъ между 10° и 27° Цельзія.

Отъ Шундеруя началось наше путешествіе пѣшкомъ. Мы прошли пѣшкомъ остававшійся намъ отрѣзокъ Мургаба, а равно и все теченіе Бартанга, до сліянія его съ Пянджемъ. Багажъ, раздѣленный на минимальныя ноши, несли нанятые нами таджики. Единственной сравнительно тяжелой ношей былъ ягтанъ съ частями моего магнитнаго теодолита. Его несли поочередно, часто смѣняясь, самые сильные изъ горцевъ. Воспользоваться наемными таджицкими конями намъ удалось еще только на одномъ переходѣ—отъ кишлака Баргидима до кишлака Орошора.

Проѣхать вдоль Бартанга верхомъ возможно лишь зимою, когда таяніе снѣга на горахъ прекращается, рѣка обмелѣваетъ, и между водой и прибрежными утесами остается болѣе или менѣе значительный промежутокъ. Лѣтомъ же Бартангъ вздувается и заполняетъ ущелье. Зимняя дорога теперь затоплена. Въ тѣснинахъ уровень воды поднимается на пять — на шесть

аршинъ надъ зимней дорогой. Путешественнику, вынужденному идти вдоль Бартанга лѣтомъ, остается или дѣлать огромные обходы по высокимъ, едва доступнымъ, горнымъ хребтамъ, упирающимся въ рѣку, или же карабкаться по узкимъ карнизамъ утесовъ, надъ бѣшеной рѣкой, катящей обломки скалъ. Въ томъ и другомъ случаѣ лошади непримѣнимы. Есть и еще способъ передвиженія по Бартангу. Но онъ примѣнимъ лишь на очень немногихъ и короткихъ участкахъ этой рѣки, да и то только подъ условіемъ движенія *внизъ* по теченію. На большей части своего протяженія Бартангъ течетъ по крутому руслу съ бѣшеной скоростью и сплошными водоворотами. Мѣстами онъ перегороженъ порогами. Но изрѣдка попадаются на немъ и сравнительно спокойныя плеса, длиною въ три—четыре версты. По такимъ плесамъ рошанцы отваживаются плавать на „саначахъ“. Саначъ, называемый киргизами „турсукомъ“,—не что иное, какъ надутая воздухомъ козлиная шкура. Скорость теченія Бартанга даже на спокойныхъ плесахъ достигаетъ *восьми* верстъ въ часъ. Понятно, что, при такой скорости теченія, человѣкъ, опирающійся на „саначъ“, можетъ плыть только внизъ по теченію. При переправахъ черезъ Бартангъ, пловца на саначѣ, гребущаго изо всѣхъ силъ, нерѣдко относитъ внизъ на двѣ, а то и на три, версты. Водовороты встрѣчаются и на тѣхъ сравнительно спокойныхъ плесахъ, по которымъ возможно плаваніе на саначахъ. Намъ пришлось нѣсколько разъ прибѣгать къ этому способу передвиженія внизъ по Бартангу. Въ общей сложности, въ шесть или семь отдѣльныхъ пріемовъ, мы проплыли на саначахъ около 25 верстъ внизъ по сердитой рошанской рѣкѣ. Мы связывали вмѣстѣ по 10—12 саначей. Сверху къ нимъ привязывалась рѣшетка изъ ивовыхъ палокъ. Такимъ образомъ получался небольшой плотъ. Такихъ плотовъ мы устраивали для нашего каравана 5—6. На каждый плотъ ложилось по три человѣка, или же къ рѣшеткѣ его привязывался арканами соотвѣтственный грузъ багажа. Каждый плотъ управлялся тремя—четырьмя таджиками. Эти послѣдніе, погружаясь въ воду по шею и держась руками за рѣшетку плота, гребли изо всѣхъ силъ ногами и всѣмъ корпусомъ, стараясь предотвратить удары плота о прибрежные утесы или о торчащія изъ воды по серединѣ русла скалы. Они же причаливали плотъ къ берегу, когда кончалось сравнительно спокойное и безопасное плесо, и предстояло высаживаться для продолженія пути пѣшкомъ. Своимъ вѣсомъ они придавали плоту устойчивость — предохраняли его отъ кувырканія подъ дѣйствіемъ водоворотовъ. При всемъ томъ плоты наши, бывало, нерѣдко накренялись до угла въ 45^0 съ горизонтомъ и быстро вращались подъ вліяніемъ „вихревыхъ воронокъ“—водоворотовъ съ вертикальными осями. У непривычнаго человѣка можетъ легко появиться при этомъ головокруженіе и дурнота. Таджики просили насъ, когда мы ложились на плоты изъ саначей въ первый разъ, чтобы мы позволили привязать себя къ рѣшеткамъ арканами. Но мы на это не рѣшились. Тѣмъ не

менѣе все обошлось благополучно, какъ въ первый, такъ и въ послѣдующіе разы. Врядъ ли однако надо прибавлять, что „сухими выходить“ изъ подобныхъ передѣлокъ намъ не удавалось. Безпрывное окатываніе лежащихъ на плоту и уцѣпившихся за рѣшетку пассажировъ волною — сравнительно пустяки. Гораздо непріятнѣе ощущеніе постепеннаго погруженія въ воду вслѣдствіе утечки воздуха изъ саначей...

„Саначъ“, какъ называютъ этотъ приборъ таджики, или „турсукъ“, какъ называютъ его киргизы, — цѣльная козлиная шкура. Ротъ и три лапки тщательно зашиты. Въ четвертую лапку вставляется деревянный втулокъ. Снаружи, по кожѣ, онъ крѣпко обматывается нитками. Во втулокъ вставляется аккуратно пригнанная деревянная затычка. Вынувъ послѣднюю, таджикъ дуетъ во втулокъ ртомъ и надуваетъ мѣхъ силою своихъ богатырскихъ легкихъ. Затѣмъ онъ перехватываетъ пальцами лапку выше втулка и затыкаетъ его затычкой. Большой, хорошо надутый, саначъ напоминаетъ своимъ видомъ солидную свиную тушу. Онъ обладаетъ значительнымъ водоизмѣщеніемъ и подъемной силой.

Таджикъ, плывущій на саначѣ, обхватываетъ его ногами около одного конца, ложится на него грудью и гребетъ руками. Этотъ способъ плаванія очень труденъ и требуетъ большого навыка. Непривычнаго человѣка, сѣвшаго верхомъ на турсукъ и ринувшагося въ струи Бартанга, обыкновенно перекувыркиваетъ „съ мѣста“. Кожа санача удивительно эластична и прочна. Турсуки, составлявшіе наши плоты, нерѣдко напарывались со всего маху на острые мысы и ребра подводныхъ и береговыхъ утесовъ. При причаливаніи къ мелкимъ мѣстамъ нерѣдко случалось, что саначи долго скреблись своими нижними поверхностями о сплошную гальку, которой устлано дно Бартанга. Саначи издавали при этомъ характерный скрипъ, но никогда не прорывались.

Когда изъ санача выпущенъ воздухъ, онъ складывается въ очень портативную лепешку. Саначъ — необходимая принадлежность таджика, пускающагося въ болѣе или менѣе далекій путь.

Цѣльный плотъ изъ 10—12 надутыхъ турсуковъ, вмѣстѣ съ палочной рѣшеткой, очень легокъ: обыкновенно такой плотъ легко могутъ нести, подпирая его головами, двое таджиковъ.

Плоты изъ саначей были для насъ очень полезны на тѣхъ участкахъ Бартанга, гдѣ онъ течетъ между отвѣсными утесами, но течетъ сравнительно спокойно.

Но, хотя плаваніе на саначахъ и доставляетъ „сильныя ощущенія“, все же эти ощущенія, по крайней мѣрѣ на мой личный вкусъ, ничто въ сравненіи съ тѣми, которыя испытываются при слѣдованіи надъ пропастями по узкимъ карнизамъ. Такія мѣста, какъ тѣснина Торъ Паринъ, или Хормогезъ, — обѣ эти тѣснины между Шундеруемъ и Баргидимомъ, — надолго останутся въ памяти путешественника, который прокарабкается по здѣшнимъ карнизамъ... Подобныя мѣста попадались намъ почти на каждомъ переходѣ. Почти всѣ эти мѣста

ознаменованы, по разсказамъ сопровождавшихъ насъ рошанцевъ, катастрофами съ ихъ собратьями, которые отваживались пускаться по карнизамъ въ одиночку, или которыхъ застигалъ здѣсь сильный вѣтеръ. Вѣтеръ, какъ выражаются рошанцы, „сдуваетъ“ человѣка съ карниза. Кромѣ того вѣтеръ заставляетъ катиться внизъ съ крутыхъ склоновъ камни. Паденіе съ кручъ камней особенно грозно для путешественника въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ пробирается по карнизу надъ пропастью. Мы испытали разъ такой „каменный градъ“. Это было 27 іюня, на переходѣ отъ кишлака Орошора къ урочищу Нишузу, когда мы спускались по зигзагообразному карнизу къ рѣчкѣ Рохатцъ. При этомъ былъ раненъ одинъ изъ сопровождавшихъ насъ отрядныхъ джигитовъ.

При слѣдованіи по опаснымъ мѣстамъ таджики оказывали намъ неоцѣнимыя услуги. Смѣлость и ловкость ихъ заслуживаютъ удивленія.

Большимъ осложненіемъ было для нихъ то, что я взялъ съ собою двѣ казачьи лошади. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы карабкались по карнизамъ, таджики или сплавляли этихъ лошадей по Бартангу, или дѣлали съ ними огромные обходы черезъ перевалы обрывающихся надъ рѣкой горныхъ хребтовъ.

Сплавляли лошадей по рѣкѣ такъ. Таджикъ, обыкновенно выдающійся лихачъ, садился на неосѣдланную лошадь, сжимая лѣвой рукой одну изъ лапокъ санача, привязаннаго, для большей надежности, къ кисти. Правой рукой онъ придерживалъ поводья и вмѣстѣ съ тѣмъ держался за гриву. Остальные таджики толпой напирали на лошадь и либо загоняли ее въ рѣку, либо сталкивали ее туда съ невысокаго обрывчика силой. Когда лошадь попадала въ воду, наѣздникъ соскальзывалъ съ ея спины и, держась правой рукой за гриву, а лѣвой опираясь на турсукъ, плылъ около лошади. Въ случаѣ надобности онъ подсовывалъ турсукъ подъ голову коня. Теченіе быстро влекло внизъ и лошадь, и человѣка. Когда надлежало пристать къ берегу, таджикъ направлялъ лошадь при помощи поводьевъ. Лошадь гребла ногами въ требуемомъ направленіи и вылѣзала на берегъ. Обѣ казачьи лошади были, вслѣдствіе такихъ маневровъ, жестоко поцарапаны камнями. Къ счастью, однако же, серьезныхъ пораненій съ ними не приключилось.

Еще большихъ, пожалуй, трудовъ стоило *перетаскиваніе* моихъ лошадей черезъ высокіе перевалы при кружныхъ обходахъ по горнымъ хребтамъ. Выраженіе *перетаскиваніе* слѣдуетъ понимать въ буквальномъ смыслѣ: при помянутыхъ обходахъ нерѣдко приходилось поднимать лошадей на отвѣсные уступы скалъ при помощи аркановъ и переправлять ихъ черезъ рыхлый снѣгъ переваловъ, въ которомъ, безъ помощи людей, они неминуемо должны были бы потонуть.

Въ концѣ концовъ партія таджиковъ, ведшая моихъ лошадей, значительно отстала отъ насъ. Лошади были приведены въ Хорогъ только черезъ 6 сутокъ послѣ того, какъ туда прибыли мы.

Переходы, которые мы дѣлали при слѣдованіи по Бартангу,

были малые: отъ 16 до 22 верстъ. По большей части мы выступали въ путь около 10 часовъ утра и шли, или, лучше сказать, карабкались до 5—6 часовъ вечера, когда останавливались для ночлега.

Тотчасъ по прибытіи на мѣсто ночлега я разставлялъ теодолитъ и производилъ наблюденія: засвѣтло—магнитныя, а когда темнѣло—астрономическія. Вставалъ я обыкновенно съ восходомъ солнца и тотчасъ принимался за работу, каковую продолжалъ часовъ до 9 утра. Затѣмъ теодолитъ укладывался, и мы отправлялись дальше. Мое рвеніе въ отношеніи работы теодолитомъ, заставлявшее меня забывать объ усталости послѣ труднаго перехода, было предметомъ съ одной стороны удивленія, а съ другой стороны—добродушнаго подтруниванія моихъ дорогихъ товарищей по путешествію, съ которыми я быстро сошелся на самую дружескую ногу. Такъ какъ однимъ изъ больныхъ мѣстъ культурнаго человѣка, путешествующаго по пустынямъ Памира, является тоска по прекрасному полу, то одинъ изъ стимуловъ моей работы—отъискиваніе магнитныхъ *аномалій*—мои товарищи-офицеры перевернули на такой игривый ладъ: они трунили, что я отыскиваю на Памирѣ *Амалію*. Сколько смѣха было съ этой *Амаліей* во время нашихъ вечернихъ чаепитій, послѣ трудныхъ переходовъ, послѣ благополучнаго миновапія головокружительныхъ карнизовъ! Сознаніе только что преодолѣнной опасности даетъ ни съ чѣмъ не сравнимую жизнерадостность. Прибавьте еще къ этому вліяніе бодрящаго живительнаго горнаго воздуха. Въ концѣ концовъ мои милѣйшіе спутники стали называть *Амаліей* самый магнитный теодолитъ. Бывало, мы придемъ на ночлегъ и растянемся на землѣ. Постепенно подтягиваются таджики со всякимъ багажемъ, а ягтана съ частями теодолита все нѣтъ и нѣтъ..... Кто-нибудь изъ офицеровъ подмигиваетъ на меня: „смотрите, господа, онъ самъ не свой: боится за свою *Амалію*!“ „Къ чорту Амалію!“,—буркнетъ другой,—„эка бѣда, если слетитъ въ Бартангъ: составимъ актъ, что Амалія утонула на глазахъ благородныхъ свидѣтелей, и больше никакихъ!“ Но вотъ появляется изъ-за поворота ущелья согнувшійся таджикъ съ завѣтнымъ чемоданомъ на спинѣ. Сзади ковыляетъ Воронежевъ. „Ура! Амалія идетъ!“ вскрикиваетъ въ одинъ голосъ вся компанія. Само собой понятно, что на карнизахъ таджика, несшаго теодолитъ, поддерживали арканами его товарищи, шедшіе спереди и сзади. Подъ конецъ и мои казаки стали называть теодолитъ Амаліей. „Ваше в-іе“.—спроситъ иной разъ Воронежевъ, лукаво улыбаясь, „будемъ мы нынче Амалію разставлять?“

25 іюня мы выступили изъ Шундеруя около 10 часовъ утра. Весь день шли лѣвымъ берегомъ Мургаба. Это—тотъ самый Мургабъ, который протекаетъ подъ парапетами Поста Памирскаго и который выше этого поста называется Акъ Су, т. е. „Бѣлая Вода“. Но здѣсь Мургабъ несравненно многоводнѣе, чѣмъ въ верхнемъ своемъ теченіи, и несравненно быстрѣе. Онъ называется Мургабомъ лишь до впаденія въ него Таны-

маса. Ниже эта могучая и бѣшеная рѣка носитъ названіе Бартанга.

Мы шли пѣшкомъ, мѣстами по карнизамъ. Моихъ двухъ казачьихъ лошадей сплавляли, въ нѣсколько пріемовъ, внизъ по рѣкѣ при помощи саначей. Невдалекѣ отъ Шундеруя Мургабъ сдавленъ вертикальными каменными стѣнами. Эта тѣснина прозывается среди таджиковъ Торъ Паринъ, что значитъ „Узкое Мѣсто“. Здѣсь мы впервые познакомились съ отчаяннымъ Рошанскимъ карнизомъ. Для перваго раза каждаго изъ насъ, непривычныхъ людей, поддерживали на карнизѣ двое таджиковъ: одинъ, лѣпившійся у стѣны впереди, другой—сзади. Съ такой предосторожностью были проведены по Торъ Паринскому карнизу офицеры, казаки и отрядные джигиты. Само собой понятно, что поддерживаніе насъ таджиками на такомъ мѣстѣ, гдѣ каждому трудно держаться самому, имѣло значеніе болѣе психическаго воздѣйствія, значеніе *внушенія*. Намъ невольно передавалось самообладаніе нашихъ проводниковъ. Съ теченіемъ времени мы попривыкли къ карнизамъ. Во второй половинѣ путешествія по Бартангу пробирались мы по такимъ мѣстамъ уже безъ всякаго поддерживанія.

На ряду однакоже со *внушеніями* положительнаго свойства, внушеніями, которыя получаются отъ одного вида смѣло идущихъ передъ вами по карнизу таджиковъ, приходилось намъ иной разъ подпадать и подъ внушенія противоположныя. Таковыми являлись простодушныя замѣчанія рошанцевъ, что вотъ здѣсь свалился съ карниза тогда-то такой-то, а тамъ, дальше—такой-то..... Подъ вліяніемъ такихъ разсказовъ не могла иногда не разыграться мнительность, не смотря на то дивное дѣйствіе, которое оказываетъ на нервы горный воздухъ. Помню, какъ однажды—это было уже подъ конецъ нашего путешествія по Бартангу—царапались мы по карнизу. Я шелъ сзади Аносова, который подвигался на самомъ опасномъ мѣстѣ увѣренно и бодро. Но вотъ карнизъ расширяется, расширяется значительно: ширина его становится чуть ли не въ цѣлый аршинъ. Опасность миновала.... Я вижу, что Н. С., сдѣлавъ по широкому карнизу нѣсколько шаговъ, останавливается, прижимается спиной къ утесу и начинаетъ блѣднѣть. Идя за нимъ, что называется, по пятамъ, я моментально становлюсь между нимъ и пропастью и упираюсь изо всѣхъ силъ ногами въ карнизъ, а головою и руками въ грудь Н. С. Сзади подходитъ Куромшинъ и беретъ Аносова за руку. За другую руку беретъ его шедшій впереди Саркіоръ, котораго мы окликнули, и который проворно вернулся назадъ. Аносовъ медленно опускается на корточки. Черезъ нѣсколько секундъ дурнота проходитъ, и мы весело продолжаемъ путь.

На переходѣ 25 іюня, пробираясь по высокой и крутой осыпи лѣвобережныхъ горъ, мы видѣли на правомъ берегу грандіозный водопадъ съ высотою паденія по крайней мѣрѣ въ полверсты. Наверху видна могучая струя воды, падающей внизъ. Ниже, надъ Мургабомъ, вмѣсто водяного столба видите вы только облако изъ водяныхъ капелекъ. Этотъ вели-

чественный водопадъ, передъ которымъ всѣ извѣстные туристамъ въ области швейцарскихъ Альповъ Staubbach'и—жалкая мелюзга, рошанцы называютъ Рау.

Только подъ вечеръ пришли мы къ мѣсту ночлега, пройдя за весь день 25 іюня всего лишь 17 верстъ. Мѣстомъ ночлега былъ кишлачекъ Баргидимъ, по другому произношенію Барчедивъ, который расположенъ на лѣвомъ берегу Мургаба, и къ которому мы спустились съ очень высокой и крутой осыпи. Кишлакъ лѣтомъ совершенно необитаемъ. Онъ расположенъ на довольно обширномъ плато, которое представляетъ изъ себя здѣсь берегъ Мургаба. Черезъ него протекаетъ многоводная и быстрая рѣчка, которая мчится съ лѣвобережныхъ снѣговыхъ громадъ въ Мургабъ. Множество арычковъ, отведенныхъ отъ этой рѣчки, орошаютъ кишлакъ. Благодаря арыкамъ, каменистое плато, занятое поселкомъ, представляетъ плодородный оазисъ: между отдѣльными, довольно разбросанными, саклями находятся небольшіе участочки, засѣянные пшеницей и ячменемъ. Тамъ и сямъ торчатъ абрикосовыя деревья. Высота Баргидима—2750 метровъ.

Одна изъ „лѣтовокъ", принадлежащихъ къ этому кишлаку, оказалась не очень далеко. Наши посланные купили тамъ двухъ барановъ для продовольствія нашего отряда.

26 іюня сдѣлали 22 версты. Въ этотъ день переходъ былъ безъ карнизовъ, и мы воспользовались нѣсколькими лошадьми, взятыми на одинъ переходъ изъ Баргидимскихъ лѣтовокъ. Пригодились, понятно, и двѣ казачьи лошади, не мало натерпѣвшіяся наканунѣ, когда ихъ „сплавляли" по Мургабу съ саначами. Ѣхать, за недостаткомъ коней, приходилось поочередно. Выступивъ утромъ 26 іюня изъ Баргидима, мы удалились нѣсколько отъ Мургаба и поднялись на перевалъ Нау по сравнительно удобной для слѣдованія верхомъ дорогѣ. Противъ перевала находится лука Мургаба, обращенная выпуклостію на сѣверо-западъ. Нашъ путь черезъ Нау пролегалъ по „хордѣ" этой луки. Почти противъ самаго перевала, въ Мургабъ впадаетъ справа большая рѣка, называемая Танымасомъ. Отъ ея устья Мургабъ становится замѣтно многоводнѣе и получаетъ названіе Бартанга. Немного ниже устья Танымаса на правомъ берегу Бартанга расположенъ большой таджицкій кишлакъ Ташъ Курганъ. Къ этому кишлаку имѣется сравнительно легкій доступъ съ сѣверо-востока. А именно къ нему можно проникнуть отъ Кара Куля, идя по рѣкѣ Кокуй Бель, притоку Танымаса. Этимъ путемъ проникъ на Бартангъ въ 1893 году штабсъ капитанъ С. П. Ванновскій, выдержавшій на нижнемъ Бартангѣ трудное столкновеніе съ вдесятеро численнѣйшимъ отрядомъ афганцевъ. Ванновскій былъ первымъ изслѣдователемъ Бартангскаго ущелья. Сопровождавшій его поручикъ Бржезицкій снялъ, работая глазомѣрно, замѣчательно аккуратную карту Бартанга.

Саркіоръ разсказалъ намъ, что на Танымасѣ имѣется очень странная мѣстность, извѣстная тѣмъ, что тамъ происходитъ будто бы постоянное, никогда не прекращающееся, скатываніе

камней съ горныхъ склоновъ, притомъ въ большомъ количествѣ. Какъ ни заинтересовалъ насъ разсказъ Саркіора, а намъ пришлось, къ сожалѣнію, отказать себѣ въ удовольствіи посѣтить загадочную мѣстность: заходъ туда потребовалъ бы лишнихъ 2—3 дня, а Аносову грозило и безъ того порядочное опозданіе въ Хорогъ — на засѣданія русско-бухарской комиссіи.

Съ перевала Нау мы спустились къ кишлачку Нусуру, лежащему на лѣвомъ берегу Бартанга, верстъ на семь ниже Ташъ Кургана, который такимъ образомъ мы миновали. Здѣсь намъ предстояло переправиться на правый берегъ Бартанга. Ширина рѣки противъ Нусура очень значительна. На глазъ ее можно оцѣнить въ 60 или 70 саженъ. Берега въ этомъ мѣстѣ большею частью не высоки и не круты. Впрочемъ, правый берегъ представляетъ мѣстами порядочные обрывы. Бартангъ течетъ тутъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ горъ, подовольно обширному плато. Глубина рѣки довольно значительна. Теченіе стремительно, но пороговъ нѣтъ.

Запасъ турсуковъ былъ съ нами въ данный моментъ небольшой. Можно было составить изъ нихъ лишь одинъ хорошій плотъ. Переправляться приходилось поочереди, по трое, и переправа заняла немало времени. Затѣмъ, въ кишлакѣ Орошорѣ, мы сдѣлали настолько значительный запасъ саначей, что въ теченіе всего послѣдующаго путешествія въ нашемъ распоряженіи была цѣлая флотилія турсучьихъ плотовъ, достаточная для сплавленія по Бартангу всего нашего общества и багажа.

Пока таджики составляли плотъ, мы сдѣлали привалъ. Занялись чаепитіемъ. Джигитъ Кузы Бай наскоро изжарилъ шашлычекъ. Тутъ произошелъ очень характерный инцидентъ. Аносовъ вздумалъ проявить фотографическіе снимки, сдѣланные по пути. Для этого были очень пригодны темныя глинобитныя сакли кишлака Нусура, въ которомъ мы остановились. Кишлакъ мы застали необитаемымъ: все его населеніе находилось на горахъ, въ „лѣтовкахъ“. Характерно, что всѣ сакли были настежъ открыты. Рошанцы — народъ безукоризненно честный. Къ тому же и взять у рошанца нечего, особенно было это такъ послѣ голодной зимы 1899—1900 г.г. Аносовъ могъ выполнить извѣстныя всѣмъ любителямъ фотографамъ манипуляціи въ любой саклѣ. Заморивъ голодъ небольшимъ катышкомъ шашлыка, Аносовъ собралъ свои фотографическія принадлежности и направился къ ближайшей саклѣ. За нимъ, по его приказанію, слѣдовали отрядной джигитъ, служившій намъ переводчикомъ, и одинъ изъ сопровождавшихъ насъ рошанцевъ. Аносовъ взялъ ихъ, какъ помощниковъ при той вознѣ, съ которой сопряжено проявленіе снимковъ. Джигитъ несъ „кунганъ“ съ холодной ключевой водой. Рошанецъ, молодой парень, стоявшій во время нашего завтрака ближе другихъ къ намъ и получившій отъ Аносова катышекъ шашлыка, шелъ за Аносовымъ и джигитомъ, какъ къ смерти приговоренный. Но вотъ Аносовъ нагибается всѣмъ корпусомъ и скрывается за крошечной дверью сакли. Молодой рошанецъ вскри-

киваетъ не своимъ голосомъ: „ай тюра!“ — „тюра“ значитъ „господинъ“—и пускается бѣжать къ ближнему ущелью, да какъ бѣжать: ему позавидовалъ бы любой заяцъ. Джигитъ роняетъ кунганъ, кричитъ по-таджицки: „держите его!“ и бросается за бѣглецомъ. Нѣсколько таджиковъ устремляются въ погоню за юношей, но его и слѣдъ простылъ. Такъ и не нашли его: онъ дезертировалъ. Изумленный Аносовъ вернулся къ намъ. Мы разразились хохотомъ и подѣлились съ нимъ нашей догадкой относительно загадочной выходки молодого рошанца. Посмѣявшись вволю, Аносовъ подозвалъ Саркіора и велѣлъ ему объяснить нашей таджицкой свитѣ, для какой цѣли собирался онъ уединиться съ двумя прислужниками въ саклѣ. Для проявленія Аносовъ взялъ теперь самого Саркіора. Когда, по окончаніи работы, Саркіоръ вернулся изъ сакли и поговорилъ еще съ таджиками, они совершенно успокоились.

Тѣмъ временемъ плотъ былъ готовъ. Рошанцы заносятъ его на версту выше Нусура, къ удобной для отплытія, сравнительно тихой, бухтѣ, далеко врѣзавшейся въ берегъ. Аносовъ, Трубчениновъ и одинъ изъ джигитовъ ложатся животами на плотъ и вцѣпляются руками въ рѣшетку. Шестеро голыхъ таджиковъ окружаютъ плотъ, берутся за рѣшетку и выводятъ плотъ въ русло. Бѣшеное теченіе подхватываетъ плотъ. Крутясь, какъ волчокъ, отъ дѣйствія большихъ вертикальныхъ водоворотовъ, онъ мчится внизъ по рѣкѣ. Таджики, погружаясь въ воду до самыхъ подбородковъ, работаютъ изо всѣхъ силъ ногами и корпусомъ; они стараются сообщить плоту движеніе поперекъ стремени. Минутъ 12—13 продолжается отчаянная борьба этихъ шести молодцовъ съ свирѣпымъ потокомъ. Наконецъ, плотъ пристаетъ къ противоположному берегу, снесенный внизъ почти на 2 версты. Пассажиры высаживаются. Рошанцы заносятъ вверхъ по правому берегу плотъ, переправляются съ нимъ обратно и снова заносятъ его въ бухту, у которой мы ждемъ своей очереди. Теперь ложится на саначи Наслѣдовъ, я и джигитъ Ахматъ—изъ кавказскихъ горцевъ. Насъ тащатъ другіе шесть таджиковъ. Первые должны отдохнуть. Нашъ рейсъ оказывается не столь счастливымъ, какъ первый: вѣроятно пловцы — управители плотомъ—попались намъ похуже. Насъ проноситъ ниже удобнаго для причала мѣста праваго берега, гдѣ высадился начальникъ отряда. Мы мчимся, крутясь, подъ скалистымъ, обрывистымъ участкомъ праваго берега. Ахматъ, лежа около меня, читаетъ по-чеченски нѣчто въ родѣ молитвы... „Алла, Алла“, въ перемежку съ какимъ-то непонятнымъ бормотаніемъ, раздается у меня въ ушахъ. Таджики ругаются промежъ себя и удвояютъ усилія. Но вотъ и конецъ каменной грядѣ. Мы причаливаемъ къ отмели, сдѣлавъ три версты по теченію вмѣсто двухъ. Между рошанцами начинается потасовка. Окрикъ Наслѣдова возвращаетъ ихъ однакоже къ порядку. Два лихихъ рошанца переплываютъ Бартангъ съ моими казачьими маштаками, подсовывая имъ подъ головы турсуки. Вотъ, думалось мнѣ, глядя на нихъ,—способъ, которымъ форсировали азіатскія рѣки полчища Тамерлана.

Долго тянулась переправа нашего персонала и багажа. Еще задолго до начала переправы, какъ только мы спустились къ Нусуру, расторопный рошанецъ переплылъ на турсукѣ Бартангъ и бросился бѣгомъ къ кишлаку Орошору. Этотъ гонецъ привелъ къ мѣсту переправы нѣсколькихъ лошадей изъ Орошора. Дорога здѣсь удобна для слѣдованія верхомъ: между Ташъ Курганомъ и Орошоромъ Бартангъ течетъ, какъ уже замѣчено выше, по широкому плато, напоминающему восточно-памирскія плоскогорьица. Баргидимскихъ коней, доставившихъ насъ до Нусура, мы отпустили обратно. Другой гонецъ былъ отправленъ, также заблаговременно, въ Ташъ Курганъ. Онъ долженъ былъ вызвать къ мѣсту переправы свидѣтелей по дѣламъ объ обвиненіяхъ, возводившихся на Саркіора.

Не успѣла переправа нашего каравана окончиться, какъ Аносовъ, Трубчениновъ, Наслѣдовъ и я засѣдали на войлокѣ, окруженные толпою ташъ-курганцевъ и орошорцевъ. Тутъ были столѣтніе старики и старухи и малые ребята. Мы изображали изъ себя своего рода патріархальный трибуналъ. Посредникомъ между нами, судьями, съ одной стороны, и тяжущимися, а равно и свидѣтелями, съ другой стороны, служилъ нашъ джигитъ-переводчикъ, шугнанецъ родомъ, родной братъ Мансура, который томился въ описываемое время въ афганскомъ плѣну.

Обвиненіе Саркіора его тестемъ въ томъ, что Саркіоръ не уплатилъ ему, тестю, всего условленнаго выкупа за жену, было опровергнуто свидѣтельскими показаніями. Свидѣтельскія же показанія опровергли и притязанія одного орошорскаго старика на какой то квадратный аршинъ земли, будто бы отнятый у него волостнымъ. Другой подобный же жалобщикъ самъ, безъ всякой видимой причины, сознался въ томъ, что жаловался онъ зря, подученный другими. „Интриги противъ Саркіора“, замѣтилъ Аносовъ, „какого нибудь честолюбца, захотѣвшаго перебить у Саркіора должность волостного“. И все это было въ томъ же родѣ. Въ концѣ концовъ какая-то ветхая старуха принесла жалобу, что Саркіоръ занялъ у нея коровьяго масла и не возвратилъ. „А сколько масла онъ у тебя занялъ?“ спросилъ старуху черезъ переводчика начальникъ отряда. Старуха сложила правую ладонь пригоршней и указала на нее лѣвой рукой. Саркіоръ не отрицалъ факта. „Я возвращу ей это масло“, сказалъ онъ.

Въ концѣ концовъ толпа разошлась, низко кланяясь. Мы одарили бывшихъ тутъ ребятишекъ боурсаками.

Впечатлѣніе, произведенное на меня этимъ патріархальнымъ судьбищемъ, было самое пріятное. Рошанцы представились мнѣ наивными, простодушными, но честными людьми. Несомнѣнно, что ссоры между ними происходятъ больше отъ вспыльчивости и горячности ихъ темперамента, чѣмъ вслѣдствіе какихъ-либо неблаговидныхъ причинъ.

Уже вечерѣло, когда мы тронулись въ путь къ Орошору, пользуясь, поочередно, бывшими въ нашемъ распоряженіи конями. Невдалекѣ отъ мѣста переправы черезъ Бартангъ намъ

пришлось перейти въ бродъ черезъ довольно значительную рѣчку, текущую со склоновъ величественныхъ пиковъ Ванновскаго и Обручева. Подъ вечеръ рѣчка эта сильно вздулась отъ таянія снѣговъ въ теченіе теплаго дня и сердито бушевала. Не безъ приключеній преодолѣли мы эту преграду, вдоволь вымокли; а нѣкоторые получили и ушибы о камни. Отсюда наша дорога стала круто подниматься вверхъ. Мы удалялись отъ Бартанга и поднимались на высокое плато, на которомъ раскинутъ Орошоръ. Это плато довольно обширно. Оно наклонено къ Бартангу и примыкаетъ къ болѣе крутымъ склонамъ пиковъ Ванновскаго и Обручева, поднимающимъ свои сѣдыя главы почти до высоты въ 7000 метровъ. Высота Орошора около 3100 метровъ надъ моремъ и около 470 метровъ надъ уровнемъ Бартанга. Несмотря на каменистость и большое возвышеніе надъ моремъ, плато покрыто на изрядномъ протяженіи посѣвами орошорцевъ. Посѣвы эти, въ благопріятные годы, даютъ хорошіе урожаи. Урожаи обезпечиваются усиленной культурой, главнымъ же образомъ тщательнымъ исскуственнымъ орошеніемъ плато: отъ нѣсколькихъ ручьевъ, мчащихся съ ледниковъ Ванновскаго и Обручева, орошорцы отвели густую сѣть арыковъ и, частью каменныхъ, частью деревянныхъ, водопроводныхъ желобовъ. Кишлакъ Орошоръ—одинъ изъ самыхъ большихъ кишлаковъ Рошана. Жители его видимо пользуются бо́льшимъ благосостояніемъ сравнительно съ остальными рошанцами. Кишлакъ обитаемъ и лѣтомъ. Это—родной кишлакъ рошанскаго „волостного“ Саркіора.

Мы прибыли въ Орошоръ поздно ночью и были приняты въ саклѣ Саркіора. Это—сравнительно, для здѣшнихъ мѣстъ, довольно большое каменное сооруженіе въ формѣ купола. По срединѣ сооруженія—яма для разведенія огня. Дымъ выходитъ черезъ дыру въ куполѣ, частью же черезъ единственную дверь, ведущую изъ этого каземата, лишеннаго оконъ, на небольшую крытую террасу. Казематъ, мрачный и дымный, мы оставили въ распоряженіи хозяевъ—Саркіора и двухъ его женъ, которыя ожидали своего повелителя съ понятнымъ нетерпѣніемъ въ виду двухмѣсячной съ нимъ разлуки... Саркіоръ, кажется, единственный рошанецъ, имѣющій двухъ женъ. Эти послѣднія, предупрежденныя нашимъ гонцомъ изъ Нусура, успѣли напечь изъ ячменной муки боурсаковъ, которые показались намъ величайшимъ лакомствомъ. Пока мы пили на террасѣ чай съ боурсаками, при тускломъ свѣтѣ пламени, питаемаго бараньимъ саломъ, Саркіоръ поговорилъ довольно крупно со своими женами и вышелъ къ намъ изъ подъ купола разстроенный. Онъ вытянулся въ струнку передъ начальникомъ отряда и затараторилъ что-то на ломаномъ киргизскомъ языкѣ. Всѣ мы немного понимаемъ по-киргизски; Наслѣдовъ же говоритъ на этомъ языкѣ прямо-таки бойко. Тѣмъ не менѣе трудно было что-нибудь понять изъ рѣчей взволнованнаго волостного. Позвали переводчика, брата Мансура. Переводчикъ, выслушавъ рѣчь Саркіора по-таджицки, со смѣ-

хомъ передалъ намъ ея содержаніе. Оказалось, что жены волостного поставили ему ультиматумъ—провести съ ними *двѣ* ночи. Между тѣмъ Аносовъ не предполагалъ устраивать въ Орошорѣ дневки, а Саркіора онъ имѣлъ въ виду взять съ собой въ Хорогъ, на время засѣданій русско-бухарской коммиссіи...

Посудили, порядили и придумали исходъ для успокоенія почтенныхъ рошанскихъ дамъ. Саркіору дано было разрѣшеніе провести въ Орошорѣ двѣ ночи, но съ условіемъ—догнать насъ на Бартангѣ черезъ три-четыре перехода. Волостной, привыкшій бѣгать по горамъ не хуже кіика, въ точности выполнилъ условіе.

Между тѣмъ плошка съ бараньимъ саломъ догорала. Ея мерцаніе придавало фантастическій видъ уродливымъ изображеніямъ лошадей и козловъ, намалеваннымъ чѣмъ-то въ родѣ охры на глинобитныхъ стѣнкахъ нашей террасы. Мы заснули крѣпкимъ сномъ подъ раскаты хохота нашихъ казаковъ, которымъ переводчикъ только что разсказалъ про женъ Саркіора... На другой день утромъ, когда я работалъ магнитнымъ теодолитомъ, прислуживавшій мнѣ, при работѣ Воронежевъ не преминулъ сообщить мнѣ, что казаки дали Саркіору вчера вечеромъ одно очень мѣткое прозвище, которое я передалъ своимъ товарищамъ. Прозвище это укоренилось, въ качествѣ „неофиціальнаго“, и въ нашей компаніи, въ компаніи „господъ“. Увы, я долженъ воздержаться отъ того, чтобы подѣлиться съ читателемъ этимъ остроумнымъ измышленіемъ нашихъ казаковъ. Таджицкое словечко, составляющее выдуманное ими прозвище, имѣетъ предательское сходство съ нѣкіимъ русскимъ, выражающимъ приблизительно то же самое... Филологи, которымъ я впослѣдствіи сообщалъ „конфиденціально“ это таджицкое словечко, приходили отъ него въ восторгъ: для ихнихъ теоретическихъ построеній оно оказалось сущей находкой.

Пока я опредѣлялъ „элементы земного магнитизма“ въ Орошорѣ, Аносовъ снялъ фотографіи съ женъ и ребятишекъ Саркіора. Трудно было заставить этихъ матронъ снять съ лицъ покрывала. Въ концѣ концовъ однакоже уговоры Саркіора имѣли успѣхъ. Одна изъ рошанскихъ аристократокъ оказалась прямо-таки вѣдьмой. Другая—недурненькая. Отецъ этой послѣдней хотѣлъ сорвать съ своего зятя двойной выкупъ, но потерпѣлъ, если помнитъ читатель, фіаско въ засѣданіи патріархальнаго трибунала, состоявшемся послѣ нашей переправы подъ Нусуромъ.

Мы выступили изъ Орошора верхами, но воспользовались лошадьми только на протяженіи какихъ-нибудь трехъ-четырехъ верстъ, пока путь нашъ пролегалъ по длинному Орошорскому плато. Затѣмъ пришлось отослать коней обратно въ кишлакъ и продолжать путь пѣшкомъ... Теперь мы вступили въ самую недоступную часть Рошана: отнынѣ лазанье по карнизамъ и сплавленіе по Бартангу на турсукахъ непрерывно чередовались между собой.

Пройдя Орошорское плато, мы уперлись въ дикій, скалистый и очснь высокій гребень, перпендикулярный къ руслу Бартанга и срывающійся въ рѣку отвѣсно. Послѣ труднаго подъема на этотъ гребень насъ ожидалъ спускъ несравненно болѣе непріятный, чѣмъ подъемъ, — спускъ по зигзагообразному карнизу, лѣпящемуся по каменному скату, наклоненному къ горизонту подъ угломъ въ 70°—75°. Положеніе осложнялось вѣтромъ, который заставлялъ катиться съ гребня камни. Камни сыпались мимо насъ и пролетали черезъ наши головы въ большомъ количествѣ. Ударившись въ какой-нибудь выступъ ската, камень дѣлалъ иногда огромный прыжокъ и падалъ прямо въ рѣчку Рохатцъ, бушевавшую на днѣ ущелья, на глубинѣ 100—120 метровъ подъ нашими ногами. Только благодаря этимъ прыжкамъ значительное большинство камней пролетало далеко отъ насъ, когда мы, прижимаясь къ утесу, медленно и осторожно спускались по зигзагамъ карниза... Тѣмъ не менѣе каждый изъ насъ могъ насчитать нѣсколько случаевъ, когда камень со свистомъ проносился у самой его головы. Не разъ Куромшинъ, лѣпившійся на карнизѣ въ двухъ-трехъ шагахъ сзади меня, невольно вскрикивалъ, когда камень пролеталъ непосредственно надо мной. Джигита Ахмата порядочно ушибло въ голову. Къ счастью, онъ не потерялъ равновѣсія на карнизѣ, и рана оказалась не опасной. Мы спустились къ правому притоку Бартанга, къ рѣчкѣ Рохатцъ, что значитъ „Красная Вода“. Дѣйствительно, этотъ бѣшеный потокъ, обрывающійся мѣстами въ видѣ водопадовъ, мчитъ воду рыжаго цвѣта.

Здѣсь, около ущелья Рохатца, Бартангъ пересѣкается условной границей между Памиромъ, состоящимъ подъ русскимъ военнымъ управленіемъ—въ вѣдѣніи Памирскаго отряда—и Памиромъ, находящимся подъ властью эмира Бухарскаго. Эта граница, установленная русско-англійскимъ соглашеніемъ 1895 г., идетъ съ сѣвера на югъ почти по меридіану 42°, считая долготу отъ нашего Пулкова. Пересѣкши рѣку Гунтъ, она сильно загибаетъ къ востоку и подходитъ къ Лянгаръ Гишту, расположенному близъ впаденія рѣки *Памира* въ Пянджъ.

Такимъ образомъ вассальной намъ Бухарѣ принадлежитъ почти весь Шугнанъ, почти весь русскій Ваханъ—есть еще Ваханъ афганскій—и большая часть Рошана. Часть Памира, состоящая подъ управленіемъ Памирскаго отряда, заключаетъ въ себѣ небольшую долю всего таджицкаго населенія русскаго Памира. Всѣ памирскіе киргизы состоятъ подъ русскимъ военнымъ управленіемъ.

Саркіоръ—„волостной“ управитель восточной части Рошана, состоящей въ вѣдѣніи памирскаго отряда. Онъ подчиненъ непосредственно начальнику отряда.

У бухарцевъ — своя администрація, такая же, какъ и во внутреннихъ областяхъ этого ханства. Во главѣ Рошана, Шугнана и Вахана стоитъ бухарскій бекъ, т. е. губернаторъ, имѣющій резиденцію въ Кала-и-Вамарѣ. Этотъ городишка, или, точнѣе,

большой кишлакъ, расположенъ на правомъ берегу Пянджа, верстахъ въ четырехъ ниже мѣста сліянія Пянджа съ Бартангомъ. Авторитетъ этого губернатора равнялся бы нулю, если бы въ Кала-и-Вамарѣ не было крошечнаго русскаго военнаго поста. Гарнизонъ Вамара состоитъ всего изъ пяти казаковъ съ урядникомъ во главѣ. Кстати сказать, слово „Кала“ означаетъ „цитадель“.

Съ другой стороны, не будь въ Вамарской цитадели русскаго гарнизона, злоупотребленія бухарскаго губернатора и притѣсненіе имъ таджиковъ были бы гораздо ощутительнѣе...

Это, конечно, лишь неофиціальный, но, несомнѣнно, существеннѣйшій „raison d'être“ для пребыванія въ Вамарѣ русскаго гарнизона.

Официальный поводъ, не противорѣчащій отнюдь русско-англійскому соглашенію, — тотъ, что Вамаръ расположенъ по афганской границѣ, а политическое существованіе Бухары гарантируется Россіей, и Бухара не имѣетъ своего самостоятельнаго войска.

Кромѣ маленькаго Вамарскаго поста, въ предѣлахъ бухарскаго Памира есть еще три нашихъ военныхъ поста, гораздо болѣе значительныхъ: это посты Хорогскій, Ишкашимскій и Лянгаръ Гиштскій. Всѣ три расположены надъ правымъ берегомъ Пянджа, на границѣ съ Афганистаномъ.

Офицеры этихъ постовъ, оказывая всѣ подобающіе внѣшніе знаки почета Вамарскому беку, имѣютъ, понятно, въ сущности на него большое вліяніе. Они смягчаютъ произволъ, къ которому столь склонны бухарскіе вельможи. Они предотвращаютъ многія насилія бухарцевъ надъ безотвѣтными таджиками.

Подъ начальствомъ бека состоитъ нѣсколько болѣе мелкихъ бухарскихъ чиновниковъ. Затѣмъ идетъ администрація мѣстная, выборная изъ туземцевъ. Выборы происходятъ подъ наблюденіемъ бухарскихъ властей. Но, конечно, на результаты этихъ выборовъ имѣютъ большое вліяніе офицеры памирскаго отряда. Выборныя власти суть „арбобы“, т. е. кишлачные старосты, и „казіи“, т. е. судьи.

Памирскіе киргизы и восточные рошанцы, состоящіе подъ управленіемъ памирскаго отряда, чувствуютъ себя прекрасно. Управленіе это—въ высокой степени гуманное. Съ самаго начала памирскихъ походовъ Іонова туземцамъ было объявлено, что они освобождены отъ податей. Взамѣнъ податей имъ вмѣнено въ обязанность доставлять отряду и русскимъ путешественникамъ наемныхъ лошадей за значительное вознагражденіе и продавать имъ по хорошей цѣнѣ барановъ. Для разсчетовъ за наемныхъ лошадей и за продаваемыхъ барановъ установлены таксы, различныя для разныхъ частей Памира, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, но во всякомъ случаѣ весьма выгодныя для туземцевъ. Какъ офицеры отряда, такъ и русскіе путешественники, всегда строго соблюдали правила, регулирующія ихъ отношенія къ туземцамъ. По свойству русской натуры, и офицеры отряда, и русскіе путешественники, выказывали себя даже щедрыми по отношенію къ туземцамъ:

такса—таксой, а подарки и добавочныя денежныя подачки—своимъ чередомъ. Нельзя того же сказать про нѣкоторыхъ иностранныхъ путешественниковъ, злоупотребившихъ довѣріемъ и любезностью русскихъ властей... Впрочемъ такихъ случаевъ было немного. А главное въ томъ, что *военное* управленіе восточнымъ Памиромъ *тутъ рѣшительно ни при чемъ*...

Въ тяжелую годину голодовки чины отряда дѣлились съ несчастными туземцами послѣднимъ сухаремъ...

Мои наблюденія приводятъ меня къ отрадному заключенію, что Памирскіе туземцы искренне любятъ русскихъ, особенно военныхъ. Да оно и понятно: подъ русскимъ управленіемъ имъ живется спокойно; а давно ли то время, когда афганцы разбойничали на Памирѣ? Старики помнятъ и болѣе отдаленныя времена—времена насилій, исходившихъ отъ хановъ Кокана. Что касается до китайцевъ, то, хотя они были и совѣстливѣе коканцевъ и афганцевъ, а все-таки и отъ нихъ приходилось солоно памирскимъ туземцамъ. Русская военная сила, о которой вообще всѣ азіаты высокаго мнѣнія, избавила памирское населеніе отъ вопіющихъ насилій со стороны сосѣдей. Русскіе офицеры и теперь защищаютъ западныхъ таджиковъ отъ произвола бухарскихъ чиновниковъ.

Непосредственно начальнику памирскаго отряда подчинены двое „волостныхъ“ — одинъ на всѣхъ памирскихъ киргизовъ, другой—на таджиковъ восточнаго Рошана, начиная отъ кишлака Орошора включительно. Алайскіе киргизы имѣютъ своего особаго волостного, подчиненнаго уже не военнымъ властямъ, а Ошскому уѣздному начальнику. Каждый изъ волостныхъ имѣетъ по нѣсколько помощниковъ, называемыхъ „аминами“. Къ числу этихъ второстепенныхъ сановниковъ принадлежитъ извѣстный читателю Халметъ Аширкуль Оглы, аминъ Рангкульскаго участка. Далѣе слѣдуютъ еще болѣе мелкіе сановники—„арбобы“, т. е. кишлачные старосты, у таджиковъ и „аксакалы“, аильные старосты, у киргизовъ. Это—представители администраціи. Представителями юстиціи являются „казіи“, т. е. народные судьи. Въ основѣ юрисдикціи таджицкихъ казіевъ лежитъ шаріатъ. Аксакалы, арбобы и казіи избираются самими туземцами, подъ наблюденіемъ русскихъ властей. Волостные и амины назначаются высшимъ начальствомъ.

Высшая, какъ административная, такъ и судебная, инстанція восточнаго Памира представляется лицомъ начальника отряда.

27 іюня мы вступили въ ту часть Рошана, которая принадлежитъ Бухарѣ. Однако же до самаго кишлака Имца, который лежитъ уже невдалекѣ отъ Кала-и-Вамара, ничто не напоминало намъ о бухарцахъ. Ущелье Бартанга слишкомъ дико, сурово и бѣдно, чтобы бухарцы отваживались часто туда заглядывать: они вѣдь порядкомъ изнѣжены. Туземцы западнаго Рошана врядъ ли даже всѣ и знаютъ, что ихъ повелитель—эмиръ Бухары, а губернаторъ — Вамарскій бекъ. Наоборотъ, Саркіоръ здѣсь весьма извѣстенъ и пользуется большимъ нравственнымъ авторитетомъ. Импонируетъ рошанцамъ и русская

военная форма. При всемъ томъ таджики западнаго Рошана производятъ впечатлѣніе людей, не привыкшихъ къ чинопочитанію. Мы называли ихъ „республиканцами“. Но какой это честный, прямодушный и привѣтливый, при всей его бѣдности, народъ! Прибавьте еще къ этимъ качествамъ храбрость, красоту, физическую силу и выносливость. Всѣ эти данныя не разъ наводили меня на мысль, что со временемъ изъ таджиковъ Памира можно будетъ сформировать дивныя дружины „горной пѣхоты“, которая далеко оставитъ за собой всѣхъ французскихъ, итальянскихъ и швейцарскихъ „chasseurs alpins“.

Спустившись къ рѣчкѣ Рохатцъ, мы сдѣлали привалъ для чаепитія. Кузы Бай ухитрился изжарить шашлычекъ изъ крошечныхъ катышковъ баранины, запасенной въ Орошорѣ. Послѣ зигзагообразнаго карниза, всѣми овладѣло необыкновенно жизнерадостное настроеніе... Крошечный кусочекъ шашлыка, проглоченный каждымъ изъ насъ, да нѣсколько глотковъ горячаго чая еще болѣе подняли нашу бодрость. Намъ казалось, что никакія препятствія для насъ болѣе не существуютъ...

Перейдя черезъ бурный Рохатцъ по стволу срубленнаго дерева, мы начали снова карабкаться по каменнымъ карнизамъ и предательскимъ осыпямъ. Заночевали въ пустынномъ мѣстѣ, которое Рошанцы называли Нишузъ, послѣ перехода въ 16 верстъ. Урочище Нишузъ—на правомъ берегу Бартанга, которымъ мы и слѣдовали все время отъ Орошора. Насупротивъ, надъ лѣвымъ берегомъ Бартанга, высится очень характерный острый пикъ, не отмѣченный на картѣ Ванновскаго и Бржезицкаго. Правый берегъ представляетъ здѣсь страшно крутую осыпь, на которой имѣется узкая и вытянутая параллельно Бартангу почти горизонтальная площадка. Площадка, высящаяся на 50—60 метровъ надъ рѣкой, представляетъ изъ себя *перегибъ* прибрежнаго профиля. Среди площадки вырывается изъ-подъ земли сильный родникъ съ чудной водой. Онъ окруженъ густыми кустами шиповника. По всѣмъ этимъ примѣтамъ не трудно отыскать будущему путешественнику мѣсто нашего ночлега съ 27-го на 28-ое іюня. А мѣсто это, благодаря превосходной водѣ родника, очень удобно для остановки.

Магнитныя измѣренія, произведенныя мною въ Нишузѣ 27 іюня вечеромъ и 28 іюня утромъ, указали на существованіе въ этомъ мѣстѣ *магнитной аномаліи*.

28 іюня пройдены 22 версты по правому берегу Бартанга. Перелѣзали черезъ крутые и высокіе гребни, слѣдовали по карнизамъ и осыпямъ, сплавлялись немного по Бартангу на турсукахъ. Ложась на турсуки, мы снимали обыкновенно, изъ предосторожности, сапоги. Въ этотъ день я былъ за такую осторожность наказанъ: соскочивъ босякомъ съ турсучьяго плота на берегъ, я наступилъ на какую-то низкорослую колючку, предательски замаскированную камнями, и получилъ длинную занозу въ ступню. Куромшинъ оказался ловкимъ хирургомъ. Онъ вынулъ занозу безъ остатка, такъ что ни малѣйшаго нагноенія не послѣдовало. Перевязочныхъ средствъ

у насъ былъ съ собой хорошій запасъ. Переночевавъ въ кишлакѣ Чадутѣ, расположенномъ въ оазисѣ праваго берега, мы переправились утромъ 29 іюня на саначахъ черезъ Бартангъ и пошли внизъ по ущелью лѣвымъ берегомъ. Въ полдень устроили привалъ въ кишлакѣ Баситѣ, населеніе котораго представляется зажиточнымъ. Баситъ расположенъ въ довольно обширномъ оазисѣ при впаденіи въ Бартангъ значительнаго притока. Оазисъ прекрасно орошенъ искусственно, при помощи арыковъ и желобовъ, отведенныхъ отъ рѣчки. Жители кишлака, по слухамъ, занимаются промывкой золотоноснаго песка, залегающаго въ рѣчкѣ. На наши разспросы они отвѣчали, что это дѣйствительно такъ; но добычу показали что то очень малой. По ихъ словамъ выходитъ, что весь кишлакъ отмываетъ за годъ только *горсть* золотыхъ крупинокъ. Способъ промывки самый примитивный: песокъ накладываютъ на баранью шкуру, которая затѣмъ погружается въ рѣку. Вынувъ черезъ нѣкоторое время изъ воды руно, ищутъ приставшія къ шерсти золотыя крупинки. Баситскій оазисъ богатъ какъ деревьями, такъ и посѣвами.

Пройдя нѣсколько верстъ отъ Басита внизъ по Бартангу лѣвымъ его берегомъ, мы пришли къ переузинѣ Бартанга, черезъ которую баситскіе таджики ухитрились перекинуть *мостъ*, поддерживаемый, какъ говорятъ, уже тридцать лѣтъ, благодаря тщательному за нимъ надзору и неопустительному ремонтированію, при первой надобности. Это курьезное сооруженіе устроено такъ. На невысокомъ утесѣ лѣваго берега положено въ рядъ нѣсколько толстыхъ и длинныхъ древесныхъ стволовъ, направленныхъ перпендикулярно къ рѣкѣ. Эти кряжи высовываются съ утеса къ рѣкѣ только немного: значительно большая часть ихъ длины покоится на горизонтальной верхней площадкѣ утеса. Концы бревенъ, покоющіеся на скалѣ, забалластированы большой грудой очень тяжелыхъ камней. На этотъ нижній слой бревенъ положенъ второй слой. Бревна второго слоя высовываются надъ рѣкой своими свободными концами уже нѣсколько дальше, чѣмъ у перваго слоя. Концы со стороны материка опять таки нагружены камнями. Надъ вторымъ слоемъ лежитъ третій и т. д.; число слоевъ значительно. Бревна самаго верхняго слоя вдаются свободными концами уже довольно далеко въ пространство надъ бѣшенымъ и страшно глубокимъ здѣсь Бартангомъ, сжатымъ въ переузинѣ ущелья. Камни, балластирующіе материковые концы бревенъ, образуютъ въ общемъ колоссальную груду, производящую впечатлѣніе сооруженія сказочныхъ циклоповъ. На противоположномъ берегу вы видите подобное же циклопическое сооруженіе изъ громадныхъ камней съ торчащими изъ каменной груды бревнами. Свободные концы верхнихъ бревенъ того и другого устоя оставляютъ между собой надъ срединой фарватера пролетъ около 20 аршинъ. Черезъ этотъ пролетъ перекинуты отъ устоя къ устою параллельно другъ другу два сравнительно тонкихъ бревна, отстоящихъ одно отъ другого примѣрно на аршинъ. На бревнахъ имѣются частыя зарубки, къ

которымъ лыками привязаны палки, перекинутыя поперекъ—съ одного бревна на другое. Этотъ средній пролетъ моста страшно качается при прохожденіи человѣка. О переходѣ по такому мосту лошадей не можетъ быть и рѣчи. Да и пѣшеходамъ-то рекомендуется слѣдовать черезъ среднюю часть по одному, лучше всего на корточкахъ, а то и ползкомъ. Вступая на эту среднюю часть моста, вы идете сначала, сильно качаясь, подъ гору; затѣмъ поднимаетесь вверхъ по изрядному уклону: прогибъ висячей части моста очень великъ. Мало того. Невозможно подобрать два длинныхъ бревна совершенно одинаковой упругости. Результатомъ этого является замѣтный *поперечный* наклонъ полотна средней части. Иначе говоря, это полотно скручено: палки, перекинутыя поперекъ двухъ висящихъ бревенъ, имѣютъ значительный наклонъ къ горизонту, притомъ наклонъ неодинаковый въ разныхъ мѣстахъ.

Такихъ мостовъ насчитывается на Бартангѣ три—по числу переузинъ, допускающихъ осуществленіе подобныхъ сооруженій. Вообще же Бартангъ слишкомъ широкъ для того, чтобы черезъ него можно было перекидывать висячіе мосты.

Наши проводники посовѣтовали намъ перейти по Баситскому мосту на правый берегъ рѣки, что мы и исполнили. Остальную часть перехода сдѣлали правымъ берегомъ. Хотя тутъ путь и лучше, чѣмъ по лѣвой сторонѣ, тѣмъ не менѣе безъ карнизовъ дѣло не обошлось. Тутъ между прочимъ пришлось намъ познакомиться еще съ однимъ сооруженіемъ туземныхъ „инженеровъ“, сооруженіемъ, которое мы прозвали „балкономъ“. Представьте себѣ отвѣсную каменную стѣну, обрывающуюся въ Бартангъ. Кое гдѣ въ ней—трещины. Въ эти разсѣлины рошанцы засунули колья, торчащіе перпендикулярно къ стѣнѣ. Съ одного кола на другой перекинуто тонкое бревнышко, а то и слега. Слега привязана къ кольямъ лыками. За первой слегой слѣдуетъ вторая и т. д., пока не кончится вертикальный обрывъ прибрежнаго профиля. Колья торчатъ далеко не на одной высотѣ. Вслѣдствіе этого слеги по большей части сильно наклонены къ горизонту. По этимъ слегамъ, опираясь плечомъ объ утесъ, ползете вы иной разъ на изрядной высотѣ надъ неистово ревущимъ подъ вами Бартангомъ... Между Баситомъ и Разуджемъ мы встрѣтили на пути изрядное количество такихъ „балконовъ“. Вообще это сооруженіе порядкомъ таки распространено въ Рошанѣ и Дарвазѣ.

Проползя по такому „балкону“, мы пришли вечеромъ 29 іюня въ пустынное урочище Дарсагрэ, гдѣ, по совѣту таджиковъ, и остановились на ночлегъ—на небольшой площадкѣ праваго берега Бартанга, окруженной съ трехъ сторонъ крутыми осыпями. Противъ—красивый водопадъ, которымъ ввергается въ Бартангъ рѣчка Шаморисафетъ. На этой рѣчкѣ находится могила чтимаго въ Рошанѣ святого—Шаморисафи. День 30 іюня прошелъ въ лазаньѣ по карнизамъ и „балконамъ“ праваго берега Бартанга. Заночевали въ оазисѣ кишлака Разуджа. 1 іюля, пройдя нѣсколько верстъ по кручамъ того же пра-

ваго берега, мы легли на турсучьи плоты и спустились по Бартангу до кишлака Си Пянджа. Это былъ первый нашъ сравнительно длинный перегонъ на саначахъ. Быстро мчались наши плоты по Бартангу, вертясь, качаясь и подпрыгивая подъ дѣйствіемъ водоворотовъ. Ходъ плотовъ былъ очень неравномѣренъ, и для нашей флотиліи не могло быть и рѣчи о какомъ-нибудь равненіи: подъ вліяніемъ капризовъ бѣшенаго потока дистанціи между плотами постоянно и быстро мѣнялись; плотъ, бывшій позади, иногда разомъ обгонялъ всѣ остальные. Флотилію турсучьихъ плотовъ сопровождалъ конвой изъ одиночныхъ пловцовъ — таджиковъ, сидѣвшихъ верхами на турсукахъ. Эти одиночные пловцы на турсукахъ легко обгоняли плоты; могли они, по своему произволу, и замедлять свое движеніе и такимъ образомъ равняться съ плотами.

Лежа на плотахъ, мы подвергались постоянному окатыванію волною, особенно на водоворотахъ. Независимо отъ того, на длинномъ перегонѣ, турсуки замѣтно „худѣютъ“ отъ утечки воздуха. Утечка происходитъ постоянно: лежа на плоту изъ турсуковъ, вы все время явственно слышите зловѣщій свистъ, который производитъ воздухъ, вырывающійся изъ швовъ; ваши ноги, животъ и грудь погружаются постепенно въ холодную воду... Но вотъ одинъ изъ рошанцевъ, висящихъ кругомъ плота и управляющихъ имъ, командуетъ: „пуфатъ“! Это, очевидно звукоподражательное, словцо значитъ „надувать“. Тогда, если берегъ позволяетъ, таджики причаливаютъ плотъ, вытаскиваютъ на берегъ и надуваютъ саначи съ полнымъ комфортомъ. Но нерѣдко случается, что истощающійся запасомъ воздуха плотъ бѣшено мчится между отвѣсными каменными берегами. Въ такомъ случаѣ процедура надуванія совершается на ходу. Держась правой рукой за рѣшетку плота, таджикъ сжимаетъ лѣвой рукой шейку ближайшаго къ нему турсука подъ втулкомъ и выдергиваетъ зубами затычку. Передавши затычку изъ зубовъ въ пальцы лѣвой руки, таджикъ беретъ втулокъ въ ротъ, отпускаетъ лѣвую руку и надуваетъ турсукъ. Лежа на плоту, вы чувствуете, какъ поднимаетъ васъ вверхъ богатырская работа таджицкихъ легкихъ... Надувши саначъ „до отказа“, таджикъ снова сжимаетъ шейку его лѣвой рукой и переноситъ зубами затычку изъ пальцевъ правой руки во втулокъ. Затѣмъ онъ принимается за сосѣдній саначъ. Его товарищи дѣлаютъто же самое съ остальными турсуками. Въ результатѣ плотъ возстановленъ. Конечно, таджики, управляющіе плотомъ, не могутъ предаться операціи надуванія всѣ заразъ и дѣлаютъ это поочередно: иначе плотъ остался бы безъ управленія и могъ бы налетѣть на какой-нибудь береговой утесъ или на торчащую со дна скалу.

Быстро промчались мы по бѣшеному потоку до правобережнаго кишлака Си Пянджа. Нѣсколько выше кишлака, на правомъ же берегу Бартанга, возвышается огромный утесъ съ горизонтальной площадкой наверху. Поровнявшись съ утесомъ, мы увидали на его вершинѣ большую толпу рошанцевъ, съ всевозможными примитивными музыкальными инструментами

въ рукахъ. Этотъ таджицкій оркестръ грянулъ намъ своеобразную дикую „встрѣчу“. Оказалось, что одинъ изъ таджиковъ, плывшихъ въ одиночку на турсукахъ, отправился впередъ гонцомъ и предупредилъ населеніе кишлака о прибытіи къ нимъ „большихъ господъ“.

Си-Пянджъ — большой и сравнительно богатый кишлакъ, пріютившійся въ плодородномъ оазисѣ. Другое его названіе Су-Понджъ. Вообще звуки таджицкой рѣчи трудно уловимы для не-филолога. Этимъ объясняются многочисленные варіанты въ географическихъ наименованіяхъ, съ которыми встрѣчаешься, сравнивая разныя изданія картъ западнаго Памира: одно и то же названіе одинъ путешественникъ записываетъ такъ, а другой иначе.

Причаливши къ Си-Пянджу подъ отчаянные звуки бубновъ, гонговъ и свирѣлей, мы устроили привалъ. Сварили чай. Купили нѣсколько барановъ. Наши джигиты приготовили общими силами обильный шашлыкъ. Къ пиршеству мы пригласили туземныхъ музыкантовъ, игравшихъ намъ „встрѣчу“, и все прочее населеніе кишлака. Женщины однакоже на зовъ не явились. Мужчины образовали около насъ кругъ, пожевали шашлыку, попили чаю и устроили подъ звуки гонговъ пляску. Населеніе Си-Пянджа произвело на насъ отрадное впечатлѣніе. Видно было, что, благодаря имѣвшимся запасамъ, оно благополучно провело зиму, бывшую голодной для большинства рошанцевъ. Плоды тутовыхъ деревьевъ — эти похожія видомъ на малину, но отвратительно приторныя, ягоды — уже созрѣли въ Си-Пянджскомъ оазисѣ ко дню нашего туда прибытія. Вообще же тутовыя ягоды созрѣваютъ въ Рошанѣ позже, Си Пянджскій оазисъ, благодаря условіямъ своего расположенія,—одинъ изъ наиболѣе счастливыхъ уголковъ суроваго Рошана.

1-го іюля была страшно вѣтрянная погода. Огромныя тутовыя деревья, растущія въ оазисѣ, сильно кивали макушками и осыпали землю дождемъ спѣлыхъ ягодъ. Пока старики Си Пянджа важно сидѣли съ нами и наслаждались чаемъ съ лимонной кислотой, а молодежь плясала подъ раскаты дикой музыки, все женское населеніе кишлака отъ столѣтнихъ старухъ до пятилѣтнихъ дѣвочекъ занималось сборомъ тута. Женщины бережно сгребали ягоды, покрывавшія землю, въ корзины и таскали ихъ на плоскія крыши сакель для сушки на вѣтру, подъ палящими лучами солнца. Таджики сушатъ тутовыя ягоды на зиму. Сушеный тутъ и сушеные абрикосы служатъ немаловажнымъ подспорьемъ для продовольствія этихъ горцевъ въ теченіе суроваго времени года.

По приказу кишлачнаго „арбоба“, т. е. старосты, одна изъ таджичекъ, съ тщательно закрытымъ лицомъ, принесла намъ большую деревянную чашку отборныхъ тутовыхъ ягодъ. Отвѣдавши этого дессерта, мы отбыли изъ Си-Пянджа, опять таки подъ оглушительные звуки рошанской музыки. Вторую половину перехода 1 іюля сдѣлали пѣшкомъ, по лѣвому берегу Бартанга. Заночевали въ маленькомъ кишлачкѣ Хиджизѣ, въ

которомъ не застали ни души: населеніе частью ушло съ остатками скота на лѣтовки, частью разбрелось нищенствовать и искать заработка на сторонѣ. Здѣсь моего Воронежева трепанула лихорадка, которая было совсѣмъ его оставила. Вѣроятно этотъ пароксизмъ обусловливался тѣмъ, что Воронежевъ сильно промокъ во время утренняго перегона на турсукахъ и полѣнился переодѣться въ Си-Пянджѣ. Пріемъ касторки и, черезъ нѣсколько часовъ, хорошій зарядъ хинина поставили его на ноги за одну ночь. Послѣ, лихорадка къ нему болѣе не возвращалась, даже во время труднаго кочеванія моего въ бассейнѣ Зоръ Куля.

Въ полуверстѣ выше Хиджиза черезъ переузину Бартанга перекинутъ висячій мостъ вродѣ описаннаго выше Баситскаго.

2 іюля нашъ отрядъ началъ движеніе съ лазанья по карнизамъ и „балконамъ“, съ которыми я уже познакомилъ читателя. Затѣмъ мы легли на турсучьи плоты и, съ небольшими перерывами, въ нѣсколько пріемовъ, доплыли до кишлака Имца, отстоящаго отъ Хиджиза на 20 слишкомъ верстъ. По дорогѣ мы причаливали плоты ко всѣмъ кишлакамъ, встрѣчавшимся на томъ и другомъ берегу, и осматривали ихъ. Капитану Аносову, которому предстояло предсѣдательствовать въ русско-бухарской комиссіи по вопросу объ устройствѣ таджиковъ западнаго Памира, было важно составить себѣ насколько возможно ясное понятіе о степени благогосостоянія этихъ горцевъ. Наши наблюденія въ этомъ направленіи приводили насъ къ очень грустнымъ заключеніямъ. Благополучные кишлаки въ родѣ Орошора, Басита и Си-Пянджа оказывались исключеніями. Вообще же Рошанъ представлялъ изъ себя послѣ голодной зимы 1899—1890 гг. картину прямо таки удручающую. Такъ всѣ кишлаки между Си-Пянджемъ и Имцомъ — а ихъ здѣсь порядочно—оказались заброшенными. Въ одномъ только изъ нихъ мы нашли живыя существа, но видъ ихъ заставлялъ сжиматься сердце. На крышѣ одной изъ сакель грѣлась на солнышкѣ совершенно голая таджичка, представлявшая изъ себя буквально остовъ. Рядомъ съ ней сидѣлъ такой же истощенный ребенокъ. Женщина была настолько слаба и апатична, что и „бровью не повела“, увидѣвши передъ собою толпу мужчинъ, да еще чужестранцевъ. Между тѣмъ таджички строго соблюдаютъ обычай закрывать при мужчинахъ даже лица.

Насилу добился нашъ переводчикъ отъ этой несчастной толку. Она отвѣчала съ трудомъ, голосомъ едва внятнымъ и пресѣкающимся. Выяснилось для насъ изъ продолжительныхъ разспросовъ слѣдующее. Всѣ смежные кишлаки Бартангскаго ущелья были поражены жестокимъ голодомъ. Много народу умерло зимой. Изъ оставшихся въ живыхъ къ веснѣ, наиболѣе сильные ушли въ благополучные кишлаки и на восточный Памиръ къ киргизамъ. Нѣсколько человѣкъ откочевало съ жалкими остатками стадъ на лѣтовки, на высокія „альпійскія“ пастбища. Они питались кореньями и козьимъ молокомъ. Женщина, которую мы разспрашивали, и ея ребенокъ не были въ

состояніи, отъ крайняго истощенія, сдвинуться съ мѣста. Ежедневно ей и ребенку приносили немного козьяго молока съ ближайшей лѣтовки. Этимъони и жили. Теперь скоро долженъ былъ созрѣть тутъ, и спасеніе отъ голода было близко...

Замѣчательно, что въ этихъ глубокихъ боковыхъ ущельяхъ долины Бартанга, при выходѣ которыхъ въ долину ютятся кишлаки, время созрѣванія плодовъ бываетъ весьма различно, въ зависимости отъ разнообразныхъ мѣстныхъ условій, какъ то: большая или меньшая затѣненность ущелья утесами, направленіе ущелья относительно странъ свѣта, интенсивность орошенія, качество почвы и т. д. Въ Си-Пянджѣ, который выше надъ уровнемъ моря, чѣмъ неблагополучные кишлаки около Имца, плоды поспѣваютъ значительно раньше.

Мы дали несчастной таджичкѣ нѣсколько лепешекъ изъ ячменной муки—все, что у насъ оставалось въ запасѣ изъ мучного—и поспѣшили лечь на турсуки, чтобы въ захватывающей духъ борьбѣ съ бѣшенымъ теченіемъ Бартанга отдѣлаться скорѣе отъ тяжелаго впечатлѣнія, произведеннаго на насъ неблагополучнымъ кишлакомъ...

На ночлегъ подъ 3 іюля остановились въ большомъ кишлакѣ Имцѣ. Кишлакъ оказался обитаемымъ и относительно благополучнымъ. Тутъ и абрикосы уже созрѣли; посѣвы ячменя въ оазисѣ обѣщали въ скоромъ времени хорошій урожай; скота уцѣлѣло отъ зимы сравнительно порядочно.

Купивши въ кишлакѣ нѣсколько барановъ, мы устроили вечеромъ угощеніе для мужского населенія. До поздней ночи продолжался своеобразный балъ—„томаша“, по туркестанскому выраженію. Молодежь плясала подъ звуки туземнаго оркестра, гораздо болѣе приличнаго, чѣмъ си-пянджскій. Танцы рошанцевъ состоятъ изъ медленныхъ, размѣренныхъ и плавныхъ движеній; они лишены всякой лихости и производитъ на русскаго человѣка не совсѣмъ благопріятное впечатлѣніе. Здѣсь насъ угостили и вокальнымъ концертомъ. Хоръ таджиковъ исполнилъ нѣсколько пѣсенъ. Пѣли и солисты. Пѣсни поражали своей заунывностью. Переводчикъ объяснилъ намъ, что и содержаніе пѣсенъ построено на самыя грустныя темы: несчастная любовь; голодовки; насилія афганцевъ и бухарцевъ.

Утромъ 3 іюля мы осмотрѣли историческую мѣстность близъ Имца—позицію, которую въ 1893 году отстаивала горсть русскихъ въ 15 человѣкъ, подъ командой генеральнаго штаба штабсъ-капитана Сергѣя Петровича Ванновскаго, противъ цѣлой роты афганцевъ. Этой горсти храбрецовъ была поручена рекогносцировка Бартангскаго ущелья, въ которомъ до тѣхъ поръ не было еще ноги ни одного европейца. Маленькій отрядъ пробрался на Бартангъ отъ Кара Куля по рѣкѣ Кокуй Бель и прошелъ отъ Ташъ Кургана до самаго Имца, не встрѣтивъ ни одного афганца и преодолѣвая только природныя преграды—снѣжные перевалы, карнизы и бѣшеное теченіе Бартанга. Поручикъ Бржезицкій, бывшій въ составѣ отряда, сдѣлалъ первую приблизительную съемку Бартанга. Въ Имцѣ, 30 августа—въ день тезоименитства Государя Императора Александра III, на отря-

децъ предательски напала афганская рота, пришедшая заранѣе изъ Кала-и-Вамара и ожидавшая здѣсь русскихъ. Афганцы хозяйничали въ то время въ Шугнанѣ, Ваханѣ и западномъ Рошанѣ, хотя болѣе правъ на эти области имѣла вассальная намъ Бухара. Отрядецъ Ванновскаго—3 офицера, 1 урядникъ, 2 линейца, 10 казаковъ,—вооруженный бывшей еще тогда въ новинку трехлинейной магазинкой, цѣлый день отстрѣливался отъ афганцевъ, которые къ вечеру отступили въ Кала-и-Вамаръ, потерявъ 8 человѣкъ убитыми. Ванновскій, получившій передъ отправленіемъ въ рекогносцировку предписаніе начальства избѣгать столкновеній съ афганцами, также счелъ себя вынужденнымъ отступить черезъ Дарвазъ въ Бухару. Его отрядъ не понесъ потерь. Фактически афганское хозяйничанье въ Рошанѣ было прекращено этимъ столкновеніемъ: афганцы не смѣли послѣ того показываться на Бартангѣ. Вскорѣ затѣмъ вопросъ былъ окончательно рѣшенъ дипломатіей.

Жители Имца, показывавшіе намъ 3 іюля 1900 г. позицію Ванновскаго и могилы убитыхъ афганцевъ, съ благодарностью вспоминали о подвигѣ 15 русскихъ, которые прогнали 200 афганцевъ и положили конецъ ихъ насиліямъ, подъ которыми долгое время стоналъ несчастный Рошанъ.

Въ Имцѣ окончилась самая трудная часть путешествія, которое предпринялъ я совмѣстно съ капитаномъ Аносовымъ. Путешествіе по дикому Бартангу потребовало гораздо болѣе времени, чѣмъ какъ мы разсчитывали. Запасовъ сухарей, муки, консервовъ и сахару намъ не хватило, и нѣсколько дней передъ приходомъ въ Имцъ мы питались одной бараниной. Въ Имцѣ мы вступали уже въ сравнительно культурную страну: отсюда недалеко до сліянія Бартанга съ Пянджемъ; ущелье Бартанга здѣсь расширяется и обращается въ плодородную долину, высота которой всего только около 2 верстъ надъ уровнемъ моря; на параллели 38° такая высота надъ моремъ обусловливаетъ мягкій и здоровый климатъ. Близъ сліянія Бартанга съ Пянджемъ лежитъ цитадель Кала-и-Вамаръ, окруженная зажиточнымъ поселкомъ и плодороднымъ оазисомъ съ многочисленными фруктовыми садами. Эта цитадель, захваченная одно время афганцами, представляютъ теперь резиденцію бухарскаго бека, т. е. губернатора. Вамарскій бекъ управляетъ западнымъ Рошаномъ, Шугнаномъ и Ваханомъ, но подъ нѣкоторымъ контролемъ начальника Памирскаго отряда. Въ его распоряженіи нѣтъ никакой вооруженной силы. Въ случаѣ надобности таковой онъ долженъ обращаться къ Памирскому отряду. Для надзора какъ за афганцами, территорія которыхъ начинается въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Кала-и-Вамара, такъ и—въ извѣстныхъ предѣлахъ, предусмотрѣнныхъ инструкціями, — за самими бухарцами, въ Вамарѣ находится казачій пикетъ, выдѣляемый изъ состава Памирскаго отряда. Читатель, вѣроятно, удивится, если я сообщу, что эта частица Памирскаго отряда состоитъ *только изъ 5 человѣкъ подъ командой урядника* (унтеръ офицеръ въ казачьихъ войскахъ). Да и весь то отрядъ, яв-

*

ляющійся какимъ то „жупеломъ“ для англичанъ, считаетъ въ себѣ лишь 200 душъ! Такъ было по крайней мѣрѣ съ 1893 г. по 1900 г.—годъ моего путешествія по Памиру—включительно. Я не знаю, какимъ измѣненіямъ подвергся численный составъ отряда въ послѣдующіе годы. Въ 1900 г. эти 200 душъ русскаго воинства были раздѣлены — конечно, неравномѣрно — между 7 постами: 1) Постъ Памирскій; 2) Хорогъ; 3) Лянгаръ Гиштъ (подъ Гиндукшемъ); 4) Мульводжъ; 5) Рангъ Кульскій пикетъ; 6) Истыкскій *кочевой* пикетъ, персоналъ коего живетъ въ юртахъ; 7) Кала-и-Вамарскій пикетъ.

Въ Имцѣ насъ встрѣтили двое бухарскихъ чиновниковъ, прибывшихъ изъ Кала-и-Вамара. Одинъ изъ нихъ, какъ намъ удалось выяснить послѣ долгихъ разспросовъ черезъ переводчика, изображалъ изъ себя нѣчто въ родѣ чиновника особыхъ порученій Вамарскаго бека (губернатора). Другой состоялъ въ данное время мажордомомъ бека, а раньше, какъ говорятъ, былъ его „бачей“. Это—красивый, съ женоподобной фигурой, юноша, теперь, въ новомъ званіи мажордома, уже нѣсколько разжирѣвшій. По словамъ этихъ жирныхъ субъектовъ, самъ бекъ давно уже ждалъ начальника Памирскаго отряда капитана Аносова въ Хорогѣ, гдѣ должна была собраться русско-бухарская комиссія по вопросу объ окончательномъ устройствѣ таджиковъ западнаго Памира.

Резюмирую для читателя въ нѣсколькихъ словахъ впечатлѣнія, которыя получаются при путешествіи по ущелью Бартанга—этой типичной рѣки западнаго склона Крыши Міра. Могучая рѣка прорвала себѣ ложе между высокими, покрытыми по большей части вѣчнымъ снѣгомъ, горными хребтами. Профили какъ главнаго ущелья, такъ и боковыхъ ущелій, чрезвычайно рѣзки и круты; круты настолько, что иногда вы видите снѣжныя шапки горъ съ самаго дна ущелья, напримѣръ плывя на турсукѣ: эти бѣлыя шапки шестиверстныхъ великановъ не заслоняются нижними ярусами своихъ склоновъ, состоящихъ по большой части изъ вертикально обрывающихся къ рѣкѣ скалъ. Скалы только рѣдко замѣняются осыпями, которыя соотвѣтствуютъ сравнительно отлогимъ склонамъ. Единственное мѣсто на Бартангѣ, гдѣ горные профили и строеніе поверхности напоминаютъ восточный Памиръ, это—Орошорское плато и его окрестности въ сторону Нусура. По дну узкой щели между гранитными стѣнами бѣшенно мчится многоводная рѣка, имѣющая ширину отъ 20 до 100 саженъ и очень глубокая лѣтомъ, въ сезонъ таянія снѣговъ. Плёса, гдѣ возможно плаваніе на турсукахъ внизъ по теченію и поперекъ рѣки—со сносомъ на 500, 1000 и болѣе саженъ при переправѣ—очень рѣдки; но и на нихъ скорость теченія достигаетъ 8 верстъ въ часъ, и плаваніе на лодкахъ врядъ ли осуществимо, будь это хоть каюки. На остальныхъ участкахъ немыслимо плавать и на турсукахъ изъ-за пороговъ и огромныхъ водоворотовъ. Рѣчки боковыхъ ущелій несутся по русламъ еще болѣе крутымъ и нерѣдко образуютъ водопады. Изрѣдка, преимущественно у мѣстъ впаденія боковыхъ

рѣчекъ, главное ущелье расширяется и даетъ мѣсто крошечнымъ оазисамъ. Здѣсь пріютились кишлаки съ полуосѣдлымъ населеніемъ. Пути сообщенія по берегамъ—естественные карнизы, или, въ западной, болѣе населенной части ущелья,—искусственныя сооруженія, прозванныя нами рошанскими „балконами".

Утромъ 3 іюля, осмотрѣвъ мѣсто славнаго боя Ванновскаго съ афганцами, мы легли на турсуки и домчались до мѣста сліянія Бартанга съ Пянджемъ. Чтобы лучше разсмотрѣть окрестности этой интересной мѣстности, мы высадились на мысу между лѣвымъ берегомъ Бартанга и правымъ берегомъ Пянджа и влѣзли на вершину порядочнаго холма, который доставляетъ туристу прекрасный обсерваціонной пунктъ. Передъ нами открылся чудный видъ на долины обѣихъ главныхъ Памирскихъ рѣкъ выше сліянія и на ихъ общее русло ниже сліянія. Это общее русло получило названіе Пянджа, что кажется мнѣ по причинамъ, которыя я сейчасъ объясню, не совсѣмъ справедливымъ. Ниже на нѣсколько сотъ верстъ этотъ Пянджъ, увеличенный еще другими могучими притоками, получаетъ названіе Аму Дарьи.

Съ вершины холма, на которомъ мы расположились утромъ 3 іюля, явственно виднѣлся Кала-и-Вамаръ, расположенный на правомъ берегу Пянджа, ниже сліянія его съ Бартангомъ. Городокъ утопаетъ въ зелени садовъ. Мажордомъ бека приглашалъ насъ отъ имени своего повелителя посѣтить Кала-и-Вамаръ и дворецъ бека. Предложеніе это по нѣсколькимъ вѣскимъ причинамъ было нами отклонено.

Начиная отъ Кала-и-Вамара и ниже долина Пянджа представляетъ изъ себя почти сплошной оазисъ. Особенно плодороденъ лѣвый берегъ, принадлежащій теперь Афганистану. Раньше часть Дарваза, лежащая на лѣвомъ берегу Пянджа ниже Вамара, принадлежала эмиру Бухарскому. Зато афганцы хозяйничали во всемъ Ваханѣ и Шугнанѣ и въ западномъ Рошанѣ. Русско-англійскимъ соглашеніемъ 1895 года установлено, что границей между Афганистномъ и Бухарой долженъ быть Пянджъ. Эмиръ афганскій, подъ давленіемъ Англіи, обязался впредь не имѣть никакихъ претензій на Рошанъ, Шугнанъ и западную часть Вахана—до *рѣки* Памира. Съ другой стороны бухарскій эмиръ отказался отъ полоски Дарваза, лежавшей на лѣвомъ берегу Пянджа. Эта полоска вошла нынѣ въ составъ большой афганской провинціи, именуемой Бадакшаномъ.

Принято считать Бартангъ *притокомъ* Пянджа. Причина, конечно, та, что туземцы изстари называютъ *Пянджемъ* общее русло обѣихъ рѣкъ ниже ихъ сліянія. На первыхъ картахъ Памира, составленныхъ отчасти *по разспроснымъ свѣдѣніямъ*, Бартангъ изображенъ притокомъ Пянджа, т. е. представленъ фланкирующимъ Пянджъ подъ прямымъ угломъ и въ видѣ полоски болѣе узкой, чѣмъ Пянджъ. Тотъ же способъ изображенія перешелъ и въ послѣдующія изданія картъ, до самыхъ послѣднихъ, „исправленныхъ и дополненныхъ", включи-

тельно. Такое изображеніе рискуетъ прочно укорениться. Но оно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Изъ той картины, которая разстилалась передъ нами 3 іюля 1900 г., когда мы стояли на холмѣ между Бартангомъ и Пянджемъ, вытекало для насъ заключеніе, что главная рѣка—Бартангъ, а ея притокъ—Пянджъ: выше мѣста сліянія Бартангъ представлялся намъ вдвое, втрое многоводнѣе Пянджа; послѣдній казался боковой рѣчкой, фланкирующей могучій Партангъ, хотя и не подъ прямымъ, а подъ острымъ угломъ. Не знаю: можетъ быть *въ другое время года* картина здѣсь бываетъ иная? Безспорно, что мы попали на мѣсто соединенія двухъ главныхъ Памирскихъ артерій въ сезонъ наибольшаго половодья на *Бартангѣ*; наибольшее половодье *Пянджа* бываетъ нѣсколько раньше. Въ пользу Бартанга можно привести при рѣшеніи его географическаго „спора“ съ Пянджемъ еще слѣдующій важный мотивъ. Рѣка, нижнее теченіе коей называется Бартангомъ, имѣетъ среднимъ теченіемъ *Памирскій* Мургабъ [1]), а верхнимъ теченіемъ Акъ Су [2]). Сумма длинъ этихъ трехъ рѣкъ выходитъ больше, чѣмъ длина Пянджа вверхъ отъ сліянія съ Бартангомъ *плюсъ* длина его верхняго теченія—Ваханъ Дарьи. Существуетъ предположеніе, что древнее названіе Аму Дарьи—*Оксусъ* есть испорченное киргизское слово *Акъ Су*. Если это такъ, то въ древности имѣли вѣрное представленіе о настоящемъ истокѣ великой среднеазіатской рѣки.

Отъ мѣста сліянія Бартанга съ Пянджемъ намъ предстояло идти вверхъ по правому—нашему или, точнѣе, бухарскому—берегу Пянджа. Лѣвый берегъ принадлежитъ Афганистану, а именно области, именуемой Бадакшаномъ. До Хорога—цѣли путешествія капитана Аносова — оставалось около 80 верстъ. Но путь этотъ—сравнительно торный: здѣсь свободно можно пользоваться лошадьми. Встрѣчаются и здѣсь карнизы, но широкіе, напримѣръ, въ сажень ширины, т. е. совершенно безопасные для верховой ѣзды. Стараніемъ бекскихъ чиновниковъ, встрѣтившихъ насъ въ Имцѣ, на мѣстѣ нашей высадки съ турсучьей флотиліи было приготовлено достаточное количество коней, нанятыхъ у таджиковъ Кала-и-Вамара. Они же доставили намъ изъ Вамара барановъ, муки и рису. На прощанье съ молодцами-рошанцами, сопровождавшими насъ по Мургабу-Бартангу, былъ устроенъ торжественный банкетъ. Меню состояло лишь изъ бараньяго плова съ рисомъ да чая съ лимонной кислотой; но, при походной обстановкѣ, да еще на Крышѣ Міра, и того достаточно. Разсчитавшись съ рошанцами, мы сѣли на чудныхъ бадакшанскихъ жеребцовъ и поскакали голопомъ вверхъ по правому берегу Пянджа. За нами потянулся шагомъ нашъ багажъ, навьюченный на добрыхъ маштаковъ. Эти вьючные кони дѣлали на шагу 6—7 верстъ въ часъ. Конвоировать караванъ съ вьюками были отряжены казаки Воронежевъ и Епанешниковъ, не спускавшіе глазъ съ магнитнаго теодолита.

---

[1]) Не должно смѣшивать съ Мургабомъ Закаспійскаго края.
[2]) Акъ Су значитъ бѣлая вода.

Долина Пянджа довольно широка и представляетъ болѣе оазисовъ, чѣмъ ущелье Бартанга. Но намъ рѣзко и обидно било въ глаза то обстоятельство, что на лѣвомъ, афганскомъ, берегу Пянджа оазисовъ больше, чѣмъ на нашемъ, да и качествомъ афганскіе оазисы гораздо лучше нашихъ... На этомъ переходѣ мы видѣли на противоположномъ берегу Пянджа нѣсколько афганскихъ кавалерійскихъ разъѣздовъ, наблюдавшихъ, повидимому, за большимъ русскимъ караваномъ. Красиво гарцовали „*афганскіе* казаки", какъ выразился мой Куромшинъ, на своихъ дивныхъ золотисто-гнѣдыхъ бадакшанскихъ скакунахъ.

Заночевали близъ кишлака Сочарва. Розговѣнье послѣ бартангскаго режима впроголодь не прошло намъ даромъ. Усердно предостерегаю читателя отъ козьяго молока съ тутовыми ягодами, особенно на разговѣнье послѣ поста... Острый тимпанитъ—раздутіе брюшной полости газами — не давалъ намъ спать, и мы прокорчились всю ночь подъ звуки дикаго концерта, который задавали наши верховые жеребцы: несмотря на путы и на ногайки вамарцевъ, приставленныхъ сторожить табунъ, жеребцы то и дѣло съ остервенѣніемъ прыгали другъ на друга, грызлись и неистово визжали. Чуть живой сѣлъ я утромъ на своего жеребца и, сопровождаемый Куромшинымъ, ускакалъ голопомъ впередъ остального общества. Подъ дѣйствіемъ благодѣтельной тряски, мой тимпанитъ разрѣшился сильной рвотой. Теперь я чувствовалъ себя спасеннымъ: припадки удушья прекратились. Продолжая скакать, я быстро долетѣлъ до кишлака Паршенева. Мы были уже въ предѣлахъ древняго Шугнанскаго ханства. Теперь Шугнанъ—пограничная провинція Бухары. Рошанъ занимаетъ бассейнъ Бартанга; Шугнанъ—бассейнъ Гунта. Гунтъ, если помнитъ читатель, есть притокъ Пянджа. Онъ вытекаетъ изъ озера Яшиль Куля, въ которое впадаетъ Аличуръ. Озеро Яшиль Куль, судя по разнымъ даннымъ, образовалось вслѣдствіе запруды горной катастрофой—землетрясеніемъ съ обвалами—одной и той же рѣки, Аличура—Гунта. Шугнанъ менѣе обдѣленъ природой, чѣмъ Рошанъ. Онъ населенъ таджиками алипорузскаго толка, какъ и Рошанъ. Но въ говорѣ шугнанцевъ много особенностей по сравненію съ нарѣчіемъ рошанцевъ. Замкнутая жизнь въ малодоступныхъ горныхъ ущельяхъ—вотъ причина этого явленія.

Въ Паршеневѣ обитаетъ „ишанъ" шугнанскихъ таджиковъ. „Ишанъ" значитъ „святой человѣкъ". Ишаны бываютъ не только у сунитовъ каковы бухарцы—но и у шіитовъ и алипорузовъ. Ишанъ пользуется всегда огромнымъ вліяніемъ на правовѣрныхъ. Это—крупный факторъ, съ которымъ очень и очень надо считаться представителямъ русской государственной власти въ Средней Азіи. Вспомнимъ хотя бы „газаватъ" [1]), поднятый весной 1898 года однимъ изъ ферганскихъ ишановъ и приведшій къ прискорбному Андижанскому происшествію. Конное

[1]) Газаватъ значитъ «священная война»—война противъ гяуровъ.

скопище въ 4000 человѣкъ сартовъ и андижанскихъ киргизовъ, предводимое самимъ ишаномъ, предательски напало въ ночь подъ 10 мая на лагерь роты одного изъ туркестанскихъ линейныхъ баталіоновъ. Къ счастію, рота быстро выстроилась и отразила нападеніе; но, съ перваго налета, фанатики успѣли изрубить или растоптать конями около 20 солдатъ. Пришлось прибѣгнуть послѣ того, для вразумленія фанатическаго населенія Ферганы, къ серьезнымъ репрессаліямъ. Самъ ишанъ и нѣсколько человѣкъ его помощниковъ по организаціи газавата были повѣшены. На населеніе Ферганы наложена большая денежная контрибуція. Андижанскій ишанъ пользовался въ Ферганѣ огромнымъ вліяніемъ. Упроченію этого вліянія много содѣйствовала хорошо организованная система обманныхъ чудесъ-фокусовъ, иногда очень примитивныхъ и наивныхъ, которые показывались паломникамъ, стекавшимся во дворецъ ишана. Черезъ индійскихъ мусульманскихъ дервишей, пробиравшихся черезъ Памиръ, андижанскій чудотворецъ получалъ отпечатанныя арабскими буквами въ Британской Индіи, *идущія якобы изъ Мекки*, прокламаціи. Прокламаціи эти, приглашавшія правовѣрныхъ къ газавату, ишанъ распространялъ въ Ферганѣ. Имѣя въ виду эту исторію, легко понять, какой смыслъ имѣетъ то, что Россія содержитъ на заоблачныхъ высяхъ Памира небольшой отрядъ, испытывающій лишенія зимовокъ, похожихъ на полярныя. Не для нападенія на Индію сидятъ орлы Памирскаго отряда на холодныхъ скалахъ. И составъ отряда для этого малъ; вѣдь vis-à-vis этой горсти, за Гиндукушемъ, въ одномъ только Читралѣ стоитъ бригада сипаевъ. Да и вообще нападеніе на Индію черезъ Памиръ было бы предпріятіемъ безумнымъ: черезъ перевалы Гиндукуша можно рискнуть двинуть только охотничьи команды составомъ по нѣсколько десятковъ штыковъ. *Въ случаѣ надобности, не черезъ Памиръ, а черезъ Гератъ отъ Кушки ударимъ мы на Индію.* Итакъ, „raison d'être“ Памирскаго отряда въ томъ, что, содержа его, мы во-первыхъ отодвигаемъ нашу границу на слишкомъ 500 верстъ отъ густо населенной фанатической Ферганы; во вторыхъ Памирскій отрядъ несетъ сторожевую службу въ смыслѣ перехватыванія политической контрабанды, идущей въ Фергану отъ нашихъ *дружественныхъ* загиндукушскихъ сосѣдей... Ишанъ Шугнанцевъ, имѣющій разиденцію въ Паршеневѣ, считаетъ себя прямымъ потомкомъ Магомета. Онъ состоитъ въ очень дружественныхъ отношеніяхъ съ офицерами Памирскаго отряда, и потому представляетъ факторъ настолько же полезный съ нашей русской точки зрѣнія, насколько андижанскій ишанъ, повѣшенный въ маѣ 1898 г., былъ факторомъ зловреднымъ. Есть полное основаніе думать, что дружба шугнанскаго ишана съ русскими искренна и прочна. Дѣло въ томъ, что эта дружба основана на совершенно естественной причинѣ. Недавно шугнанцы стонали подъ насиліями афганцевъ, которые, будучи сунитами, считаютъ алипорузовъ таджиковъ такими же гяурами, собаками, какъ и невѣрныхъ. Русскіе освободили алипору-

зовъ западнаго Памира отъ афганскаго ига. Правда, мы для чего-то—въ видѣ угоды Англіи повидимому—отдали западный скатъ Памира Бухарѣ, государству якобы полусамостоятельному [1]); а бухарцы вѣдь также суниты и были бы очень не прочь пожать сокъ изъ таджиковъ. Но хотя для Англіи и является нѣкоторымъ утѣшеніемъ, что бывшія Памирскія ханства—Рошанъ, Шугнанъ и Ваханъ—достались все же не самой Россіи, а только Бухарѣ, за то и для таджиковъ есть нѣкоторое утѣшеніе въ слѣдующихъ обстоятельствахъ: 1) Бухара не самостоятельная держава, а лишь вассалъ Россіи; 2) Вамарскій бекъ, правящій бывшими Памирскими ханствами, находится подъ контролемъ начальника Памирскаго отряда. Начальникъ отряда, или каждый офицеръ, которому онъ это поручитъ, всегда скажетъ бухарскому беку „руки прочь", когда послѣдній покусится на свободу вѣры алипорузовъ или на ихъ имущество. Итакъ русская власть обезпечиваетъ шугнанцамъ и ихъ сосѣдямъ безпрепятственное отправленіе религіозныхъ обрядовъ и относительную безопасность отъ возможныхъ покушеній бухарцевъ на личность и имущество. Вотъ почему Паршеневскій ишанъ намъ другъ.

Передъ Паршеневымъ я вымылся въ горной рѣчкѣ, чтобы устранить неблагообразныя послѣдствія постигшей меня гастрической передряги, и переодѣлся въ вынутую изъ переметной сѣдельной сумки чистую рубаху. Блѣдный и ослабѣвшій, но безукоризненно корректный со стороны внѣшняго вида, нанесъ я визитъ ишану. Этотъ почтенный старецъ принялъ меня очень радушно. На столѣ веранды его сакли быстро появился самоваръ, да, настоящій тульскій самоваръ! Не успѣли еще подъѣхать мои товарищи, какъ я уже влилъ въ себя нѣсколько чашекъ кипятку, который довершилъ мое выздоровленіе. Здѣсь моихъ товарищей, а особенно нашего джигита переводчика, ожидалъ радостный сюрпризъ. Ишанъ вывелъ за руку и представилъ мнѣ среднихъ лѣтъ брюнета, одѣтаго въ клѣтчатый англійскій пиджакъ. Этотъ молодецъ, прекрасно говорившій по-русски, отрекомендовался Мансуромъ. Незадолго передъ тѣмъ кабульскія власти, подъ дѣйствіемъ дипломатическаго давленія изъ Петербурга, освободили Мансура изъ заключенія и вернули ему бывшія при немъ деньги. Мансуръ купилъ себѣ въ Кабулѣ франтовскую пиджачную пару англійскаго издѣлія и добрался на оставшіяся у него деньги до Хорога, предъявляя по дорогѣ афганскимъ чиновникамъ данный ему въ Кабулѣ пропускъ. Въ Хорогѣ онъ узналъ, что туда ждутъ изъ Кала-и-Вамара начальника отряда. Мансуръ отправился намъ на встрѣчу и по дорогѣ задержался у ишана: ишанъ, какъ оказалось, былъ ему родной дядя. Только что разсказалъ мнѣ Мансуръ про свои похожденія, какъ во дворъ ишана въѣхалъ Аносовъ со спутниками. Офицеры отряда

---

[1]) Бывшія Памирскія ханства—Ваханъ, Шугнанъ и часть Рошана—отданы *Бухарѣ* согласно постановленію русско-англійской разграничительной комиссіи 1894—1895 г.г.

встрѣтились съ Мансуромъ, какъ съ роднымъ. Радость нашего джигита переводчика при столь неожиданной встрѣчѣ съ братомъ, котораго онъ уже оплакивалъ, не подлежитъ описанію. Мансуръ—человѣкъ заслуженный передъ Памирскимъ отрядомъ. Шугнанецъ родомъ, онъ былъ принятъ Іоновымъ на службу отряду въ качествѣ переводчика. Участвовалъ въ рекогносцировкѣ Бартанга С. П. Ванновскимъ и въ сраженіи съ афганцами у Имца въ 1893 году. Теперь, встрѣтившись съ нами въ Паршеневѣ, онъ выглядывалъ, несмотря на фешіонабельный костюмъ, очень плохо: изнурительная лихорадка, перенесенная въ Кабульскомъ клоповникѣ, видимо серьезно подточила его здоровье.

Простившись съ гостепріимнымъ ишаномъ, мы продолжали нашъ путь вверхъ по правому берегу Пянджа. Невдалекѣ отъ Паршенева на лѣвомъ берегу рѣки расположена афганская крѣпость Кала-и-Баръ Пянджъ. Это—цитадель, увѣнчивающая макушку порядочнаго холмика. Когда мы проѣзжали мимо, около цитадели происходило, подъ звуки барабана, ученье афганскихъ солдатъ. Ихъ было примѣрно около полуроты. Ученье—на европейскій манеръ; маршировка представлялась стройной.

Что касается до дисциплины и духа афганскихъ войскъ, занимающихъ пограничные съ нами посты на Памирѣ, то, по отзывамъ офицеровъ нашего Памирскаго отряда, они—не завидны. Солдаты изнѣжены. На всѣхъ Бадакшанскихъ пограничныхъ постахъ афганскимъ солдатамъ разрѣшено *имѣть при себѣ женъ*. Для этихъ послѣднихъ построены близъ постовъ особыя помѣщенія казарменнаго типа. Понятно, что люди, привыкшіе къ подобному комфорту, не могутъ быть хорошими воинами. Обученіе ограничивается почти исключительно фронтомъ. Стрѣльбой почти не занимаются. Вооруженіе афганскихъ частей, расположенныхъ въ Бадакшанѣ и Ваханѣ, состоитъ въ холодномъ оружіи и старинныхъ англійскихъ штуцерахъ. Боевые патроны тщательно хранятся подъ замками въ магазинахъ: афганское правительство относится недовѣрчиво къ своимъ контингентамъ, расположеннымъ въ отдаленномъ отъ Кабула и гористомъ Бадакшанѣ. Гористый и разноплеменный Афганистанъ много страдалъ отъ междуусобныхъ войнъ и возстаній. Потому-то эмиры предпочитаютъ имѣть хорошо организованную силу поближе къ столицѣ. Сконцентрированное внутри страны ядро афганской арміи представляетъ изъ себя дѣйствительно серьезную силу.

Присутствіе бабьяго элемента на Бадакшанскихъ постахъ еще не главная причина плохой дисциплины расположенныхъ здѣсь частей. Гораздо хуже вліяетъ на духъ войска оказываемое ему недовѣріе. Недовѣріе это выражается во-первыхъ, какъ уже замѣчено, въ нелѣпыхъ предосторожностяхъ относительно выдачи на руки солдатамъ боевыхъ патроновъ. Во-вторыхъ оно проявляется въ солидно организованной системѣ шпіонства и доносовъ. Бывали примѣры, что начальника поста, по доносу его писаря или какого-нибудь нижняго чина, хва-

тали, увозили въ Кабулъ и обезглавливали безъ мало-мальски осмысленно обставленнаго слѣдствія. При такихъ данныхъ намъ *пока еще* не приходится смущаться тѣмъ, что численность афганскихъ гарнизоновъ на Пянджѣ превышаетъ въ десятки разъ численность тѣхъ горсточекъ Туркестанскихъ стрѣлковъ и казаковъ, которые занимаютъ посты праваго берега.

При впаденіи Гунта въ Пянджъ насъ встрѣтилъ Вамарскій бекъ Ишанкулъ въ сопровожденіи другого бухарскаго вельможи, присланнаго самимъ эмиромъ на засѣданія русско-бухарской комиссіи. Этотъ послѣдній представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ бухарскаго „статсъ-секретаря“. За знатными бухарцами, сидѣвшими на чудныхъ уратюбинскихъ жеребцахъ, слѣдовала многочисленная свита. Ишанкулъ и „статсъ-секретарь“ выѣхали къ намъ на встрѣчу изъ Хорога, до котораго оставалось намъ около 3 верстъ. Обмѣнялись съ знатными бухарцами церемонными привѣтствіями и поѣхали шагомъ вверхъ по правому берегу Гунта: бухарскимъ вельможамъ этикетъ воспрещаетъ иные аллюры, кромѣ шага. Проѣхавъ чинно и молчаливо около получаса, мы достигли Хорога, расположеннаго на правомъ берегу Гунта. Хорогъ состоитъ изъ трехъ частей. Восточную — крайнюю вверхъ по Гунту—часть этого поселка составляетъ военный постъ, расположенный совершенно изолированно, окруженный рвомъ и каменной стѣной. Нѣсколько ниже по Гунту, т. е. западнѣе, раскинулся базарчикъ для пріѣзжихъ таджиковъ, состоящій изъ нѣсколькихъ навѣсовъ и устроенный заботами Николая Степановича Аносова всего только за полгода до моего путешествія. Непосредственно около базарчика имѣется глинобитный рабатъ, сооруженный Кала-и-Вамарскимъ бекомъ и служащій пристанищемъ ему и его свитѣ, когда онъ пріѣзжаетъ въ Хорогъ на свиданія по дѣламъ службы съ начальникомъ Памирскаго отряда. Здѣсь, въ этомъ самомъ рабатѣ, дожидался насъ теперь Ишанкулъ уже въ теченіе двухъ недѣль.

Крайнюю западную часть поселка составляетъ небольшой таджицкій кишлачекъ.

Координаты Хорогскаго поста опредѣлены подполковникомъ П. К. Залѣсскимъ въ 1898 году. Широта мѣста 37° 29′ 27″; долгота отъ Пулкова 41° 12′ 34″; высота надъ уровнемъ моря 2200 метровъ, т. е. болѣе двухъ верстъ.

Благодаря сравнительно небольшому возвышенію надъ моремъ и хорошему орошенію—природному и искусственному, съ помощью арыковъ,—окрестности Хорога представляютъ изъ себя плодородный оазисъ. Впрочемъ попытки двухъ слѣдовавшихъ одинъ за другимъ начальниковъ отряда — Кивекеса и Аносова—развести въ Хорогѣ русскій огородъ не увѣнчались успѣхомъ: огурцы не пошли, капуста также; очевидно, почва слишкомъ суха для этихъ овощей. Хорошо акклиматизировалась здѣсь только рѣдька. На Посту Мургабскомъ всѣ попытки развести огородъ окончились полной неудачей: тамъ даже и рѣдька не пошла. Мало того: пробовали сажать близъ Поста Памирскаго алайскую арчу; но и эти саженцы не приживались.

Прямой путь съ Поста Памирскаго въ Хорогъ, идущій по Аличуру и Гунту, имѣетъ длину въ 310 верстъ. Благодаря разработкѣ этого пути въ ущельѣ Гунта, гдѣ раньше можно было пробираться лишь пѣшкомъ, разработкѣ, выполненной солдатиками отряда, путь этотъ теперь не представляетъ никакихъ трудностей. Мы могли бы совершить его легко въ 5—6 дней. Вмѣсто того наше путешествіе съ Мургабскаго Поста въ Хорогъ продолжалось 18 дней, въ теченіе которыхъ мы сдѣлали лишь 485 верстъ. Въ томъ числѣ 130 верстъ пройдено пѣшкомъ и около 25 верстъ сдѣлано вплавь на саначахъ. Аносовъ сильно запоздалъ противъ срока, назначеннаго для открытія русско-бухарской комиссіи. Зато онъ явился въ комиссію съ яснымъ сознаніемъ того, какъ подобаетъ отнестись къ притязаніямъ бухарцевъ. Видѣнныя нами на Яшиль Кулѣ и на Бартангѣ полуживые остовы таджиковъ стояли у насъ передъ глазами...

Послѣ вытѣсненія афганцевъ съ праваго берега Пянджа лихими налетами Іонова и Ванновскаго, окончательный „modus vivendi“ на Памирѣ установленъ въ февралѣ 1895 г. извѣстнымъ русско-англійскимъ соглашеніемъ, которое было дополненно частными соглашеніями — Россіи съ Бухарой, а Англіи съ Афганистаномъ. Тогда были признаны верховныя права бухарскаго эмира на Шугнанъ, западный Ваханъ и западный Рошанъ. Было однакоже оговорено, что эмиръ бухарскій долженъ дать таджикамъ названныхъ областей нѣсколько лѣтъ льготы, именно не взимать съ нихъ до извѣстнаго срока податей. Эта мѣра мотивировалась необходимостью дать таджикамъ оправиться послѣ афганскаго разоренія. 1900 годъ былъ какъ разъ послѣднимъ льготнымъ годомъ. Комиссія, собравшаяся въ Хорогѣ въ началѣ іюля 1900 г., должна была рѣшить цѣлый рядъ вопросовъ, относившихся къ обложенію таджиковъ съ 1901 года податями въ пользу Бухары. Вопросы эти относились къ размѣрамъ податнаго обложенія въ разныхъ областяхъ и къ способамъ взиманія податей. Комиссія состояла изъ начальника отряда генеральнаго штаба капитана Н. С. Аносова, поручиковъ Н. Н. Трубченинова и М. А. Наслѣдова, Вамарскаго губернатора Ишанкула и командированнаго отъ самого эмира „статсъ-секретаря“.

Не теряя времени, комиссія принялась за работу съ самаго дня нашего прибытія въ Хорогъ, т. е. съ 4 іюля. По распоряженію Ишанкула, въ Хорогѣ были уже давно собраны волостные, амины, а равно и нѣкоторые изъ арбобовъ и казіевъ Вахана, Шугнана и бухарскаго Рошана. 7 іюля вечеромъ этимъ народнымъ представителямъ были объявлены черезъ переводчика Мансура окончательныя постановленія комиссіи. Съ преклоненными головами, но съ совершенно безучастными лицами, выслушали сѣдовласые амины и казіи вѣсть о наложеніи на нихъ податей, вѣсть, которую они теперь были обязаны разнести по кишлакамъ и яйлакамъ [1]) родины...

---

1) Яйлакъ значитъ „лѣтовка“.

Апатичное выраженіе лицъ именитыхъ таджиковъ производило впечатлѣніе, что они ничего не поняли изъ прочитаннаго имъ Мансуромъ. Мансуръ завѣрялъ однакоже насъ, что таджицкіе старцы не только прекрасно поняли все теперь имъ объявленное, но и давно уже, сидя въ Хорогѣ въ ожиданіи сбора комиссіи, обсуждали вопросъ, какъ избавиться отъ ожидавшей ихъ тяготы. У нихъ было готово и рѣшеніе вопроса, рѣшеніе очень простое и удобоисполнимое для людей, привыкшихъ къ полукочевой жизни и не имѣющихъ ничего „за душой“. Это рѣшеніе сводилось къ тому, что большинство таджиковъ, по крайней мѣрѣ рошанскихъ и шугнанскихъ, разбѣгутся: одни пойдутъ въ русскій Рошанъ и къ Памирскимъ киргизамъ, благо на русскомъ Памирѣ нѣтъ податей, другіе проберутся даже въ Фергану; наконецъ нѣкоторые бѣгутъ за Пянджъ, въ афганскій Бадакшанъ. Послѣднее можетъ показаться страннымъ — въ виду столь еще свѣжихъ въ памяти таджиковъ насилій надъ ними афганцевъ. Но слѣдуетъ принять во вниманіе, что многіе таджики праваго берега Пянджа имѣли раньше земельную собственность и на лѣвомъ, гораздо болѣе плодородномъ, берегу этой рѣки. Съ 1895 года, когда Пянджъ былъ объявленъ границей между Бухарой и Афганистаномъ, таджики праваго берега потеряли часть своихъ угодій, притомъ нерѣдко *лучшую* часть. Еще съ этимъ можно было мириться, пока они были свободны отъ податей. Теперь же оставаться бухарскими подданными для многихъ таджиковъ праваго берега Пянджа обозначало обречь себя на постоянныя голодовки. А голодъ — такой факторъ, который можетъ заставить позабыть даже про афганскія насилія. Притомъ же правобережные таджики не могли не понимать того, что самыя насилія надъ нимъ афганцевъ носили особенно острый характеръ именно вслѣдствіе старинныхъ притязаній Бухары на правый берегъ Пянджа и даже на Бадакшанъ. Они прекрасно знали, что въ афганскомъ Бадакшанѣ таджики не подвергаются такимъ насиліямъ. Наконецъ многіе правобережные таджики имѣютъ за Пянджемъ близкихъ родственниковъ. Сношенія между собой тѣхъ и другихъ сдѣлались не только затруднительными, но даже и опасными съ 1899 года, когда, вслѣдствіе англійскихъ интригъ, отношенія Афганистана къ Россіи стали почти враждебными. Конечно, всѣ эти мотивы для перехода нѣкоторыхъ нашихъ таджиковъ въ афганское подданство далеко не имѣли бы настоящей свой силы, если бы Ваханъ, Шугнанъ и западный Рошанъ находились подъ управленіемъ Памирскаго отряда. Бухарскій „статсъ-секретарь“ и бекъ отправляли въ душѣ Аносова „ко всѣмъ чертямъ“. Это не мѣшало имъ однакоже устроить въ честь насъ, русскихъ, „блестящій раутъ“ на другой же день послѣ нашего прибытія въ Хорогъ. Намъ былъ сервированъ въ рабатѣ Ишанкула бараній пловъ, чай и дастарханъ въ видѣ незрѣлыхъ абрикосовъ, фисташекъ и самыхъ невозможныхъ русскаго издѣлія паточныхъ конфектъ, привезенныхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ Нижегородской ярмарки. Надо было ви-

дѣть комическое недоумѣніе, изображавшееся на лицахъ „статсъ секретаря“ и бека, когда мы разворачивали хорошо всѣмъ извѣстныя цвѣтныя и золоченыя бумажки съ бахромой и, бросая конфекты, со смѣхомъ читали вложенные въ оболочки билетики съ „гаданіями“ и стишками въ родѣ „съ тоскою гляжу я на черную шаль...“ Конечно, это было съ нашей стороны не совсѣмъ „comme il faut“. Но, что дѣлать, бываютъ случаи, когда и солидными людьми овладѣваетъ неудержимая потребность помальчишествовать. Съ одной стороны конфекты съ гаданіями и стишками напомнили намъ нашу далекую родину и повергли насъ въ жизнерадостное настроеніе. Съ другой стороны невозможно было безъ смѣха смотрѣть на жирныя, лоснящіяся и обливающіяся потомъ рожи бухарскихъ вельможъ, которые молча, съ видомъ священнодѣйствующихъ, жевали абрикосы и фисташки...

„Баста“, скомандовалъ Аносовъ, „невѣжливо, господа“. Ни бекъ, ни его старшій коллега, не понимали, конечно, ни слова по-русски. Мы бросили конфекты и, принявъ серьезный видъ, углубились въ созерцаніе плясавшихъ передъ нами „бачей“...

На слѣдующій день бухарцы были приглашены на Постъ. Здѣсь ихъ накачивали шоколадомъ и чаемъ съ ромомъ.

Я вынужденъ былъ прожить въ Хорогѣ дольше, чѣмъ первоначально предполагалъ, а именно до 10 іюля: мнѣ пришлось дожидаться двухъ казачьихъ лошадей, которые отстали отъ насъ на Бартангѣ. Этихъ лошадей таджики привели на Постъ лишь 10 іюля вечеромъ. Лошади приплелись въ жалкомъ видѣ: истощенныя, ободранныя, съ наминками подошвъ Нечего было и думать брать ихъ въ дальнѣйшій, намѣченный мною, путь. Я оставилъ ихъ въ Хорогѣ, поручивъ казаку Епанешникову усиленно ихъ прикармливать и лѣчить отъ ранъ и наминокъ. По истеченіи недѣли Епанешниковъ долженъ былъ подковать ихъ на войлокъ и отправить съ киргизами прямымъ путемъ на Постъ Памирскій. Самъ же я выступилъ на наемныхъ лошадяхъ рано утромъ 11 іюля въ дальнѣйшій путь вверхъ по Пянджу въ обществѣ поручика Н. Н. Трубченинова. Насъ сопровождали мои казаки Воронежевъ и Куромшинъ, четверо линейцевъ, одинъ отрядный джигитъ и нѣсколько таджиковъ—погонщиковъ вьючныхъ лошадей. Двумя днями раньше насъ уѣхали на Постъ Памирскій Аносовъ и Наслѣдовъ. Аносову предстояло тамъ сдать отрядъ новому начальнику — подполковнику М. С. Бодрицкому. Наслѣдовъ также отслужилъ срокъ „памирскаго сидѣнья“ и долженъ былъ вести въ Ошъ эшелонъ людей, окончившихъ свой положенный годъ на Памирѣ. По словамъ нѣсколькихъ киргизовъ, прискакавшихъ съ Мургаба, новый смѣнный эшелонъ, съ подполковникомъ Бодрицкимъ во главѣ, уже прибылъ на Постъ Памирскій. Одновременно съ Аносовымъ отбыли изъ Хорога и бухарцы. Они направились въ Вамаръ.

За недѣлю пребыванія въ Хорогѣ я опредѣлилъ „магнитные элементы“ этой мѣстности и произвелъ нѣсколько экскурсій по окрестностямъ. Хорогъ окруженъ не обширнымъ, но срав-

нительно богатымъ растительностью оазисомъ. И фауна здѣсь довольно разнообразна, особенно пресмыкающіяся. Я видѣлъ много ящерицъ различныхъ видовъ; нѣсколько породъ змѣй. Насѣкомыя также недурно представлены въ Хорогскомъ оазисѣ. Между вредными первое мѣсто занимаетъ фаланга. На восточномъ Памирѣ, благодаря его большому возвышенію надъ моремъ и холодному климату, совсѣмъ нѣтъ ни змѣй, ни фалангъ, ни скорпіоновъ. Это—не малое преимущество восточнаго Памира.

Долина Гунта близъ Хорога не широка; она сдавлена между двумя высокими и крутыми горными хребтами. Весной, при таяніи снѣговъ, съ этихъ кручъ происходятъ обвалы. При образованіи такого обвала весной 1900 г. на глазахъ Аносова былъ засыпанъ одинъ заѣзжій киргизъ.

Однообразіе моего сидѣнья въ Хорогѣ было нарушено только однимъ инцидентомъ, именно появленіемъ у насъ афганскаго дезертира, унтеръ-офицера, которому угрожала за Пянджемъ изъ-за доноса, по его словамъ ложнаго, — казнь. Этотъ красивый, рослый дѣтина былъ радушно принятъ и обласканъ чинами гарнизона. Солдатики, отъ нечего дѣлать, много съ нимъ няньчились и усердно учили его говорить по-русски. Въ нѣсколько дней афганецъ сдѣлалъ большіе успѣхи въ русскомъ языкѣ. Вѣроятно, онъ потомъ прижился въ Хорогѣ: изъ него могъ выйти выдающійся „отрядной джигитъ“.

Параллельно съ засѣданіями русско-бухарской комиссіи происходили 5, 6 и 7 іюля разбирательства дѣлъ по жалобамъ таджиковъ на насилія со стороны свиты бека. По настоянію офицеровъ отряда, Ишанкулъ наложилъ большія или меньшія взысканія на тѣхъ изъ своихъ джигитовъ, виновность которыхъ была доказана.

(Окончаніе слѣдуетъ).

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ ДЕВЯНОСТО ЧЕТВЕРТЫЙ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ).

1904.

НОЯБРЬ.

Журнальный фонд
57547

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія В. В. Комарова, Невскій пр., 136.
1904.

ПО ПАМИРУ.

Путевыя записки Б. В. Станкевича.

(*Окончаніе*).

Глава VI.

Ваханъ.

11 іюля рано утромъ мы выступили съ Н. Н. Трубчениновымъ изъ Хорога и пошли далѣе вверхъ по правому берегу Пянджа. Въ полуверстѣ выше Хорога черезъ Гунтъ перекинутъ мостъ такого же типа, какъ и таджицкіе мосты черезъ Бартангъ. Только Гунтъ во много разъ уже, чѣмъ Бартангъ въ переузинахъ Басита и Хиджиза, а потому построить мостъ черезъ Гунтъ было несравненно проще. Этотъ мостъ настолько широкъ, что по нему свободно можно проѣхать верхомъ. Онъ построенъ трудами чиновъ Памирскаго отряда. Гунтъ, хотя и не широкъ, но очень глубокъ и быстръ. При паводкахъ онъ то и дѣло разворачиваетъ огромныя груды камней, набросанныя на берегахъ и служащія для закрѣпленія балокъ висячаго моста. Этотъ мостъ причиняетъ много заботъ и хлопотъ гарнизону Хорога. Въ нѣсколькихъ верстахъ выше моста въ Гунтъ ввергается слѣва довольно значительная и быстрая рѣка—Шахъ Дарья.

Перебравшись по мосту черезъ Гунтъ и переваливши черезъ утюгообразный отрогъ большого хребта, врѣзающійся клиномъ между Гунтомъ и Пянджемъ, нашъ караванъ спустился къ Пянджу и пошелъ вверхъ по этой рѣкѣ. Здѣсь Пянджъ замѣтно маловоднѣе, чѣмъ ниже впаденія Гунта. Русло его очень измѣнчиво: то оно расширяется на версту и даже на двѣ, при чемъ сама рѣка разбивается на нѣсколько рукавовъ, раздѣленныхъ огромными островами; то русло съуживается настолько, что рѣка имѣетъ ширину не болѣе 30 саженъ. Въ общемъ наклонъ русла несравненно меньше, чѣмъ у Бартанга, или Гунта, и теченіе сравнительно не быстро. Долина рѣки какъ между Вамаромъ и Хорогомъ, такъ и здѣсь, выше Хорога, по большей части довольно широка, и путь по ней не представляетъ трудностей. Встрѣчаются изрѣдка и тѣснины, но далеко не такія грозныя, какъ на Бартангѣ. При-

томъ всѣ тѣснины Пянджа легко обходятся черезъ сравнительно невысокіе перевалы.

Послѣ того, какъ я продѣлалъ весь путь по Пянджу отъ Вамара до самаго Лянгаръ-Гишта, для меня стало понятнымъ, почему Пянджъ, менѣе многоводный, чѣмъ Бартангъ, пользовался изстари среди туземцевъ большей популярностью и произведенъ туземцами, а затѣмъ и географами, въ достоинство главной рѣки, притокомъ которой является будто бы Бартангъ. Долина Пянджа, сравнительно широкая и удобная для движенія не только пѣшеходовъ, но и вьючныхъ животныхъ, изстари служила великимъ путемъ сообщенія, по которому велась торговля, совершались переселенія племенъ и двигались войска завоевателей-хановъ. Ущелье Бартанга, едва доступное для смѣлыхъ пѣшеходовъ, не пользовалось извѣстностью. Потому-то и сама рѣка Бартангъ, несравненно болѣе многоводная, чѣмъ Пянджъ, до самаго послѣдняго времени оставалась въ тѣни.

Въ расширеніяхъ долины Пянджа нерѣдко попадаются болота, поросшія высокимъ камышомъ, въ которомъ скрывается всадникъ на конѣ; встрѣчаются и заросли ивняка, а также какого-то колючаго кустарника, имѣющаго у корня довольно толстый стволъ и достигающаго высоты въ $1^1/_2$—2 сажени.

Нашъ берегъ Пянджа сравнительно пустыненъ: оазисы не часты и не обширны. Наоборотъ, афганскій берегъ представляется богатымъ. Къ числу особенно роскошныхъ оазисовъ лѣваго, афганскаго, берега принадлежитъ устье притока Пянджа, вытекающаго изъ озера Шивы. Значительная часть долины этого притока была намъ отчетливо видна, когда мы поднялись на отрогъ правобережнаго хребта. Озеро Шива и его истокъ — краса Бадактана. Озеро народная молва признаетъ бездоннымъ; про него ходятъ разныя чудесныя легенды.

11 іюля мы сдѣлали огромный переходъ—въ 65 верстъ—и заночевали въ укромномъ боковомъ ущельѣ близъ небольшого кишлачка Сиза. На быстрой рѣчкѣ, мчащейся по ущелью, устроена маленькая мельничка. Это примитивное и миніатюрное сооруженіе туземныхъ инженеровъ вполнѣ соотвѣтствуетъ крошечнымъ запашкамъ таджиковъ. Изъ кишлачка подошелъ къ намъ живущій здѣсь знаменитый охотникъ. Этотъ таджицкій Нимвродъ разсказывалъ про охоту на барсовъ, которыхъ здѣсь изрядное количество. Онъ увѣрялъ, что между барсами есть особая порода, которая отличается тѣмъ, что ея представители имѣютъ будто бы *коготь* на концѣ хвоста. Нимвродъ называлъ этихъ барсовъ „мадофаланами“. Н. Н. Трубчениновъ слыхалъ отъ таджиковъ про эту диковину и раньше. Но, несмотря на то, что онъ и другіе офицеры отряда назначали большія денежныя преміи за доставленіе шкуры „мадофалана“, обращиковъ таковой получить не удавалось. Можно, стало быть, думать, что „мадофаланъ“ есть лишь плодъ таджицкой фантазіи.

12 іюля мы вступили въ Ваханъ и, послѣ перехода въ

45 верстъ, достигли Мульводжскаго, иначе Ишкашимскаго, поста — цѣли поѣздки моего почтеннаго спутника Трубчениновa. Постъ занятъ двѣнадцатью линейцами [1]).

По дорогѣ видѣли нѣсколько опустѣвшихъ кишлаковъ: жители, ожидая, что бухарцы наложатъ на нихъ тяжелыя подати, только что бѣжали въ Афганистанъ.

Военный постъ, на который мы прибыли 12 іюля, былъ до лѣта 1900 г. расположенъ въ кишлакѣ Мульводжѣ; отъ кишлака онъ и получилъ свое названіе. Кишлакъ Мульводжъ находится въ области, которая называется Ишкашимомъ, и которая составляетъ западную часть Вахана. Небольшой гарнизонъ поста былъ расквартированъ въ двухъ глинобитныхъ таджицкихъ сакляхъ кишлака. Надо замѣтить, что въ припянджскомъ Шугнанѣ и въ Ваханѣ сакли гораздо просторнѣе, чѣмъ въ дебряхъ Рошана и въ глуби Шугнана, напримѣръ, на Гунтѣ. Мы прибыли съ Трубчениновымъ въ Мульводжъ около полудня. Въ одной изъ сакель-казармъ мы застали только двухъ солдатиковъ, дежурившихъ около двѣнадцати хорошо вычищенныхъ винтовокъ. Остальной гарнизомъ предавался рыбной ловлѣ, или „рыбалкѣ“, какъ говорятъ туркестанцы. Одинъ изъ дежурныхъ былъ тотчасъ посланъ за унтеръ-офицеромъ, который оставался за начальника гарнизона.

Черезъ полчаса появился унтеръ и, взявши подъ козырекъ, отрапортовалъ Николаю Николаевичу — начальнику поста: „честь имѣю доложить вашему благородію, что на посту Мульводжскомъ все обстоитъ благополучно“. Трубчениновъ сдѣлалъ необходимыя распоряженія касательно перевода гарнизона на новыя квартиры, каковой переводъ онъ назначилъ на завтра, на 13 іюля. Дѣло въ томъ, что, въ виду тѣсноты помѣщенія гарнизона въ кишлакѣ, было рѣшено годъ или два тому назадъ построить для этого гарнизона особую казарму. Постройка была окончена весной 1900 г. и успѣла уже къ іюлю обстояться и просохнуть. Это — глинобитный рабатъ въ родѣ тѣхъ, которые выстроены на постахъ Мургабскомъ и Хорогскомъ. Казарма отстоитъ на двѣ версты отъ кишлака Мульводжа, идя вверхъ по Пянджу. Пянджъ въ этомъ мѣстѣ растекается по очень широкому ложу и дробится на много рукавовъ. Огромные острова между рукавами покрыты непроницаемой зарослью колючаго кустарника съ древовиднымъ стволомъ. Въ такихъ недоступныхъ для человѣка зарослях любитъ залегать кабанъ. Кабановъ здѣсь много. Высокій колючій кустарникъ, растущій по берегамъ и островамъ Пянджа, доставляетъ хорошее топливо. При выборѣ мѣста для постройки Ишкашимской казармы имѣлось въ виду между прочимъ и то соображеніе, чтобъ обезпечить гарнизону запасъ топлива на возможно большій срокъ.

Съ ближайшимъ къ казармѣ островомъ сообщеніе очень удобно: онъ отдѣленъ отъ берега только узкимъ рукавомъ

---

[1]) Въ концѣ лѣта 1900 года состоялось Высочайшее повелѣніе о переименованіи туркестанскихъ линейныхъ баталіоновъ въ стрѣлковые.

рѣки, черезъ который перекинуто нѣсколько мостовъ. Островъ очень обширенъ и сплошь покрытъ колючей чащей. Одинъ только этотъ островъ обѣщаетъ, какъ кажется, чуть ли не неистощимый запасъ топлива для малочисленнаго гарнизона Мульводжскаго поста.

По поводу своеобразной колючей рощи, украшающей Ишкашимскую казарму, солдатики много изощряли свой добродушный русскій юморъ. Одинъ изъ нихъ писалъ въ письмѣ на родину: „во мѣсто выбрали господа ахвицеры для новаго поста! Знатное мѣсто: и кусты есть. Только бы съ дѣвками здѣсь гулять!“

Немного закусивши въ кишлакѣ Мульводжѣ, мы, не теряя времени, отправились къ новой казармѣ. Я разставилъ теодолитъ и принялся за магнитныя наблюденія. Трубчениновъ поставилъ четверыхъ линейцевъ, прибывшихъ съ нами изъ Хорога,—отличныхъ плотниковъ—на разныя работы по приведенію новой казармы въ окончательную готовность. Завтра, 13 іюля, мульводжскій гарнизонъ долженъ былъ пообѣдать въ послѣдній разъ въ кишлакѣ, а послѣ обѣда перейти на новую квартиру.

Спать мы легли на островѣ, на кошмахъ. Комары огромнаго размѣра неистово насъ жалили, и намъ удалось заснуть только послѣ того, какъ съ навѣтряной стороны было зажжено нѣсколько костровъ изъ вѣтокъ колючаго кустарника. Когда костры погасали, комары насъ будили. Мы подкладывали горючаго матеріалу и снова засыпали на короткое время. Всю ночь на афганскомъ берегу Пянджа раздавались въ разныхъ мѣстахъ какіе-то громкіе, дикіе крики. Трубчениновъ объяснилъ мнѣ, что это таджики отпугивали кабановъ отъ своихъ посѣвовъ.

Утромъ 13 іюля я простился съ Трубчениновымъ: какъ начальникъ Ишкашимскаго поста, онъ долженъ былъ теперь водвориться здѣсь на неопредѣленно долгое время. Я же двинулся въ дальнѣйшій путь вверхъ по Пянджу. Меня сопровождали мои казаки Воронежевъ и Куромшинъ, да нѣсколько ваханцевъ.

Высота Ишкашимскаго поста надъ уровнемъ моря около 2500 метровъ, т. е. безъ малаго $2^1/_2$ версты. Благодаря положенію мѣста подъ параллелью $36^0 53'$, климатъ здѣсь—мягкій; но лѣтомъ одолѣваютъ все живое комары и мошки.

Выше Мульводжа русская — правобережная часть долины Пянджа значительно съуживается: мѣстами отроги могучаго Ваханскаго хребта круто обрываются въ рѣку. Моему каравану приходилось не разъ подниматься на довольно высокіе перевалы черезъ эти отроги. Съ такихъ возвышенныхъ пунктовъ открывался дальній кругозоръ на долину Пянджа. Афганскій берегъ былъ у меня „какъ на ладони“.

Выше Мульводжа онъ значительно расширенъ. Пянджъ на этомъ участкѣ подкатывается подъ самый Ваханскій хребетъ и такимъ образомъ сводитъ „на нѣтъ“ нашу русскую часть долины. Наоборотъ, Гиндукушъ, обрамляющій афганскій берегъ

Пянджа, уходитъ противъ Мульводжа на юго-западъ, т. е. отступаетъ отъ рѣки. Съ другой стороны и Бадакшанскій хребетъ, обрамляющій афганскій берегъ Пянджа между Шивой и Мульводжемъ, къ югу отъ Мульводжа быстро понижается и сходитъ „на нѣтъ“. Такимъ образомъ, афганская территорія, лежащая между Бадакшанскими горами, Гиндукушемъ и Пянджемъ, представляетъ изъ себя обширное плато высотою отъ 2600 до 2700 метровъ надъ моремъ. Оно имѣетъ форму почти равнобедреннаго треугольника съ основаніемъ, обращеннымъ къ Пянджу, и вершиной, врѣзающейся между Гиндукушемъ и Бадакшанскими горами. Плато хорошо орошено стоками съ Гиндукуша и Бадакшанскихъ горъ. Климатъ его мягкій. Оно плодородно и густо населено. Здѣсь находятся, среди многихъ кишлаковъ, афганскіе города Зебакъ и Ишкашимъ. Въ послѣднемъ имѣется военный афганскій постъ.

Начиная отъ афганскаго Ишкашима и до самаго Лянгаръ-Гишта, т. е. на протяженіи около 140 верстъ, за мной тщательно наблюдалъ афганскій кавалерійскій разъѣздъ изъ семи джигитовъ. По мѣрѣ того, какъ я подвигался вверхъ по Пянджу правымъ берегомъ, афганцы ѣхали по своей сторонѣ, все время со мной равняясь.

Какъ я уже упомянулъ, нашъ русскій берегъ Пянджа къ югу отъ Мульводжа [1]) вообще-то не широкъ, а мѣстами, гдѣ Пянджъ подкатывается подъ кручи Ваханскаго хребта, и прямо таки „сходитъ на нѣтъ“. Берегъ этотъ каменистъ и представляетъ мало оазисовъ. Здѣсь я съ большимъ успѣхомъ поохотился, на ходу, не спѣшиваясь, на горныхъ куропатокъ, кишѣвшихъ на каменныхъ розсыпяхъ по скатамъ горъ. Выстрѣлъ по выводку этихъ птицъ мелкой дробью убивалъ почти всегда нѣсколько особей. Мы набили куропатками наши куржумы и запаслись чуднымъ жаркимъ на нѣсколько дней. Нигдѣ не видывалъ я и такого изобилія пресмыкающихся, какъ здѣсь, на этихъ каменныхъ розсыпяхъ. Ящерицы самыхъ разнообразныхъ размѣровъ и цвѣтовъ буквально сыпались въ стороны изъ-подъ копытъ нашихъ коней.

День 13 іюля былъ по преимуществу облачный; нѣсколько разъ принимался идти дождь; но, когда проглядывало солнце, зной былъ палящій. Въ 5 часовъ вечера, подъ конецъ перехода, налетѣла на насъ гроза съ ливнемъ, промочившимъ насъ до костей. Вѣтеръ достигалъ степени бури. Около 6 часовъ вечера вдругъ захолодило, и посыпалась крупа. Мы пришли на ночлегъ въ кишлакъ Намадгутъ въ 7 часовъ вечера, сдѣлавъ въ этотъ день около 40 верстъ. Въ двухъ верстахъ выше — по теченію Пянджа—кишлака Ранга я видѣлъ развалины стариннаго укрѣпленія; не доходя двухъ верстъ до Намадгута, миновалъ другія развалины, хорошо сохранившіяся и выглядывающія прямо таки величественно. На афганскомъ берегу,

---

[1]) Иначе говоря, вверхъ по Пянджу отъ Мульводжа: здѣсь вѣдь Пянджъ течетъ прямо на сѣверъ.

почти vis-à-vis,—такія же развалины. Все это бывшіе притоны бѣжавшихъ изъ Индіи сипаевъ.

Намадгутъ—самый южный пунктъ русскихъ владѣній въ Ваханѣ и вообще въ Туркестанѣ. Его географическая широта 36° 40′; высота надъ моремъ 2600 метровъ. Около Намадгута нашъ берегъ Пянджа довольно широкъ и представляетъ хорошій оазисъ. Намадгутъ—большой и богатый относительно кишлакъ.

Я ночевалъ на крытой террасѣ одной изъ сакель. Къ ужину изъ бараньяго супа и жареныхъ куропатокъ, набитыхъ мною по пути, пригласилъ хозяина сакли, арбоба и еще нѣсколькихъ именитыхъ жителей кишлака. Арбобъ привелъ съ собой и представилъ мнѣ афганца, только что пришедшаго изъ-за Пянджа. Это былъ бѣглецъ, спасавшійся отъ смертной казни, человѣкъ знатнаго рода и занимавшій довольно важный служебный постъ помощника бека, т. е. вице-губернатора.

За ужиномъ этотъ господинъ разсказывалъ мнѣ разные курьезы объ афганскихъ порядкахъ. Его рѣчи арбобъ переводилъ на таджицкій языкъ, а затѣмъ уже Куромшинъ передавалъ мнѣ, съ грѣхомъ пополамъ, содержаніе ихъ по-русски. Много помогала, разумѣется, мимика. Разсказы знатнаго афганца вращались главнымъ образомъ около царящей въ Афганистанѣ системы шпіонства и доносовъ, около злоупотребленій чиновниковъ. Я предложилъ ему черезъ Куромшина и арбоба нѣсколько вопросовъ о состояніи афганской арміи. Его показанія на этотъ счетъ вполнѣ сходились съ тѣмъ, что я раньше слышалъ отъ офицеровъ отряда, и о чемъ выше я уже подѣлился съ читателемъ. Для характеристики афганскихъ нравовъ и порядковъ приведу теперь еще только слѣдующій разсказъ моего собесѣдника, опальнаго афганскаго вице-губернатора. Одинъ изъ бековъ Афганистана заболѣлъ. Лѣкарства англійскихъ фельдшеровъ и аптекарей не помогали. Заклинанія туземныхъ знахарей также. Больной губернаторъ обратился къ ишану. Послѣдній предписалъ больному въ видѣ метода лѣченія лишить невинности семь таджицкихъ дѣвушекъ подъ рядъ...

Въ теченіе ночи, проведенной мною въ Намадгутѣ, изъ-за Пянджа нѣсколько разъ раздавались ружейные залпы. Утромъ арбобъ и опальный афганецъ объяснили, что эту пальбу производилъ афганскій разъѣздъ, слѣдовавшій за мною тѣмъ берегомъ Пянджа: афганцы хотѣли показать, что они молъ бодрствуютъ, и тѣмъ внушить тремъ вооруженнымъ русскимъ, за которыми они слѣдили, что переправляться на лѣвый берегъ Пянджа русскимъ не полагается...

По всей вѣроятности, афганцы палили холостыми зарядами, такъ какъ боевые патроны въ мирное время имъ на руки не выдаются.

14 іюля я сдѣлалъ переходъ въ 55 верстъ и заночевалъ въ маленькомъ и очень бѣдномъ кишлачкѣ Ямчинѣ. Почти отъ самаго Намадгута открылся видъ на величественные снѣжные пики имени Царя Миротворца и Царицы Маріи. Эти

пики увѣнчиваютъ восточную часть могучаго Ваханскаго хребта, отдѣляющаго Пянджъ и рѣку „Памиръ“ отъ Шахъ Дарьи. Я любовался видомъ этихъ снѣжныхъ великановъ въ теченіе всего перехода. Видъ на афганскую сторону Пянджа былъ не менѣе внушителенъ: здѣсь рѣка катится подъ самымъ Гиндукушемъ, считающимъ въ себѣ не мало пиковъ отъ 6 до 7 верстъ высоты. Въ теченіе перехода не разъ приходилось стрѣлять по выводкамъ горныхъ куропатокъ; мелкія пресмыкающіяся буквально сыпались съ стороны изъ-подъ ногъ нашихъ коней.

Афганскіе кавалеристы въ красивыхъ чекменяхъ слѣдовали все время параллельно намъ своимъ берегомъ рѣки и расположились на ночлегъ противъ Ямчина. Ночью „*афганская орда*“, какъ выражался Куромшинъ, опять дала нѣсколько залповъ „въ бѣлый свѣтъ“.

Между 1895 и 1899 годами отношенія къ намъ афганцевъ были хорошими и обѣщали дѣлаться все лучше и лучше. Кушкинскій инцидентъ 1885 года былъ давно забытъ; изглаживались изъ памяти афганцевъ и мелкія столкновенія съ русскими на Памирѣ 1891—1893 годовъ. Эти хорошія отношенія культивировались главнымъ образомъ благодаря Памирскому отряду. Начальники нашихъ пограничныхъ съ Афганистаномъ постовъ на Памирѣ старались сколь возможно чаще дѣлать визиты начальникамъ ближайшихъ афганскихъ постовъ и приглашали ихъ къ себѣ. Эти визиты сопровождались обильнымъ угощеніемъ, обмѣномъ подарковъ, устройствомъ увеселеній, пикниковъ. Торговля на Пянджѣ была свободна, и это давало огромныя удобства для нашихъ пограничныхъ гарнизоновъ: они могли покупать муку и скотъ изъ богатаго Бадакшана; тогда многіе офицеры отряда обзавелись чудными бадакшанскими скакунами. Какъ только началась англо-бурская война, что совпало съ началомъ предсмертной болѣзни покойнаго эмира афганскаго Абдурахмана, все разомъ и рѣзко измѣнилось въ отношеніяхъ между русскими и афганцами. Афганское правительство запретило *подъ страхомъ смертной казни* продажу русскимъ на Пянджѣ какъ лошадей, такъ и разныхъ жизненныхъ припасовъ. Афганскіе офицеры стали возвращать обратно своимъ русскимъ vis-à-vis по постамъ на Пянджѣ подарки, которые русскіе офицеры, по заведенному раньше обычаю, пробовали посылать за Пянджъ. Нѣкоторые афганскіе офицеры, возвращая подарки обратно, присылали при этомъ письма съ извиненіями: „мы молъ по прежнему къ вамъ расположены, да боимся Кабула“. Одинъ писалъ: „радъ бы принять вашъ подарокъ, да боюсь, что мой писарь пошлетъ доносъ въ Кабулъ“. О пикникахъ забыли и думать. Афганскіе патрули стали ревниво наблюдать за границей. Произошло нѣсколько пограничныхъ инцидентовъ въ родѣ плѣненія афганцами нашего, извѣстнаго читателю, джигита и переводчика Мансура. Особенно обострились отношенія въ 1900 году. Все это сильно било по карману Памирскій отрядъ. Не угодно ли доставлять муку и барановъ въ Лянгаръ Гиштъ съ Поста Памирскаго!

Причина столь рѣзкой перемѣны въ отношеніяхъ къ намъ афганцевъ по всей вѣроятности та, что въ началѣ войны съ бурами Англія не пожалѣла денегъ на подкупъ лицъ, окружавшихъ тяжело больного тогда афганскаго эмира. Разсчетъ былъ тотъ, чтобы намутить возможно больше повсюду и отвлечь вниманіе державъ отъ южной Африки.

За послѣдніе два года, какъ мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ по перепискѣ съ туркестанскими друзьями, отношенія афганцевъ къ намъ на Памирѣ стали опять улучшаться.

15 іюля 1900 г., выступивъ изъ Ямчина до восхода солнца, я быстро сдѣлалъ переходъ въ 45 верстъ и прибылъ довольно рано въ Лянгаръ Гиштъ. Между Ямчиномъ и Лянгаръ Гиштомъ видѣлъ нѣсколько хорошихъ оазисовъ на нашемъ берегу Пянджа, оазисовъ, пріютившихъ богатые кишлаки. Здѣсь таджики окружаютъ свои сады и сакли высокими стѣнами изъ камня и запираютъ двери амбаровъ и садовъ на замки. Характеръ здѣшнихъ таджиковъ, ваханцевъ, совсѣмъ иной, чѣмъ у ихъ рошанскихъ собратьевъ. Ваханцы представляются мнѣ далеко не такими нравственными, какъ рошанцы. Они скупы, не смѣлы, лживы, негостепріимны. Неужели это только потому, что болѣе богатая природа Вахана обезпечиваетъ населенію удовлетворительное матеріальное благосостояніе? У всѣхъ таджиковъ бывшихъ памирскихъ ханствъ, т. е. у рошанцевъ, шугнанцевъ и ваханцевъ, есть однакоже одна общая и очень важная добродѣтель. Это цѣломудріе. Прелюбодѣяній здѣсь не существуетъ, или почти не существуетъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ, когда жена измѣняетъ мужу добровольно, безъ насилія, виновная, согласно твердому обычаю, убивается, и трупъ ея бросаютъ въ Пянджъ, Бартангъ или Гунтъ. При такомъ характерѣ таджиковъ Памирскаго нагорья, становится понятнымъ, какъ было имъ тяжело афганское иго, одно изъ проявленій котораго—насилія надъ женщинами порабощенныхъ племенъ. Это—главный мотивъ, побуждавшій рошанцевъ къ тому геройскому сопротивленію, которое оказывали они, вооруженные лишь камнями да палками, вторгавшимся къ нимъ военнымъ афганскимъ отрядамъ. Итакъ таджички отличаются цѣломудріемъ. За все время существованія Памирскаго отряда изъ таджичекъ вышла всего только одна солдатская проститутка. А ужъ не мастера ли наши солдатики ухаживать за бабами! Эта таджичка-проститутка живетъ близъ Хорогскаго поста въ кишлачкѣ Хорогѣ. Она—„безъ роду и племени“, и ее некому было зарѣзать и бросить въ Гунтъ. Нравственность таджичекъ западнаго Памира особенно бросается въ глаза по сравненію съ легкостью поведенія сартянокъ и киргизокъ.

Проѣхавъ утромъ 15 іюля кишлакъ Дрижъ, я наткнулся на горячій ключъ. Говорятъ, ихъ много въ Ваханскихъ горахъ. Тутъ же, невдалекѣ отъ Дрижа, видѣлъ я на берегу Пянджа огромную каменную глыбу въ формѣ удлиненнаго пирога. Верхъ камня раздвоенъ трещиной. Сопровождавшіе меня ваханцы разсказали связанную съ этимъ камнемъ легенду. Камень былъ живымъ существомъ-дракономъ. Таджицкій святой

и богатырь Рузъ Али [1]) разсѣкъ дракона мечемъ и обратилъ его трупъ въ камень.

При слѣдованіи моемъ правымъ берегомъ Пянджа отъ самаго Намадгута, я все время находился очень близко къ Гиндукушу: на всемъ этомъ участкѣ Пянджъ катитъ свои воды подъ самымъ Гиндукушемъ. Гребень этого могучаго снѣжнаго хребта приблизительно параллеленъ Пянджу и отстоитъ отъ него на какія-нибудь 15—20 верстъ. Склонъ хребта къ Пянджу представляетъ изъ себя, согласно февральскому протоколу 1895 г., афганскую территорію—переузину знаменитаго международнаго „буфера“. Гребень Гиндукуша есть уже граница Афганистана съ Британской Индіей.

Такимъ образомъ во все время моего слѣдованія отъ Намадгута до Лянгаръ Гишта я находился въ какихъ-нибудь 15—20 верстахъ отъ Индіи. Снѣжные массивы Гиндукуша по большей части закрыты отъ наблюдателя, слѣдующаго долиной Пянджа: ихъ закрываютъ предгорья, спускающіяся къ рѣкѣ. Но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ предгорья прорваны ущельями лѣвыхъ притоковъ Пянджа, открывается съ долины этой рѣки величественный видъ на снѣжный Гиндукушъ.

Въ 5 или 6 верстахъ ниже впаденія въ Пянджъ рѣки Памира я прошелъ мимо афганскаго поста Кала-и-Пянджъ. Этотъ постъ служитъ противовѣсомъ находящемуся въ 7 верстахъ отъ него русскому военному посту Лянгаръ-Гиштскому. Судя по обширности казармъ для солдатъ и для *солдатскихъ женъ*, гарнизонъ форта Кала-и-Пянджъ долженъ быть численностью не менѣе роты. Расположенъ фортъ очень невыгодно для афганцевъ, прямо таки нелѣпо: vis-à-vis, на нашемъ берегу, надъ рѣкой возвышаются предгорья Ваханскаго хребта, съ которыхъ можно обсыпать афганскій фортъ изъ пулеметовъ. Я уже не говорю про орудія конно-горной батареи... Правда, что въ 1900 г. таковыхъ не имѣлось не только въ Гиштѣ, но и во всемъ отрядѣ.

Нашъ военный Лянгаръ-Гиштскій постъ—противовѣсъ афганскому Кала-и-Пянджскому — расположенъ на обрывистомъ правомъ берегу рѣки Памира, въ двухъ примѣрно верстахъ отъ мѣста впаденія этой рѣки въ Пянджъ. Выше устья „Памира“ Пянджъ носитъ уже другое названіе, а именно Ваханъ Дарьи. Отъ устья „Памира“ наша граница съ Афганистаномъ идетъ по рѣкѣ „Памиру“, и афганскій „буферъ“ значительно расширяется: здѣсь онъ состоитъ не только изъ склона Гиндукуша, обращеннаго къ Ваханъ Дарьѣ, но и изъ могучаго горнаго хребта, служащаго водораздѣломъ между бассейнами озера Зоръ Куля и рѣки „Памира“ съ одной стороны и бассейномъ Ваханъ Дарьи съ другой стороны. Этотъ горный хребетъ именуется хребтомъ Императора Николая II. Долина Ваханъ Дарьи составляла когда-то, въ давнія времена, восточную часть Ваханскаго ханства. Теперь это — афганскій Ваханъ. Между Пянджемъ, рѣкой Памиромъ и Шахъ Дарьей лежитъ запад-

[1]) По имени Руза Али вѣроисповѣданіе Памирскихъ таджиковъ называется алипорузскимъ.

ный Ваханъ, принадлежащій теперь Россіи, или, точнѣе, ея вассалу—Бухарѣ.

Такимъ образомъ Лянгаръ-Гиштскій постъ лежитъ на крайней восточной оконечности бухарскаго Вахана, на границѣ съ Ваханомъ афганскимъ. Въ Лянгаръ Гиштѣ и его окрестностяхъ часто проявляютъ себя вулканическія силы. Здѣсь много горячихъ ключей. Одинъ изъ нихъ использованъ для устройства бани, которой постоянно съ большой охотой пользуются чины гарнизона поста. Но, если баня безъ топки составляетъ выгодную сторону вулканической мѣстности, то оборотной стороной медали являются часто повторяющіяся здѣсь землетрясенія. Зимой 1899 — 1900 гг. глинобитныя мазанки поста потерпѣли отъ землетрясенія значительныя поврежденія.

Въ Лянгаръ Гиштѣ я былъ радушно принятъ начальникомъ поста Михаиломъ Николаевичемъ Бромбергомъ и пользовался его милымъ гостепріимствомъ въ теченіе двухъ дней. Отрадно мнѣ было вечеромъ 15 іюля прослушать пѣніе православными солдатиками изъ состава гарнизона цѣлой воскресной всенощной. Подъ чистымъ звѣзднымъ небомъ, у подножія сѣдого Гиндукуша, безъискусственное, но прямо изъ души выливавшееся, солдатское пѣніе производило впечатлѣніе ни съ чѣмъ не сравнимое... Но вотъ окончилось пѣніе псалмовъ и молитвъ, составляющихъ обычное содержаніе воскресной всенощной. Послѣ минутной паузы, солдатскій хоръ съ особой силой и воодушевленіемъ грянулъ: „Спаси, Господи, люди твоя... побѣды Императору нашему Николаю Александровичу на сопротивныя даруя...“ Съ неподдѣльнымъ восторгомъ внимали этому пѣснопѣнію и иновѣрцы — линейцы изъ католиковъ и казаки изъ мусульманъ, добровольно прослушавшіе всю всенощную. Чувствовался общій подъемъ духа. Чувствовалось, что маленькій гарнизонъ въ 40 человѣкъ не считаетъ себя затеряннымъ въ мрачной горной пустынѣ; что для этой горсти людей не представляется невозможнымъ никакой подвигъ. Честь и слава начальникамъ, которые заботятся не только о матеріальномъ довольствіи солдата, но и о духовной его пищѣ. Таковъ Михаилъ Николаевичъ Бромбергъ. Этотъ серьезный, много занимающійся наукой и литературой, офицеръ былъ видимо заинтересованъ моей работой магнитнымъ тедолитомъ. Онъ выражалъ сожалѣніе, что въ Лянгаръ Гиштѣ нѣтъ метеорологической станціи на манеръ существующихъ на Мургабѣ и въ Хорогѣ. Дѣйствительно, метеорологическія наблюденія въ этомъ пунктѣ имѣли бы высокій и совершенно исключительный интересъ въ виду близости Гиндукуша. Одинъ *суховѣй* (Föhnwind), спускающійся въ Ваханъ съ этого хребта, заслуживаетъ особаго вниманія и изученія, не говоря уже о множествѣ другихъ интересныхъ метеорологическихъ вопросовъ, которые могли бы получить со временемъ свое рѣшеніе при существованіи въ Лянгаръ Гиштѣ метеорологической станціи. Интересно и практически важно было бы устроить здѣсь и сейсмометрическую станцію — для наблюденій за землетрясеніями. Высота Лянгаръ Гишта надъ моремъ около 2900 мет-

ровъ. Въ Швейцарскихъ Альпахъ, мѣстами, на такой высотѣ лежитъ уже вѣчный снѣгъ. Въ Гиштѣ, благодаря положенію его на параллели 37°, климатъ очень хорошій, несмотря на столь значительное возвышеніе надъ моремъ. Каменистое плато, на которомъ стоитъ постъ, совершенно безплодно. Но въ двухъ верстахъ ниже по рѣкѣ Памиру, при впаденіи ея въ Пянджъ, разстилается обширный лугъ, свободно пропитывающій десятокъ казачьихъ лошадей.

У Бромберга я видѣлъ трехъ почти ручныхъ котятъ барсовъ, возрастомъ отъ 3 недѣль до мѣсяца. Ваханцы принесли ихъ ему совсѣмъ маленькими, и онъ воспитывалъ ихъ на козьемъ молокѣ. Теперь маленькіе барсы были ростомъ съ хорошаго сибирскаго кота; знали Бромберга и его денщика, но обращали въ бѣгство лягавую собаку, которую не могли видѣть равнодушно. Обращала на себя вниманіе въ маленькомъ звѣринцѣ и огромная гималайская сова, живущая у Бромберга уже давно.

Глава VII.

Снова на восточномъ Памирѣ. Зоръ Куль. Истыкъ. Акъ Су.

Утромъ 17 іюля я простился съ Бромбергомъ и продолжалъ свой путь по афганской границѣ. Теперь я направился вверхъ по ущелью рѣки „Памира“, съ цѣлью посѣтить интересное озеро Зоръ Куль—„Озеро Драконовъ“, изъ котораго вытекаетъ рѣка „Памиръ“. Меня сопровождали, кромѣ моихъ казаковъ, шестеро ваханцевъ изъ окрестностей Лянгаръ Гишта. Одинъ изъ нихъ заболѣлъ въ самомъ началѣ перваго же перехода, и я его отпустилъ назадъ. Лошади для каравана наняты были у тѣхъ же Гиштскихъ таджиковъ. Я условился съ погонщиками ваханцами, что буду пользоваться ихъ услугами до тѣхъ поръ, пока не встрѣчу на рѣкѣ Памирѣ, или у озера Зоръ Куля, значительный киргизкій аиль, изъ котораго можно будетъ получить въ наемъ лошадей. Къ счастью, я предусмотрѣлъ и ту возможность, если на Зоръ Кулѣ не оказалось бы киргизскихъ кочевьевъ. Въ такомъ случаѣ таджики должны были перевалить со мной на Акъ Су. Они согласились и на это, но предупредили, что никто изъ нихъ не былъ даже и на Зоръ Кулѣ, и что они не могутъ быть проводниками при слѣдованіи на Акъ Су. Это меня не смущало—въ виду того, что для меня было совершенно безразлично, какимъ именно изъ нѣсколькихъ существующихъ горныхъ проходовъ перевалить мнѣ отъ Зоръ Куля на Акъ Су.

Нижнее теченіе „Памира“, примѣрно отъ урочища Юль Мазаръ, отличается большимъ наклономъ къ горизонту. Рѣка течетъ здѣсь бѣшенно. Кое гдѣ есть пороги. Долина мѣстами сильно съужена и носитъ характеръ ущелья. Растительность скудная. Ниже Юль Мазара еще попадаются кое гдѣ колючіе

кусты, да ивнякъ—„джаманъ далъ“—у самой воды. Выше же названнаго урочища природа долины уже вполнѣ восточно-памирская: тескенъ, „кампырмышъ“ и кое гдѣ сухая травка составляютъ всю мѣстную флору. На лѣвомъ, афганскомъ, берегу Памира имѣется два небольшихъ оазиса съ пріютившимися въ нихъ таджицкими кишлачками; но это всего лишь въ нѣсколькихъ верстахъ отъ впаденія Памира въ Пянджъ; выше и афганскій берегъ Памира пустыненъ. Такимъ образомъ, свернувъ изъ долины Пянджа въ ущелье рѣки „Памира“, вы сразу покидаете область полуосѣдлаго таджицкаго населенія и попадаете въ область пустынную, только по временамъ посѣщаемую кочевниками киргизами.

Что касается до центральныхъ частей обширной территоріи, лежащей между рѣкой „Памиромъ“ и озеромъ Зоръ Кулемъ съ одной стороны и Ваханъ Дарьей съ другой стороны, то эта область, занятая снѣжными великанами хребта Императора Николая II, представляется совершенно неизвѣстной. Здѣсь не была никогда человѣческая нога. Только южные отроги этого могучаго хребта, спускающіеся къ Ваханъ Дарьѣ, долина которой населена таджиками, посѣщаются изрѣдка англичанами охотниками. Говорятъ, на Ваханъ Дарьѣ дивная охота. По сѣвернымъ склонамъ того же хребта, спускающимся къ Зоръ Кулю, бродятъ иногда небольшими партіями киргизскіе охотники, преслѣдующіе медвѣдей и кіиковъ. Къ сожалѣнію, область между Зоръ Кулемъ и Ваханъ Дарьей отдана въ 1895 г. въ составъ афганскаго „буфера“...

17 іюля я сдѣлалъ переходъ въ 50 верстъ — до урочища Юль Мазаръ. Это пустынное урочище замѣчательно лишь какъ мѣсто погребенія какого-то именитаго киргиза; но могила здѣсь не отмѣчена обычной кучей камней и представляетъ изъ себя лишь незначительный курганчикъ. Не подозрѣвая, что курганчикъ и есть самый „гумбезъ“, я разостлалъ на немъ бурку, бросилъ на землю сѣдельную подушку и расположился кейфовать. „Ваше В—іе“, обратился ко мнѣ суевѣрный Куромшинъ, „вы на гумбезѣ легли“. „Убирайся ты съ своимъ гумбезомъ“, окрысился я, „какой тутъ гумбезъ—видишь, нѣтъ камней и архарьихъ роговъ“. Куромшинъ отошелъ, но немного погодя началъ снова меня упрашивать сойти съ кургана, мотивируя просьбу тѣмъ, что лежать на гумбезѣ — дурная примѣта. Пришлось для успокоенія моего милѣйшаго вѣстового избрать другое мѣсто ночлега.

Высота Юль Мазара надъ моремъ уже довольно изрядная: около 3800 метровъ. Разница въ температурѣ воздуха по сравненію съ Лянгаръ Гиштомъ рѣзко замѣтна. Особенно чувствительна была эта разница для насъ, такъ какъ мы не имѣли съ собой ни юрты, ни палатки, и должны были спать подъ открытымъ небомъ.

Ночь подъ 18 іюля въ Юль Мазарѣ была съ морозцемъ, чему способствовало ясное небо. Холодъ тѣмъ болѣе давалъ себя знать, что дулъ порядочный вѣтеръ.

Переходъ 18 іюля былъ опять въ 50 верстъ—до киргизской

могилы Мазаръ Тепе, что значитъ „Высокая Могила“. Дѣйствительно, мѣсто это поднято на 4050 метровъ надъ моремъ. На рѣкѣ Памирѣ есть три урочища подъ названіемъ Мазаръ Тепе, и всѣ три — между Юль Мазаромъ и озеромъ Зоръ Кулемъ. Мой ночлегъ съ 18 на 19 іюля имѣлъ мѣсто близъ *средняго* Мазаръ Тепе.

На участкѣ отъ Юль Мазара до средняго Мазаръ Тепе русло рѣки Памира въ общемъ гораздо отложе, чѣмъ въ нижнемъ теченіи: отъ Юль Мазара до Гишта, на 50 верстъ длины русла, вертикальное паденіе составляетъ 900 метровъ; на тѣ же 50 верстъ русла отъ *средняго* Мазаръ Тепе до Юль Мазара, это паденіе равно всего лишь 250 метрамъ.

Утромъ 18 числа, отойдя верстъ 20 отъ Юль Мазара, мы пересѣкли довольно значительный правый притокъ Памира—рѣчку Хоргушъ. Идя вверхъ по этой рѣчкѣ, вы попадаете на перевалъ того же имени, съ котораго удобно спуститься въ долину Аличура. Тутъ пролегаетъ обычный путь съ Поста Памирскаго въ Лянгаръ Гиштъ, путь кратчайшій и удобнѣйшій. По нему движутся смѣнные воинскіе эшелоны; имъ же слѣдуютъ съ Мургаба въ Гиштъ продовольственные караваны. Хоргушъ значитъ по-киргизски „заяцъ“ или „заячій“. Дѣйствительно, нигдѣ я не видалъ никогда такого множества зайцевъ изъ породы русаковъ, какъ на среднемъ теченіи Памира. Нѣсколько разъ стрѣлялъ я по нимъ съ своего коня, но, къ сожалѣнію, безуспѣшно: мѣстность была очень открытая, и зайцы не подпускали на хорошій выстрѣлъ дробью. Не удавалось даже „взять“ зайца при помощи сопровождавшей меня афганской борзой. Раза три-четыре заяцъ, не надѣясь спастись отъ насѣдавшей на него борзой, съ отчаянія бросался въ сурочью нору и пропадалъ тамъ безслѣдно. Здѣсь, какъ и всюду на восточномъ Памирѣ, сурокъ очень распространенъ.

На стоянкѣ нашей у могилы *среднее* Мазаръ Тепе въ ночь съ 18 на 19 іюля порядочно морозило, не смотря на облака, покрывавшія небо.

19 іюля совершенъ переходъ въ 55 верстъ. Въ этотъ день пройдено все верхнее теченіе „Памира“ и большая часть сѣвернаго побережья Зоръ Куля. Ночлегъ подъ 20 іюля имѣлъ мѣсто у восточной оконечности „Озера Драконовъ“, на высотѣ 4200 метровъ надъ уровнемъ моря. До полуночи дулъ сильный вѣтеръ. Къ утру температура воздуха спустилась почти до 4^0 *ниже* нуля.

Вообще во время моего слѣдованія изъ Гишта на Акъ Су ночевки были довольно непріятныя: почти всѣ ночи были морозныя, а главное—съ сильнымъ вѣтромъ, достигавшимъ иногда степени бури. Между тѣмъ со мной не было теперь ни юрты, ни палатки. Единственнымъ нашемъ закрытіемъ отъ жестокаго вѣтра бывалъ только низенькій барьерчикъ изъ сѣделъ и вьючныхъ чемодановъ, который мы воздвигали на ночлегахъ съ навѣтряной стороны, и въ который упирались своими головами. У ногъ раскладывали нѣсколько маленькихъ костровъ изъ терескена. Усталость послѣ пятидесятиверстнаго

перехода брала свое, и мы крѣпко засыпали съ вечера, хотя тескеновые костры и погасали въ какіе-нибудь полчаса. Но, послѣ двухъ-трехъ часовъ перваго сна, вѣтеръ насъ пронималъ и заставлялъ то и дѣло ворочаться и вскакивать. Во время этого путешествія по бассейну „Озера Драконовъ“ намъ пришлось претерпѣть нѣкоторыя лишенія и въ отношеніи пищеваго довольствія. Высокая ендова, въ которой пріютилось озеро, а равно и долина рѣки Памира, — мѣстности необитаемыя и лишь періодически посѣщаемыя кочевниками каракиргизами. Мой разсчетъ встрѣтить на рѣкѣ Памирѣ или на Зоръ Кулѣ киргизовъ не оправдался. Мы находили лишь слѣды кочевьевъ въ видѣ высохшихъ испражненій овецъ, верблюдовъ и домашнихъ яковъ. Эти давнишніе слѣды свидѣтельствовали о томъ, что сезонъ кочеванья въ суровой ендовѣ „Озера Драконовъ“ уже окончился. Итакъ мнѣ неоткуда было добыть баранины. Запасъ муки, сдѣланный въ Хорогѣ, истощился и не могъ быть надлежаще пополненъ на посту Лянгаръ Гиштскомъ, такъ какъ гарнизонъ этого поста въ серединѣ іюля самъ былъ стѣсненъ въ отношеніи съѣстныхъ припасовъ: транспортъ, ожидавшійся туда съ Мургаба къ 15 іюля, запоздалъ. Начальникъ поста, милѣйшій М. Н. Бромбергъ, удѣлилъ мнѣ все-таки 15 фунтовъ муки. Но это было очень немного на персоналъ моего каравана, состоявшій изъ меня, двухъ казаковъ и пятерыхъ ваханцевъ. Къ счастью меня выручило обиліе водяной птицы на рѣкѣ Памирѣ, на Зоръ Кулѣ и на верховьяхъ Истыка. Отправляясь съ Куромшинымъ на рысяхъ впередъ каравана, я набивалъ, иногда прямо-таки „на ходу“, не слѣзая съ коня, изрядное количество утокъ изъ породы чирковъ и атаекъ. Супъ изъ этихъ птицъ съ небольшой заправкой изъ муки служилъ намъ единственной пищей въ теченіе трехъ сутокъ. Супъ изъ атайки жиренъ и вонючъ. Хлебать его безъ боурсаковъ — а я запретилъ Куромшину ихъ печь для сбереженія муки на болѣе „черные“ дни—бывало прямо тошно. Но и эта незавидная пища добывалась не легко въ томъ отношеніи, что иногда бывало трудно достать изъ воды застрѣленную птицу. Не разъ пришлось мнѣ съ Куромшинымъ плавать на коняхъ по холодной водѣ рѣки „Памира“ и лагунъ у Зоръ Куля. На ночлеги у могилъ Мазаръ Тепе и у Зоръ Куля мы пріѣзжали мокрыми до послѣдней нитки. Особенно памятна мнѣ охота на гималайскихъ гусей между Хоргушемъ и Мазаръ Тепе. На этомъ участкѣ рѣка Памиръ течетъ, какъ я уже замѣтилъ выше, по сравнительно отлогому руслу. Здѣсь она представляетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ значительныя расширенія, заполняя своими водами довольно обширныя ендовы. Теченіе въ такихъ озероподобныхъ плессахъ очень слабо; зато глубина мѣстами значительна. На одномъ изъ такихъ озероподобныхъ плессъ мы увидѣли, выѣхавъ изъ-за прибрежнаго утеса, стадо гусей примѣрно въ 120 шагахъ. Завидѣвъ всадниковъ, гуси стали быстро удаляться вплавь. Я наскоро всунулъ въ свою двухстволку патронъ, снаряженный волчьей картечью, и пустилъ въ стадо *навѣсный* выстрѣлъ на

разстояніи 140—150 шаговъ. По ударамъ картечинъ въ воду можно было заключить, что наклонъ ружья угаданъ вѣрно: стадо было осыпано картечью. Гуси взлетѣли, за исключеніемъ одного. Этотъ послѣдній былъ однакоже только раненъ, или, скорѣе, зашибленъ картечиной на излетѣ: онъ медленно уплывалъ къ противоположному берегу. Не теряя времени, я и Куромшинъ вгоняемъ коней въ рѣку. Шаговъ 30 они еще идутъ вскачь по мелкому мѣсту, затѣмъ столько же проходятъ рысью и шагомъ, погружаясь все болѣе и болѣе, и наконецъ плывутъ. Мы сползаемъ на хвосты, чтобы не утопить лошадей, обремененныхъ сѣдлами, погружаемся въ холодную воду до подбородковъ и, держась за хвосты, плывемъ „на буксирѣ“. Но вотъ кони опять достаютъ дно, начинаютъ отталкиваться задними ногами и подаются впередъ порывистыми скачками. Хватаясь за пахви, а затѣмъ и за заднія луки сѣделъ, мы влѣзаемъ на крупы коней и садимся въ сѣдла. Гусь пойманъ почти у самаго противоположнаго берега. Мы выѣзжаемъ на этотъ берегъ, выливаемъ воду изъ сапоговъ и переметныхъ сумокъ и отжимаемъ одежду. Затѣмъ, проѣхавъ съ версту вверхъ по лѣвому—афганскому—берегу, находимъ удобное мѣсто для переправы и возвращаемся на свой берегъ рѣки. Нашъ трофей—желтоватый гималайскій гусь—обошелся дорого: не говоря уже о томъ, что мы были мокры „какъ гуща“, досаднѣе всего была для насъ потеря сахара, находившагося въ одной изъ переметныхъ сумокъ Куромшина и обратившагося отъ воды въ грязный липкій кулешъ, который испортилъ и остальное содержимое сумки. Это было почти все, что оставалось намъ отъ запаса сахара, сдѣланнаго въ Хорогѣ. Итакъ на ночлегъ у киргизскихъ могилъ Мазаръ Тепе я и Куромшинъ пріѣхали съ трофеями—гусемъ и нѣсколькими атайками, но зато мокрые и продрогшіе. Скоро подтянулся караванъ, ваханцы разложили костеръ изъ терескена, и мы—охотники—переодѣлись въ сухое бѣлье, взятое изъ вьюковъ. Приступили къ приготовленію ужина. Но тутъ возникло замѣшательство. Лянгаръ-гиштскіе таджики, сопровождавшіе меня теперь, не были такъ вѣротерпимы, какъ ихъ соплеменники изъ ущелья Бартанга. Послѣдніе не стѣснялись, бывало, хлебать съ нами бараній супъ изъ одного котла. Лянгаръ-гиштскіе тащили съ собой *отдѣльный* котелъ. Мало того. На стоянкѣ у Мазаръ Тепе я распорядился было, чтобы супъ изъ гуся варился для меня и моихъ двухъ казаковъ, а атаекъ велѣлъ отдать въ котелъ ваханцевъ. Послѣдніе заявили мнѣ однакоже, что законъ запрещаетъ имъ ѣсть атаекъ, что птица эта—поганая, и они, таджики, готовы умереть отъ голода, лишь бы не осквернить запрещенной пищей. Куромшину видимо хотѣлось замять исторію. Тѣмъ не менѣе я заставилъ его перевести мнѣ рѣчи ваханцевъ. Онъ это и сдѣлалъ, уснащая свой переводъ комментаріями очень нелестными для „глупой орды“, какъ называлъ онъ нашихъ проводниковъ. Обидно ему было уступить таджикамъ гуся, который достался съ такимъ трудомъ и опасностью ему самому и даже „его высок облагородію“. Дѣлать однакоже было нечего. Раздражать

нашихъ пятерыхъ проводниковъ, которые могли въ одну прекрасную ночь сбѣжать со своими лошадьми и оставить насъ однихъ въ дикой горной пустынѣ, было бы плохимъ разсчетомъ. Я сдѣлалъ суровую мину и напомнилъ Куромшину о дисциплинѣ. Таджикамъ былъ отданъ гусь, а я и казаки хлебали вонючій супъ изъ атаекъ.

Я уже имѣлъ случай упомянуть о томъ, что въ характерѣ и нравахъ таджиковъ Рошана и Вахана приходится констатировать большую разницу, притомъ не въ пользу ваханцевъ. Большая разница наблюдается и въ отношеніи нарѣчій. Какъ на примѣръ лексическихъ различій стоитъ хотя бы указать на названіе барана, животнаго, играющаго столь важную роль въ жизни горца. Это животное называется „гушпанъ“ у рошанцевъ и „жендоръ“ у ваханцевъ. Замѣчу кстати, что филологи, которыхъ я послѣ того по поводу этого „интервьюировалъ“, видятъ въ словѣ „жендоръ“ корень родственный съ корнемъ слова „говяда“.

Снявшись 19 іюля утромъ съ мѣста ночлега у Мазаръ Тепе, мы продолжали путь вверхъ по долинѣ, которая носитъ здѣсь вполнѣ восточно-памирскій характеръ. Верстахъ въ двухъ отъ мѣста ночлега мы покинули на время берегъ рѣки и прошли около десятка верстъ параллельно рѣкѣ по длинному и широкому плато, возвышающемуся надъ долиной метровъ на 100 и обрывающемуся мѣстами къ рѣкѣ порядочными кручами. Мы догадались подняться на это плато, благодаря слѣдамъ прошедшаго здѣсь киргизскаго каравана. Слѣды, судя по сильно высохшимъ экскрементамъ животныхъ, были давнишніе. Дѣйствительно, дорога по плато оказалась замѣчательно ровной, хоть въ „дормезѣ“ кати. Между тѣмъ дорога по берегу рѣки камениста, пересѣчена оврагами и мѣстами, гдѣ кручи обрываются въ рѣку, прерывается совсѣмъ. Ширина плато — отъ полуверсты до версты. Далѣе идетъ отлогій подъемъ вверхъ. Возвышенность увѣнчана нѣсколькими характерными конусообразными вершинами—несомнѣнно вулканами. Эта горная группа, служащая водораздѣломъ между бассейнами Зоръ Куля и Аличура, носитъ названіе „Большого Памира“. Руководимые слѣдами прошедшаго здѣсь киргизскаго кочевья, мы спустились къ рѣкѣ верстахъ въ 12 отъ мѣста ея выхода изъ Зоръ Куля и прошли эти 12 верстъ по самому берегу. Въ *среднемъ* наклонъ русла къ горизонту здѣсь не великъ: отъ средняго Мазаръ Тепе до выхода рѣки изъ Зоръ Куля длина русла можетъ составить приблизительно 25 верстъ. Этимъ 25 верстамъ русла соотвѣтствуетъ вертикальное паденіе всего въ 150 метровъ. Тѣмъ не менѣе на самомъ верхнемъ участкѣ рѣки—на послѣднихъ 12 верстахъ—я видѣлъ нѣсколько отдѣльныхъ короткихъ плёссъ съ большимъ наклономъ русла и съ бѣшеной скоростью теченія; встрѣтилось здѣсь также нѣсколько переузинъ, гдѣ русло перегорожено порогами. Но на ряду съ этими непривѣтливыми участками рѣки попадались мѣста, гдѣ рѣка растекается на значительную ширину и представляетъ удобные броды съ дномъ, устланнымъ мелкой галькой.

Наконецъ, пройдя подъ крутыми громадами, надвинувши-

мися почти на самую рѣку, мы очутились въ длинной и широко лессовой ендовѣ. Передъ нами разстилалось величественное озеро, поверхность котораго, подъ дѣйствіемъ сильнаго вѣтра, была покрыта грозными волнами, дававшими у береговъ изрядный прибой. Англичане, старающіеся совать повсюду свой носъ, назвали это озеро Викторіей. Его киргизское названіе—Зоръ Куль. Это значитъ—„Озеро Драконовъ“. Причины, по которой озеро получило отъ заглядывающихъ иногда въ его долину кочевниковъ такое названіе, мнѣ доискаться не удалось. Киргизы Памира не любятъ дѣлиться своими легендами съ европейцами. Длина „Озера Драконовъ“ около 20 верстъ; его ширина—отъ 2 до 7 верстъ. Высота озера надъ моремъ около 4200 метровъ, т. е. почти 4 версты. Принимая во вниманіе какъ эту огромную высоту надъ моремъ, такъ и значительную горизонтальную протяженность озера, приходится признать его однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ „альпійскихъ“ озеръ всего свѣта. Съ сѣвера ендова озера ограждена горной группой „Большого Памира“; съ юга—снѣжнымъ хребтомъ Императора Николая II. Сѣверное побережье озера—отъ воды до предгорій „Большого Памира“—довольно широко. На этомъ огромномъ лессовомъ плато попадаются многочисленныя лагуны, кишащія водяными птицами. 19 іюля я и Куромшинъ вдоволь наплавались по этимъ лагунамъ на нашихъ коняхъ, доставая изъ воды подстрѣленную мною дичь. Тутъ кромѣ атаекъ я набилъ порядочно мелкихъ утокъ вродѣ нашихъ русскихъ „чирковъ“. Супъ изъ нихъ нѣсколько приличнѣе, чѣмъ изъ атаекъ. Но мои ваханцы не ѣли и чирковъ. А такъ какъ гусей, хотя они и были на лагунахъ, убить мнѣ не удалось, то ваханцамъ пришлось вечеромъ 19 іюля выдать фунтовъ шесть муки на болтушку. Я же и казаки ужинали супомъ изъ чирковъ съ легкой мучной заправкой. Муки оставалось у насъ послѣ ужина 19 іюля совсѣмъ немного, а до Акъ Су, гдѣ можно было надѣяться встрѣтить, наконецъ, киргизовъ, отъ Зоръ Куля далеко. Найти около Зоръ Куля киргизовъ мы потеряли надежду. Таджики начинали роптать. Ничего подобнаго, навѣрное, не позволили бы себѣ бравые таджики Бартанга. Съ большимъ сожалѣніемъ выдавалъ Воронежевъ муку ваханцамъ вечеромъ 19 іюля. Пробовалъ онъ меня убѣдить уменьшить выдачу. Но я этого допустить не могъ: было прямо рисковано усиливать недовольство пятерыхъ туземцевъ, которые разсчитывали сдать насъ на Зоръ Кулѣ киргизамъ, и которымъ вмѣсто того предстояло сопровождать насъ по незнакомой имъ пустынѣ.... Казаковъ я подбодрялъ тѣмъ, что высказывалъ увѣренность насчетъ обилія дичи на верховьяхъ Истыка, куда я имѣлъ въ виду перевалить.

Недостатокъ въ припасахъ и недовольство ваханцевъ заставляли меня подвигаться впередъ быстрѣе, чѣмъ какъ слѣдовало бы въ видахъ изученія интересной мѣстности, каковой является бассейнъ Зоръ Куля. Я дѣлалъ большіе переходы. Такъ 19 іюля пройдено 55 верстъ караваномъ; лично я сдѣлалъ гораздо больше, уклоняясь то и дѣло въ стороны для

осмотра мѣстности и для охотничьихъ предпріятій. Мы ночевали подъ 20 іюля у восточной оконечности озера. Ночь была морозная и вѣтряная. Мы съ Куромшинымъ пріѣхали на ночлегъ опять мокрыми.

Наши лошади находили себѣ довольно сносный кормъ на мѣстѣ этого нашего ночлега — при впаденіи въ озеро рѣчки, текущей съ Большого Памира: по ложу рѣчки, около воды, лёссъ былъ покрытъ рѣденькой сухой травкой, характерной для восточнаго Памира. Кое-гдѣ были солончаки, столь полезные для лошадей.

Терескену на лёссовомъ платѣ къ сѣверу отъ озера очень мало. Попадаются отдѣльные кустики этой колючки только на небольшихъ каменистыхъ холмикахъ, возвышающихся надъ лёссовой равниной. Замѣтивъ скудость терескена при самомъ вступленіи нашемъ въ ендову Зоръ Куля, я распорядился, чтобы таджики собирали корни этой колючки въ теченіе всего пути по сѣверному побережью озера. Терескеномъ и кампырмышемъ, собраннымъ кое-гдѣ по кустику на протяженіи 25—30 верстъ, ваханцы набили нѣсколько бывшихъ съ нами порожнихъ мѣшковъ. Эта мѣра оказалась очень полезной, ибо въ смежности съ мѣстомъ ночлега терескена не находилось совсѣмъ.

Утромъ 20 іюля, снявшись со стоянки у Зоръ Куля, мы шли сначала вдоль протока, текущаго въ Зоръ Куль изъ сравнительно небольшого озера Кукъ Джигита, лежащаго къ востоку отъ Зоръ Куля. Отсюда отчетливо виднѣлась снѣжная громада Пика Согласія, одного изъ природныхъ столбовъ русско-афганской границы, установленной въ 1895 году. Длина помянутаго протока отъ 8 до 10 верстъ. Лёссовая почва вдоль него представляетъ рядъ предательскихъ топей. На небольшихъ каменистыхъ холмикахъ, возвышающихся надъ этой топкой равниной, мы встрѣчали огромныхъ орловъ, находящихъ себѣ здѣсь обильную пищу въ видѣ водяной птицы. Орлы были очень строги, и на выстрѣлъ не подпускали. Столь же безплодной была и погоня наша за медвѣдемъ, который отвлекъ насъ верстъ на десять въ сторону отъ нашего пути — почти на самые склоны Пика Согласія. Вернувшись съ этихъ склоновъ къ озеру Кукъ Джигиту, мы присоединились къ нашему каравану и потянулись къ озеру Куркунтаю, изъ котораго вытекаетъ протокъ, впадающій въ Кукъ Джигитъ. Высота Куркунтая надъ моремъ — около 4300 метровъ. На этомъ озерѣ я видѣлъ огромную глыбу льда, прислоненную къ южному берегу. Толщина ледяного слоя надъ водой была, по крайней мѣрѣ, въ 2 метра; длина льдины вдоль берега равнялась примѣрно 100 метрамъ.

Отъ Куркунтая я взялъ въ сѣверо-восточномъ направленіи и черезъ отлогій водораздѣлъ перевалилъ въ бассейнъ Истыка. Мы попали на одинъ изъ лѣвыхъ притоковъ верхняго Истыка, который течетъ съ „Большого Памира“ сперва въ южномъ направленіи, а зачѣмъ заворачиваетъ на востокъ и далѣе, передъ впаденіемъ въ Истыкъ, на сѣверо-востокъ. На этомъ притокѣ

Истыка я видѣлъ въ двухъ мѣстахъ порядочныя озероподобныя расширенія русла; здѣсь воды рѣки скрывались подъ ледяными полями площадью примѣрно въ 2—3 десятины; толщина льда достигала 1½ метра.

Верхнее теченіе Истыка на нѣкоторыхъ картахъ обозначено названіемъ „Кара Су“, каковое названіе встрѣчается на Памирѣ не одинъ разъ. Однако же киргизы, которыхъ мы наконецъ встрѣтили 21 іюля на среднемъ Истыкѣ, упорно стояли на томъ, что среди нихъ верхній Истыкъ носитъ другое названіе, а именно „Шишъ Тепе“, т. е. „Шесть Холмовъ“. Это прозвище дано рѣкѣ по одному изъ обрамляющихъ ее горныхъ хребтовъ, изъ котораго высовывается шесть характерныхъ пиковъ. Маршрутная съемка, произведенная мною 20 іюля, привела меня къ заключенію, что на всѣхъ существующихъ картахъ Памира верхнее теченіе Истыка представлено неправильно. Дѣло въ томъ, что многія части Памира воспроизведены на картахъ лишь на основаніи „разспросныхъ“ свѣдѣній.

20 іюля я расположился на ночлегъ на холмѣ, командующемъ надъ лѣвымъ берегомъ Истыка, въ верстѣ ниже киргизской могилы Джарты Гумбезъ. Эта могила отмѣчена на существующихъ картахъ. Ее легко признать по характерной часовенкѣ съ куполомъ. Передъ нами разстилался величественный видъ на долину рѣки и на знаменитые „шесть пиковъ“. За ужиномъ я и мои казаки хлебали супъ изъ атаекъ; ваханцамъ была выдана на болтушку послѣдняя мука... Положеніе становилось невеселымъ. Къ счастью однако же на другой день, 21 іюля, мы встрѣтили на среднемъ Истыкѣ киргизское кочевье. Въ этотъ день 21 іюля сдѣланъ переходъ въ 40 верстъ. Утромъ переправились на правый берегъ Истыка и шли все время этимъ берегомъ. Подъ вечеръ встрѣтили кочевье. Первымъ дѣломъ я купилъ барана, который былъ немедленно зарѣзанъ и притороченъ ко вьюкамъ. Я собралъ ваханцевъ и объявилъ имъ, что, если они будутъ настаивать, я готовъ отпустить ихъ теперь въ Лянгаръ Гиштъ, такъ какъ для дальнѣйшаго слѣдованія моего каравана представлялась возможность нанять коней у киргизовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я не преминулъ подробно объяснить имъ всѣ выгоды, которыя для нихъ окажутся, если они согласятся дойти со мной до поста Памирскаго. Здѣсь, въ урочищѣ Игри Міюзъ, благодаря встрѣчѣ нашей съ киргизами, я могъ снабдить ваханцевъ бараниной. Но до Гишта имъ предстояло бы отсюда 5 сутокъ пути, въ теченіе которыхъ баранина неминуемо должна была испортиться: ночные морозы въ ендовѣ Зоръ Куля чередовались въ эти іюльскіе дни съ порядочнымъ солнопекомъ среди дня. На Посту Памирскомъ я обѣщалъ снабдить моихъ таджиковъ мукой. Оттуда они пошли бы въ Гиштъ прямымъ путемъ, которымъ двигаются воинскіе эшелоны и продовольственные транспорты, т. е. по Аличуру и черезъ перевалъ Хоргушъ. Ваханцы, подбодренные тѣмъ, что у насъ имѣлась теперь свѣжая баранина, съ радостью согласились идти со мной на Памирскій

Постъ. Мой караванъ весело потянулся къ подъему на перевалъ Игри Міюзъ, которымъ значительно сокращался нашъ путь, такъ какъ Истыкъ дѣлаетъ противъ перевала большое колѣно. У самаго начала подъема на перевалъ мы застали крошечный *кочевой* „постъ Истыкскій". Этотъ оригинальный военный постъ состоитъ изъ двухъ юртъ, населенныхъ пятью казаками и однимъ урядникомъ — „начальникомъ пикета". Постъ кочуетъ обычно по нижнему Истыку и по долинѣ Акъ Су около впаденія Истыка въ Акъ Су. Вскорѣ послѣ моей встрѣчи съ *кочующимъ* „постомъ", до Памирскаго отряда достигли вѣсти о восточно-китайскихъ событіяхъ. Результатомъ этихъ вѣстей было между прочимъ то, что постъ Истыкскій получилъ предписаніе „немедленно откочевать" на Акъ Су, на китайскую границу. Тамъ и пробылъ пикетъ всю осень 1900 года. Но ни въ Кашгаріи, ни на китайскомъ „Тагъ Думъ Башъ Памирѣ", за которымъ должна была „наблюдать" эта горсточка изъ шести казаковъ, спокойствіе не нарушалось ни этой осенью, ни позже. Драмы, разыгрывавшіяся на востокѣ Небесной имперіи, почти не имѣли отзвуковъ на этихъ западныхъ ея окраинахъ.

Казаки Истыкскаго поста дали намъ фунта три боурсаковъ — все, что у нихъ было въ данный моментъ напечено. Характерно, что эти милѣйшіе „станичники" наотрѣзъ отказались отъ денегъ, которыя я совалъ имъ „на водку". Послѣ, съ оказіей съ поста Памирскаго, я прислалъ имъ въ подарокъ нѣсколько фунтовъ чаю.

Перевалъ Игри Міюзъ, на который мы полѣзли вечеромъ 21 іюля, — довольно высокій. Подъемъ мѣстами крутой. Верхняя часть горной группы, черезъ которую ведетъ перевалъ, представляетъ обширное плато, загроможденное невообразимымъ хаосомъ маленькихъ хребтиковъ и конусообразныхъ холмиковъ, похожихъ на „сопки". Мѣстность эта представляетъ несомнѣнно большой интересъ для геолога. Мы неминуемо заблудились бы въ этомъ обширномъ хаосѣ глиняныхъ гребней и шишаковъ, если бы не слѣды киргизскихъ каравановъ, которые служили намъ путеводной нитью. Переваливъ, мы очутились въ ущельѣ рѣчки Игри Міюзъ, текущей въ Истыкъ. Спускаясь внизъ по ущелью, напали на мѣсто, которое, по своей закрытости, приглянулось намъ, какъ мѣсто ночлега. Это было нѣчто въ родѣ глубокаго колодца. Со всѣхъ сторонъ возвышались отвѣсныя гранитныя и базальтовыя стѣны, увѣнчанныя наверху острыми зубцами. Между зубцами скалъ находились большія залежи снѣга. Красивымъ каскадомъ врывалась въ этотъ величественный природный амфитеатръ рѣчка Игри Міюзъ, растекалась по дну колодца, дѣлала крутой поворотъ и исчезала куда-то за каменную громаду. Правда, что выбранное нами мѣсто представляло очень плохіе рессурсы въ смыслѣ корма для нашихъ коней, и безъ того уже отощавшихъ на Зоръ Кулѣ. Но намъ хотѣлось хорошенько выспаться послѣ нѣсколькихъ полубезсонныхъ ночей, проведенныхъ на морозѣ и на жестокомъ вѣтру. Здѣсь, благодаря закрытости

мѣста, можно было разсчитывать на сравнительно хорошую ночевку. Дѣйствительно, выспались великолѣпно. Только около полуночи разбудили насъ протяжные жалобные звуки. Это мяукали барсы. Бодрые и веселые, вскочили мы съ нашихъ войлоковъ утромъ 22 іюля и принялись за завтракъ изъ оставшейся отъ ужина вареной баранины. Ваханцы оживленно болтали съ Куромшинымъ, который разсказывалъ имъ какія-то чудеса про постъ Памирскій и про Фергану. Бодро снялись мы съ мѣста ночлега и начали спускаться внизъ по ущелью. Около впаденія рѣчки Игри Міюзъ въ Истыкъ наткнулись на большое стадо аргали, по которому дали нѣсколько залповъ изъ трехлинеекъ. Трофеемъ нашимъ оказался старый самецъ баранъ съ огромными рогами. Далѣе продолжали путь внизъ по Истыку, слѣдуя правымъ его берегомъ. Ущелье постепенно расширялось. Наконецъ, рѣка выкатила изъ ущелья и разлилась по широкому плато изъ гальки, разбиваясь на безчисленные рукава. Мы находились въ долинѣ Акъ Су, „Бѣлой Рѣки“. На юго-востокѣ виднѣлись снѣжные великаны китайскаго „Тагъ Думъ Башъ Памира“.

Я расположился бивуакомъ въ углу между лѣвымъ берегомъ Акъ Су и правымъ берегомъ Истыка. Здѣсь разстилался роскошный „Памирскій лугъ“ съ обильной травой. Чтобы дать оправиться нашимъ несчастнымъ отощавшимъ конямъ, я рѣшилъ устроить въ этомъ мѣстѣ дневку. Оно было между прочимъ очень кстати и для моихъ научныхъ цѣлей. Работать теодолитомъ было однако же очень трудно въ виду цѣлыхъ тучъ злѣйшихъ комаровъ, наполнявшихъ воздухъ. Я только тѣмъ и спасался, что заставлялъ ваханцевъ цѣлый день поддерживать вокругъ теодолита огонь 10—12 костровъ изъ сухого „тезека“, т. е. навоза яковъ, верблюдовъ и овецъ. Терескену здѣсь не было совсѣмъ, но къ счастью вся долина была усѣяна обильными сувенирами отъ топтавшихся на этомъ богатомъ травой и солончаками „лугу“ киргизскихъ „аилей“. Туристамъ, знакомымъ лишь со швейцарскими Альпами, представится, конечно, страннымъ мой разсказъ про „тучи комаровъ“. Комары на высотѣ 4000 метровъ, на высотѣ, поднятой на 400 метровъ надъ высшимъ изъ десяти снѣжныхъ пиковъ Dent du Midi! Но дѣло въ томъ, что на нашей стоянкѣ 22 іюля послѣ полудня термометръ поднялся почти до $+20^0$ Цельзія (разумѣется въ *тѣни*). Это не мѣшало ему спуститься до *нуля* раннимъ утромъ 23 іюля. Весь день 22 іюля атмосфера была, какъ выражаются метеорологи, сильно „завихрена“: вѣтеръ безпрестанно мѣнялъ направленіе, обѣгая въ безпорядкѣ всѣ румбы. Очевидно, что въ этой обширной горной долинѣ, подъ вліяніемъ сильнаго солнопека, образовывались то здѣсь, то тамъ, барометрическія „депрессіи“, обусловливающія возникновеніе небольшихъ мѣстныхъ вихрей. Любопытны были колебанія температуры въ этотъ день 22 іюля, колебанія, сопровождавшія перемѣны вѣтра. Особенно курьезно то, что температура повышалась при сѣверныхъ вѣтрахъ и понижалась при южныхъ. Дѣло въ томъ, что къ сѣверу отъ устья Истыка долина Акъ

Су представляетъ изъ себя песчаную пустыню, которая въ этотъ день была сильно раскалена солнечными лучами. Между тѣмъ на юго-востокѣ возвышаются снѣжныя громады китайскаго „Тагъ Думъ Башъ Памира".

На лѣвомъ берегу Истыка, въ полуверстѣ отъ устья, находится большой глинобитный сарай, воздвигнутый именитымъ каракиргизомъ, которому молва присвояетъ титулъ „бека". Этотъ знаменитый древній бекъ, по имени Тохтамышъ [1]), съ благодарностью вспоминается одиночными киргизскими джигитами, которыхъ застаетъ зимняя пурга на переѣздѣ съ Мургабскаго поста въ Акъ Ташъ. Акъ Ташъ, т. е. „Бѣлый Камень", — названіе урочища въ верховьяхъ Акъ Су. Это урочище, несмотря на большую высоту надъ моремъ, служитъ, благодаря южному положенію и защищенности горами отъ вѣтровъ, излюбленнымъ мѣстомъ зимовки для цѣлаго „клана" каракиргизовъ, которые называются „акъ-ташскими". Все киргизское населеніе русскаго Памира составляетъ въ административномъ отношеніи одну волость, раздѣленную на четыре аминства: Мургабское, Аличурское, Рангъ-Кульское и Акъ-Ташское. Послѣднее занимаетъ долину Акъ Су.

23 іюля утромъ мы снялись со стоянки у Акъ Су, переѣхали въ бродъ Истыкъ противъ сарая Тохтамышъ бека и потянулись внизъ по Акъ Су лѣвымъ берегомъ. Я отправился рысью впередъ каравана и нашелъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ рабата Тохтамыша довольно сносный бродъ черезъ Акъ Су. Правда, лошади погружались въ воду почти до холокъ. Чтобы не замочить вьюковъ, пришлось организовать переправу такъ: лошадей развьючили, и чемоданы переправляли по одному; таджикъ, или кто-нибудь изъ казаковъ, садился на лошадь и держалъ чемоданъ на рукахъ, на вѣсу; двое другихъ таджиковъ шли по бокамъ лошади, мѣстами по шеи въ водѣ, и поддерживали всадника, державшаго вьюкъ. Теченіе Акъ Су быстро по сравненію съ теченіемъ рѣкъ Европейской Россіи, но много слабѣе, чѣмъ у Мургаба-Бартанга. Просто какъ то не вѣрилось, что мы находились теперь на верховьяхъ той самой бѣшенной рѣки, которая мѣсяцъ тому назадъ швыряла и вертѣла наши турсучьи плоты. Вода въ Акъ Су оказалась 23 іюля довольно теплой: я измѣрилъ ея температуру и нашелъ ее равной 10° Цельзія. Перейдя на правый берегъ Акъ Су, мы могли двигаться уже совершенно безпрепятственно до самаго поста Памирскаго, который стоитъ также на правомъ берегу Акъ Су, но только тамъ, гдѣ эта рѣка получаетъ другое названіе — Мургабъ. Ниже устья Истыка долина Акъ Су широка и пустынна. Песокъ, галька, кое гдѣ кустикъ терескена. Мѣста съ жиденькой сухой травкой здѣсь очень рѣдки. Рѣчки, устремляющіяся въ Акъ Су со снѣжныхъ громадъ Музъ Тагъ Ата—„Отца снѣжныхъ горъ"—докатываютъ свои воды до Акъ Су только въ началѣ лѣта; въ концѣ іюля онѣ пересыхаютъ

[1]) Собственно Тохта Мышъ, что значитъ «Придержи кулакъ!»

въ своемъ нижнемъ теченіи, теряются въ сыпучихъ пескахъ унылой горной пустыни.

Отъ мѣста нашей переправы до Поста Памирскаго оставалось 80 верстъ. Я оставилъ караванъ подъ командой Воронежева, а самъ поѣхалъ, въ сопровожденіи Куромшина, рысью впередъ. Мы сдѣлали, съ небольшими передышками, восьмидесятиверстный перегонъ и около 9 часовъ вечера того же дня были на Посту Памирскомъ. Караванъ пришелъ туда только на другой день. На всемъ протяженіи 80 верстъ встрѣтился намъ только одинъ человѣкъ. Это былъ акъ-ташскій „аминъ“—одинъ изъ четверыхъ помощниковъ Памирскаго „волостного“. Аминъ ѣхалъ въ Акъ Ташъ съ Мургабскаго поста. Онъ сидѣлъ на чудномъ жеребцѣ, а въ поводу велъ другого, навьюченнаго кошмами, одеждой, провизіей и мѣхами съ кумысомъ. По его словамъ, всѣ киргизскіе аили, кочующіе по Акъ Су, тѣснились теперь у Акъ Таша.

Невдалекѣ отъ нашей цѣли—Поста Памирскаго—мы миновали подъемъ на перевалъ, ведущій изъ долины Акъ Су въ котловину озера Рангъ Куля. Эта котловина представляетъ изъ себя во многихъ отношеніяхъ интересную мѣстность. Озеро Рангъ Куль, т. е. „Козлиное“, соединено протокомъ съ другимъ озеромъ—Шоръ Кулемъ, т. е. „Соленымъ“. Вода, притекающая съ горъ въ Рангъ Куль, содержитъ небольшую примѣсь разныхъ солей, преимущественно поваренной. Стекая отсюда черезъ протокъ въ мелкое озеро Шоръ Куль, вода, вслѣдствіе усиленнаго испаренія, пересыщается солью и выдѣляетъ избытокъ ея у береговъ озера, а также на островахъ. Эти острова, а равно и острова Рангъ Куля, весной покрываются сплошными массами водяныхъ птицъ, высиживающихъ яйца. Невдалекѣ отъ Рангъ Куля находится высокій утесъ, съ вертикальными стѣнами, въ которомъ имѣется, на высотѣ нѣсколькихъ десятковъ саженъ надъ почвой, большое отверстіе, ведущее видимо въ пещеру. Пещера эта однакоже недоступна. Про нее ходитъ среди каракиргизовъ нѣсколько легендъ. Киргизы увѣряютъ, будто изъ отверстія пещеры иногда видимъ бываетъ свѣтъ. Въ ней сокрыты несмѣтныя сокровища, охраняемыя духами. Эти сокровища попали туда такъ. Бухарскіе купцы везли изъ Китая много разныхъ драгоцѣнностей. На ночлегѣ у Рангъ-Кульской пещеры ихъ извѣстилъ одинъ добрый киргизъ, что на нихъ нападутъ черезъ нѣсколько часовъ разбойники. Купцы не растерялись: они зарѣзали всѣхъ своихъ верховыхъ и вьючныхъ лошадей и начали бросать куски парной конины на утесъ; морозъ былъ тогда сильный, и куски примерзали къ камню. Цѣпляясь за получившіеся такимъ образомъ выступы, влѣзли они въ пещеру и втащили туда на связанныхъ арканахъ свои драгоцѣнности. Затѣмъ они умерли съ голоду, а души ихъ остались сторожить кладъ. Цѣлый циклъ разсказовъ ходитъ среди мѣстныхъ киргизовъ и про военныя столкновенія, бывшія между китайцами и ихъ сосѣдями близъ Рангъ Куля и вообще на Восточномъ Памирѣ.

Западно-сибирскіе киргизы, тюрки и монголы много разъ

вытѣсняли китайцевъ изъ Кашгаріи. Затѣмъ опять торжествовали китайцы, полчища которыхъ обыкновенно отбрасывали разбитаго врага на западъ, на Памиръ, и здѣсь его уничтожали. Такова была участь монгольскаго племени Кіунъ-Ну въ началѣ нашей эры; тюрковъ уйгуровъ въ XI столѣтіи по Р. Х.; джунгарскихъ калмыковъ въ XVII столѣтіи; коканскихъ и бухарскихъ авантюристовъ въ послѣдующія времена. Въ преданіяхъ памирскихъ каракиргизовъ происходившія на Восточномъ Памирѣ битвы связаны съ легендой о „всадникахъ на вороныхъ коняхъ“, которые спускались со священной горы Музъ Тагъ Ата и склоняли успѣхъ на ту или другую сторону.

Здѣсь, на Восточномъ Памирѣ, разыгрался финалъ великой драмы, дѣйствующими лицами которой были Чингисханъ [1]) и его заклятый врагъ нойонъ [2]) Гушлугъ, этотъ своего рода Баяръ—„рыцарь безъ страха и упрека“—въ сказаніяхъ монголовъ и каракиргизовъ. Послѣ долгой борьбы, остатки доблестной дружины Гушлуга были загнаны отрядами великаго монгольскаго завоевателя на Восточный Памиръ. Гушлугъ и его приверженцы пали героями въ послѣдней, происшедшей на „Крышѣ Міра“, сѣчѣ съ вдесятеро сильнѣйшими монголами.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ озера Рангъ Куля къ востоку, на китайской границѣ, расположенъ небольшой русскій военный постъ, носящій названіе Рангъ-Кульскаго и занятый лишь взводомъ казаковъ. Съ поста Памирскаго можно проникнуть на Рангъ Куль двумя путями: или идя сначала на востокъ, по долинѣ Акъ Су, а затѣмъ на сѣверъ, черезъ довольно легкодоступный перевалъ; или же, идя сначала на сѣверъ, по Ошскому „большаку“, до урочища Корны Тарты, а отсюда на востокъ. Близъ Рангъ Куля кочуетъ съ своими кибитками извѣстный читателю Халметъ Аширкуль Оглы, „аминъ“ сѣверо-восточнаго Памира.

Прибывъ вечеромъ 23 іюля на постъ Памирскій, я засталъ тамъ почти все новыхъ лицъ. Тутъ находились: новый начальникъ отряда подполковникъ Бодрицкій; подпоручикъ Глуздовскій; военный врачъ Дѣдовъ съ своей супругой—второй русской дамой послѣ Аносовой, обрекшей себя на годъ „Памирскаго сидѣнья“. Одинъ только между новыми лицами оказался у меня старый знакомецъ—это достопочтенный подъэсаулъ Овчинниковъ, общій любимецъ отряда, изъявившій желаніе остаться на четвертый годъ „сидѣнья“. Въ этомъ привѣтливомъ обществѣ провелъ я трое сутокъ. Само собой понятно, что главной темой для разговоровъ были китайскія событія. Старыя газеты, привезенныя изъ Оша „почтовыми джигитами“, прочитывались съ жадностью. Маленькій гарнизонъ мечталъ о томъ, что авось придутъ китайцы и дадутъ случай отличиться. Понятно, что всѣ приготовленія къ встрѣчѣ „Большихъ Кулаковъ“ были сдѣланы. Два пулемета, составлявшіе тогда всю артиллерію отряда, были установлены у восточнаго парапета.

---

[1]) Собственно Джингизъ Ханъ, т. е. «Непреоборимый Повелитель».
[2]) «Нойонъ» значитъ «князь».

Рангъ-Кульскій постъ организовалъ тщательныя развѣдки. *Кочевой* постъ Истыкскій получилъ приказъ перетащить свои юрты къ Акъ Ташу.

Не меньше памирцевъ мечтали о дѣлахъ съ „Кулакомъ“ и чины казачьей сотни, находящейся въ Кашгарѣ, одной изъ столицъ китайскаго Туркестана. Эта сотня состоитъ конвоемъ при особѣ русскаго консула въ Кашгарѣ. Къ счастью однакоже спокойствіе въ китайскомъ Туркестанѣ, а тѣмъ болѣе на Тагъ Думѣ Башъ Памирѣ, держалось очень прочно не только осенью 1900 года, но и въ 1901 году. Между прочимъ торговыя сношенія Оша съ Кашгаромъ не только не сократились осенью 1900 г., но были напротивъ того много оживленнѣе, чѣмъ раньше. Особенно много прошло въ Кашгаръ каравановъ съ нашимъ керосиномъ.

Въ концѣ іюля погода на Посту Памирскомъ была теплая. Среди дня температура воздуха поднималась до 18° Цельзія. Правда, подъ утро она падала до 2°. Вѣтры были почти столь же сильны, какъ въ началѣ іюня. Вихри, нерѣдко оформлявшіеся въ видѣ песчаныхъ смерчей, то и дѣло разгуливали по Мургабскому плато. Стоило стихнуть вѣтру хотя бы на короткое время, какъ надъ мургабскимъ кочковатымъ лугомъ появлялись тучи комаровъ и мошекъ. Это былъ разгаръ мургабскаго лѣта. Скоро можно было ожидать наступленія холодовъ. Среди зимы холода бываютъ значительные: по цѣлымъ недѣлямъ ртуть термометра держится на 20°—25° ниже нуля. Теперь гарнизонъ поста дѣятельно готовился къ борьбѣ съ холодами. Обивали двери и потолки казармъ войлоками, устанавливали маленькія желѣзныя печи. На плацу къ сѣверу отъ поста возвышались цѣлыя горы терескена, запаеннаго на зиму въ качествѣ топлива. Приблизительно тутъ было около 20000 пудовъ этой колючки. Собираютъ и свозятъ сюда терескенъ мургабскіе, рангъ-кульскіе и аличурскіе киргизы, конечно за хорошее вознагражденіе. За нѣсколько лѣтъ существованія отряда запасъ колючки въ окрестностяхъ Мургабскаго Поста сталъ замѣтно оскудѣвать. Такимъ образомъ для отряда начинаетъ возникать серьезный вопросъ: чѣмъ топиться въ будущемъ, черезъ 5—6 лѣтъ? Озабоченные этимъ вопросомъ, офицеры отряда дѣятельно ищутъ мѣстнаго минеральнаго топлива. Но, къ сожалѣнію, эти поиски на Памирскомъ нагорьѣ не увѣнчались пока еще успѣхомъ.

Съ грустнымъ чувствомъ покидалъ я теперь Памирскій постъ [1]). Памирская обстановка сродняетъ въ короткое время людей самыхъ различныхъ темпераментовъ и взглядовъ. Кромѣ того меня, при прощаньѣ, неотвязчиво преслѣдовала мысль: что могутъ сдѣлать 70—80 человѣкъ мургабскаго гарнизона, если на нихъ нагрянутъ китайскія полчища въ нѣсколько де-

---

[1]) По свѣдѣніямъ, полученнымъ мною отъ моихъ туркестанскихъ друзей, этотъ постъ переведенъ въ послѣднее время опять въ урочище Ша Джанъ—въ нѣсколькихъ верстахъ ниже по Мургабу, — въ мѣсто, гдѣ постъ былъ первоначально заложенъ Іоновымъ.

сятковъ тысячъ человѣкъ? При этой мысли--вѣдь трудно же было осенью 1900 года предвидѣть спокойствіе Кашгара и Раскема—жутко становилось за *„монашествующую братію Памирскаго Ордена“*, какъ выразилось одно высокопоставленное лицо въ своей привѣтственной эстафетѣ, посланной на Памирскій постъ. Зловѣще, какъ казалось мнѣ, глядѣли дула двухъ пулеметовъ черезъ восточный парапетъ форта на пустынную дельту рѣчки Акъ Байталь.....